E 105/270
T. 1

Е 103
270

ОЧЕРКЪ

РУССКАГО УГОЛОВНАГО ПРАВА

38

Е 105/270
801-85
13096-0

ОЧЕРКЪ

РУССКАГО УГОЛОВНАГО ПРАВА

О. А. Филиппова

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ

Часть I. Уголовныя наказанія. — Часть II. Исправительныя наказанія

БИБЛІОТЕКА * М.П.М.

ПЕТЕРБУРГЪ

1866

2007089155

Въ типографіи П. А. Кулиша

(Симіоновскій переулокъ, д. № 9, Мейснера)

ПРЕДИСЛОВІЕ

Въ данномъ „Очеркѣ русскаго уголовнаго права“, я излагаю, въ общихъ чертахъ, главныя основы нашего прошлаго и новѣйшаго уголовнаго законодательства, съ указаніемъ и нѣкоторыхъ формъ, въ которыя оно выливалось на практикѣ. При чемъ критически касаясь „уложенія о наказаніяхъ“, мною руководитъ не мысль подорвать къ нему уваженіе, а желаніе присоединить и свой трудъ къ дѣятельности нашихъ юристовъ по разработкѣ тѣхъ изъ положеній его, которыя не удовлетворяютъ современнымъ требованіямъ науки и жизни и нуждаются въ обновленіи.

Трудъ этотъ я раздѣляю на періодическіе выпуски. Въ каждомъ выпускѣ представится обзоръ отдѣльныхъ вѣтвей нашего уголовнаго законадательства. Предлагаемый нынѣ первый выпускъ заключаетъ въ себѣ отдѣлъ ***о наказаніяхъ;*** за тѣмъ, по мѣрѣ силъ и возможности, я надѣюсь издать и другіе выпуски.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ЧАСТЬ I

УГОЛОВНЫЯ НАКАЗАНІЯ

Предисловіе 1
Введеніе 1
Глава I. Смертная казнь 4
Глава II. Каторжныя работы 14
Глава III. Ссылка на поселеніе 58
Глава IV. Спутники уголовныхъ наказаній . . 72
Общее заключеніе по уголовнымъ наказаніямъ 78

ЧАСТЬ II

ИСПРАВИТЕЛЬНЫЯ НАКАЗАНІЯ

Глава I. Очеркъ исправительныхъ наказаній . . 81
Глава II. Лишеніе свободы 85
а) Тюрьмы для подслѣдственныхъ арестантовъ 109
б) Тюрьмы для осужденныхъ 112
Глава III. Исправительныя заведенія для малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ 117
Глава IV. Убѣжища для арестантовъ, выходящихъ на свободу 126
Глава V. Еще виды наказаній 134
а) Крѣпость и ссылка на житье . . —
б) Денежныя взысканія и конфискаціи. 138
в) Церковныя наказанія 141

Глава VI. Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями 142
Положенія общія . . . . . —
О проступкахъ противъ порядка управленія . 149
О проступкахъ противъ благочинія, порядка и спокойствія 151
Отдѣленіе 1. О нарушеніи благочинія во время священнослуженія . . . . . —
Отдѣленіе 2. О нарушеніи порядка и спокойствія. . . . . —
О проступкахъ противъ общественнаго благоустройства 155
О нарушеніяхъ устава о паспортахъ . . . 156
О нарушеніяхъ уставовъ строительнаго и путей сообщенія 159
О нарушеніяхъ устава пожарнаго. 163
О нарушеніяхъ уставовъ почтоваго и телеграфическаго 166
О проступкахъ противъ народнаго здравія . 167
О проступкахъ противъ личной безопасности. 170
Объ оскорбленіяхъ чести, угрозахъ и насиліи 172
Отдѣленіе 1. Объ оскорбленіяхъ чести . . —
Отдѣленіе 2. Объ угрозахъ и насиліи . . 174
О проступкахъ противъ правъ семейственныхъ 175
О проступкахъ противъ чужой собственности. 176
Отдѣленіе 1. О самовольномъ пользованіи чужимъ имуществомъ и поврежденіи онаго —
Отдѣленіе 2. О похищеніи и поврежденіи чужаго лѣса 178
Отдѣленіе 3. О кражѣ 183
Отдѣленіе 4. О мошенничествѣ, обманахъ и присвоеніи чужаго имущества 185
Глава VII. Судебныя ошибки 188

О НАКАЗАНІЯХЪ

ВВЕДЕНІЕ

Ни одна отрасль знанія не подвигалась такъ медленно на пути развитія, какъ наука уголовнаго права. Построившись на абстрактныхъ теоріяхъ, она долго не признавала правъ гражданства за ученіями, формировавшимися путемъ опыта и могущими видоизмѣнить весь ея характеръ.

Борьба новыхъ тенденцій съ старыми была упорная и продолжительная. Наконецъ первыя мало-по-малу начали очищать уголовную почву отъ гнилыхъ корней и сѣять на ней знанія, возникающія изъ изслѣдованій живой дѣйствительности. Брошенныя въ нее сѣмена дали такіе ростки, которые обнаружили несостоятельность наказаній во имя различныхъ абстрактныхъ теорій — абсолютной справедливости, общественнаго блага и т. д.; уяснили, что преступленія зависятъ отъ причинъ, лежащихъ внѣ воли человѣка; что, по крайней мѣрѣ въ той сферѣ, въ которой вращается современный человѣкъ, они составляютъ продуктъ случайныхъ обстоятельствъ, различныхъ экономическихъ, соціальныхъ, религіозныхъ и политическихъ условій, болѣзней мозга,

нервной системы, органовъ слуха и зрѣнія и сильныхъ дѣйствій аффектовъ, недающихъ человѣку ни минуты на размышленіе — совершить или нѣтъ данное дѣяніе, вызываемое напряжонностью, возбужденностью и раздражительностью чувствъ. Наконецъ даже и при допущеніи условія полной свободы воли, все-таки оказывается, что нѣтъ безусловно злой или доброй воли, также, какъ нѣтъ безусловно нравственныхъ или безнравственныхъ людей, что совершенная испорченность человѣка — абстрактъ, что если подвергнуть индивидума изслѣдованію, то всегда можно найти въ немъ не совсѣмъ поврежденныя нравственныя сѣмена, которыя при раціональной культурѣ дадутъ и хорошій плодъ; что даже кровавыя дѣйствія — это только высшая точка зла и поворотъ отъ зла къ добру, такъ какъ большею частью вслѣдъ за совершоннымъ злодѣяніемъ является полное раскаяніе и желаніе снова ступить на путь добра и истины и смыть съ совѣсти своей кровавый слѣдъ и т. д. Всѣ эти мотивы измѣнили взглядъ уголовнаго права на преступность и наказуемость, приведя его къ тому выводу, что не для чего преступнаго субъекта—казнить или подвергать пожизненному заключенію, такъ какъ преступникъ не лютый звѣрь, вѣчно опасный для общества, а человѣкъ, могущій при другихъ условіяхъ быть снова полезнымъ дѣятелемъ для себя и той среды, въ которой живетъ. Эти тенденціи, конечно, не могли не повліять на уголовные кодексы. И вотъ законодатели мало по малу начали уничтожать мучительныя казни и пытки и обращать вниманіе на замѣну сырыхъ *ямъ*, называемыхъ *тюрьмами*, болѣе человѣколюбивымъ устрой-

ствомъ мѣстъ заключенія, съ внесеніемъ въ нихъ, по возможности, исправительныхъ элементовъ.

Такимъ образомъ уголовные кодексы, не отрѣшаясь совершенно отъ принципа наказаній вообще и уголовныхъ въ особенности, начали отводить у себя мѣсто и такимъ мѣрамъ, въ основаніе которыхъ легла мысль — исправленія преступника. Въ силу изложеннаго и въ русскомъ законодательствѣ мы встрѣчаемъ двѣ системы: 1) *уголовную* и 2) *исправительную*, къ анализу которыхъ и обратимся.

ЧАСТЬ I

НАКАЗАНІЯ УГОЛОВНЫЯ

(XV Т. Улож. о нак. г. II, 19 ст.).

Къ наказаніямъ уголовнымъ относятся:

I. Смертная казнь.

II. Каторжныя работы въ одномъ изъ трехъ мѣстъ: въ рудникахъ, крѣпостяхъ и заводахъ.

III. Ссылка на поселеніе въ Сибирь.

IV. Ссылка на поселеніе на Кавказъ.

Всѣ эти виды наказаній соединяются съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія.

Разсмотримъ каждый видъ въ отдѣльности.

ГЛАВА I

СМЕРТНАЯ КАЗНЬ

Въ періодъ зарожденія русской жизни смертная казнь вмѣнялась мстителями по мотивамъ народныхъ воззрѣній и въ формахъ, установленныхъ обычаемъ; потомъ право на казнь сдѣлалось преррогативою князи и вольныхъ общинъ — Новгорода и Пскова; далѣе, по мѣрѣ развитія власти велико-княжеской и царства Московскаго, народное вѣче утратило право на безусловную юрисдикцію: утвержденіе смертнаго приговора принадлежало уже князю или царю, исключая казни татей и разбойниковъ, на которую имѣли право: 1) бояре приказовъ — Разбойнаго и Московскихъ, 2) губные суды и 3) Намѣстники отдаленныхъ волостей; но потомъ право это было отнято отъ послѣднихъ.

Смертную казнь выразилъ положительный законъ въ первый разъ въ Уставной Двинской грамотѣ великаго князя Василія Дмитріевича, данной въ 1398 г.; а до того времени вмѣненіе ея не было основано на положительномъ законѣ. Въ первые періоды нашей жизни, казни употреблялись только въ особенно важныхъ случаяхъ и были рѣдки по не-симпатіи къ нимъ народа; потомъ вліяніемъ духовенства онѣ увеличились. Такъ, когда при Владимірѣ св. умножились разбои, то духовенство настаивало казнить разбойниковъ. «Ты поставленъ еси — ему говорили они — отъ Бога на казнь злымъ, а добрымъ на милованіе; достоитъ ти казнити разбойника,

но со испытомъ» (т. е. точномъ изслѣдованіи вины ихъ) (1). Къ этимъ убѣжденіямъ духовенство прибѣгнуло, когда на вопросъ ихъ Владиміру: почему онъ не казнитъ разбойниковъ? — онъ отвѣчалъ: «Боюся грѣха.» Вообще князья и народъ этой эпохи смотрѣли на казнь, какъ на *церковное дѣло* и боялись его. И лишь съ того времени, когда Россія начала слагаться въ одно неразрывное тѣло и верховная власть концентрировалась въ рукахъ московскихъ князей, казни являются чаще, какъ результатъ княжескаго убѣжденія, что для внушенія къ себѣ уваженія и удержанія отъ преступленій необходимо возбудить въ народѣ страхъ. Въ княженіе Дмитрія Іоанновича Донского казни совершались уже публично на древнемъ Кучковомъ полѣ. Въ особенности вмѣненіе ихъ начало развиваться во времена единовластія — при преемникахъ Донского; они, точнѣе опредѣливъ нѣкоторыя государственныя преступленія, строже преслѣдовали преступниковъ. Въ судебникахъ Іоанна III и Іоанна IV смертная казнь должна была вмѣниться въ 18 случаяхъ: за воровство, разбой, смертоубійство, ябедничество и за преступленія, тождественныя съ ними по тяжести, какъ-то за зажигательство и проч. Но при этомъ смертная казнь вмѣнялась не безусловно, а когда виновные, по воззрѣніямъ общины, были — *вѣдомые лихіе люди*; кромѣ *вѣдомыхъ людей* безусловно подлежали смертной казни: убійца своего господина, бунтовщикъ, измѣнникъ, церковный воръ, зани-

(1) Соф. Лѣт. I. 996 (6504) въ пол. соб. рус. лѣт. 1851 года ч. V, т. 5, стр. 123.

мающійся похищеніемъ людей, — подметчикъ и пр. Михаилъ Ѳедоровичъ въ 1634 г. велѣлъ подвергать смертной казни еще тѣхъ, кто держалъ у себя табакъ и имъ торговалъ. — Уложеніе царя Алексѣя Михайловича распространило смертную казнь на 36 случаевъ за преступленія: религіозныя, государственныя и тяжолыя общественныя. Кромѣ того до Уложенія назначеніе вида смертной казни предоставлялось суду или произволу государя; Уложеніе-же съ точностію опредѣляетъ видъ за каждое преступленіе. — При Петрѣ Великомъ случаи вмѣненія смертной казни увеличились; вмѣстѣ съ этимъ онъ внесъ въ нашу жизнь такіе виды казни, о которыхъ прежде Россія и не имѣла понятій. Кромѣ того въ отмѣну обычая, освобождавшаго преступника отъ казни, если ударъ былъ не смертельный или перерывалась веревка, на которой вѣшали осужденнаго, повелѣно: «если при совершеніи казни, палачъ не можетъ однимъ ударомъ отсѣчь голову преступнику, или когда надлежитъ преступника повѣсить, а веревка порвется и осужденный оторвавшись будетъ еще живъ, то этимъ преступникъ отъ смерти не избавляется и палачъ долженъ отправлять должность свою до тѣхъ поръ, пока осужденный будетъ лишенъ жизни (1). Такой порядокъ существовалъ до Елизаветы Петровны и только лишь при ней явилась мысль ограничить случаи вмѣненія казни. Такъ въ 1742 г. послѣдовало распоряженіе не подвергать казни несовершеннолѣтнихъ преступниковъ

---

(1) П. С. З. 1716 г. марта 30, № 3006. Воин. Артик. 204.

обоего пола, недостигшихъ 17 лѣтъ; въ 1743 велѣно за преступленія смертоубійства наказывать не натуральною, а политическою смертью, именно: отсѣчь правую руку и, вырѣзавъ ноздри, ссылать въ вѣчную работу; въ 1744 вмѣнено было въ обязанность, какъ низшимъ учрежденіямъ, такъ и Сенату непремѣнно представлять о всѣхъ смертныхъ приговорахъ на утвержденіе императрицы, — и какъ въ это время былъ сильно возбужденъ вопросъ объ отмѣненіи смертной казни, то она *и избѣгала ея вмѣненія* тѣмъ, что съ 1744 г. по 1753 г. не утверждала приговоровъ и не замѣняла казни ни какими другими наказаніями. Такимъ образомъ, не уничтожая казнь de jure, Елизавета Петровна умѣла найти путь къ ограниченію ея употребленія. Но какъ въ теченіи этихъ 9 лѣтъ накопилось до 4000 арестантовъ и явилось бѣгство изъ мѣстъ заключенія, то въ 1753 г. Сенатъ вошелъ съ представленіемъ къ императрицѣ, въ которомъ доказывалъ: 1) что нѣтъ физической возможности ни Сенату докладывать о каждомъ преступникѣ, ни императрицѣ просматривать эти доклады; 2) что зная волю послѣдней «чтобы и за смертныя преступленія натуральною смертію не казнить» Сенатъ ходатайствуетъ указа о замѣнѣ смертной казни разъ навсегда вѣчною ссылкою въ каторжныя работы, послѣ публичнаго наказанія преступниковъ кнутомъ и заклейменія ихъ. Этотъ докладъ былъ утвержденъ и указомъ 30 сентября 1754 г. за № 10,306 смертная казнь не должна была уже вмѣнятся: за смертоубійство, разбой, грабежъ, зажигательство, умышлен-

ное нарушеніе указовъ, государственныхъ правъ, (исключая опредѣляемыхъ основными законами) и за прочія уголовныя преступленія, по которымъ опробація приговоровъ предоставлена была мѣстнымъ властямъ. Такимъ образомъ смертная казнь удержалась въ законодательствѣ этого времени лишь: 1) за посягательства, какъ на безопасность престола и святость величества, такъ и за безопасность общественнаго существованія и спокойствія государственнаго; 2) за карантинныя преступленія, на основаніи карантинныхъ постановленій. Точное опредѣленіе формы, въ которую должны выливаться эти преступленія, Елисавета Петровна предполагала изъяснить въ готовившемся уголовномъ уложеніи; но осуществленіе этого воспослѣдовало лишь съ изданіемъ свода законовъ 1832 г., въ составъ котораго и вошла смертная казнь за воинскія преступленія, изложенныя въ полевомъ уголовномъ уложеніи 27 января 1812 г. Итакъ хотя въ теченіи времени отъ 1754 г. по 1832 г., кромѣ воинскихъ преступленій, не было точныхъ законодательныхъ опредѣленій, въ какой формѣ должны выражаться преступленія, влекущія смертную казнь, но практика не затруднялась разрѣшеніемъ ихъ. Такъ Мироновичу была отсѣчена голова за умыселъ его произвести въ 1764 г. бунтъ противу верховной власти; за бунтъ происшедшій въ Москвѣ во время чумы 1771 г. были повѣшены двое изъ участниковъ этихъ событій; за бунтъ 1775 г. Пугачевъ и его главный помощникъ Перфильевъ — четвертованы, а другіе сообщники его — казнены отрубленіемъ головы или висѣлицею; наконецъ

также были повѣшены главные виновники событій 14 декабря 1825 года (1).

По нынѣ дѣйствующимъ законамъ смертная казнь вмѣняется лишь за преступленія государственныя, карантинныя и военныя, и въ какихъ случаяхъ — видно изъ статей: 275—278, 283, 287—289, 360, 364, 1044—1048, 1060—1065, 1186, 1187, XV т. ул. о нак. Внѣ же уложенія она нынѣ начала вмѣняться еще за убійство, грабежъ и зажигательство.

Смертная казнь отъ возрожденія до нашего времени имѣла различные виды. Такъ въ древней Россіи, кромѣ отсѣченія головы, разстрѣлянія и висѣлицы, были еще слѣдующіе виды: колесованіе, четвертованіе (2), разсѣченіе на части, разрѣзываніе по составамъ, перетираніе тонкими веревками, засѣканіе до смерти, сажаніе на колъ; подозрѣваемыхъ въ отравленіи заставляли выпивать ядъ, заливали горло расплавленнымъ металломъ; пускали зимою подъ ледъ, свергали въ Волховъ, сжигали на кострахъ и въ желѣзныхъ клѣткахъ и живыми окапывали въ землю (3).

Корнелій Бруинъ вотъ что разсказываетъ объ одномъ изъ такихъ наказаній: женщину, умертвившую своего мужа, съ завязанными назадъ руками, живую зарывали до самыхъ плечъ въ землю, которую вокругъ обтапты-

---

(1) Максимовичъ объ уголов. наказ. въ Россіи, стр. 60.

(2) Къ этому наказанію приговорили въ первый разъ Стеньку Разина.

(3) Указомъ 1689 г. окапываніе въ землю замѣнено отсѣченіемъ головы.

вали. Въ такомъ положеніи преступница оставалась до того момента, пока не умирала. Въ теченіе ея страданій окружали ее съ зажженными свѣчами духовныя лица, которыя вмѣстѣ съ нею молились. Кромѣ того, при преступницѣ находилась стража, слѣдившая за тѣмъ, чтобы ей не давали ни пищи, ни питья; вмѣстѣ съ этимъ имъ дозволено было собирать страдалицѣ бросаемыя народомъ деньги, которыя употреблялись на покупку свѣчей, зажигаемыхъ въ церквахъ предъ иконами за упокой души ея, а частію также и на покупку гроба. Можетъ быть даже, что стражи частицу изъ этого подаянія брали себѣ, или покупали на нихъ какую-нибудь пищу, которую тайкомъ давали преступницамъ (1).

Кромѣ изложенныхъ видовъ смертной казни, мы должны упомянуть еще объ одномъ, перенесенномъ на нашу почву изъ литовскаго статута: «А кто убьетъ до смерти отца или матерь, или кто хотя и сродича своего убьетъ, а тому дати сыну муку: въ торгу его возити и тѣло клещами рвати и потомъ посадите на него собаку, куря и ужа и кота, и то все вмѣстѣ собравши, въ водѣ затопить (2).»

Въ настоящее время, по нашему законодательству существуютъ только два вида смертной казни — это: вѣшаніе и разстрѣливаніе. Но этимъ видамъ пора исчезнуть изъ нашего быта, такъ какъ различныя изслѣдо-

---

(1) Опытъ повѣствованія о древностяхъ Русскихъ, Успенскаго. 506 и 507 статьи.

(2) Архивъ г. Калачова, Т. II, книга 2.

ванія подкопали тѣ доктрины, въ силу которыхъ смертная казнь защищалась. Укажемъ на нихъ.

Теоретическимъ путемъ начали отрицать раціональность и справедливость смертной казни только съ XVIII вѣка, а именно, когда выработалась теорія общественнаго договора. Эта теорія была выводомъ изъ догмата народнаго представительства,—противопоставленнаго деспотическому принципу; она и послужила основаніемъ для теоритическаго протеста противъ смертной казни. Въ числѣ ея послѣдователей былъ итальянскій философъ Беккаріа. Въ сочиненіи своемъ «Dei delitti e delle pene», появившемся въ 1764 г. и созрѣвшемъ подъ вліяніемъ французской философіи, онъ развивалъ ту мысль, что никто изъ гражданъ не могъ включать въ общественный договоръ ни своей совѣсти, ни своей жизни, и изъ этого мотива выводилъ, что общество не должно имѣть прерогативы казнить смертью своихъ гражданъ. Съ его легкой руки начали появляться трактаты за и противъ смертной казни. Они по своимъ разнохарактернымъ тенденціямъ весьма интересны. Поэтому и остановимся на особенно выдающихся изъ нихъ (1).

Мнѣнія, направленныя противъ смертной казни имѣли различный характеръ.

Одни выводили положенія свои изъ свойства Божественнаго промысла, ссылаясь на то, что въ книгѣ су-

---

(1) См. Abschaffung der Todesstrafe von Professor Berner. 1861 Jahr. Die Todesstrafe von Professor Mittermaier. 1862 Jahr. De la peine de mort en matiere politique Guizot. 1821. Учебникъ уголовнаго права. В. Спасовича. 1863.

дебъ предопредѣленъ конецъ нашей жизни; слѣдовательно государство, преждевременно прекращая эту жизнь, вмѣшивается въ дѣло промысла. Другіе говорили, что жизнь есть благо непрпкосновенное, лежащее внѣ человѣческой юрисдикціи. Третіи, — представители христіанскихъ идей, — отвергали смертную казнь потому, что она, отнимая у преступника жизнь, лишаетъ его средствъ къ исправленію для будущей жизни. Они говорили: настоящая жизнь есть только пріуготовленіе къ будущей; слѣдовательно человѣческій судъ не долженъ мѣшать человѣку исправиться, отнимая у него, смертною казнію, возможность раскаяться и спасти душу. Кажется, этотъ мотивъ долженъ былъ бы заставить теологовъ и духовенство поголовно возстать противъ смертной казни; но, въ дѣйствительности, этого не случилось: многіе изъ нихъ, извративъ смыслъ священнаго писанія, не только не раздѣляли этихъ убѣжденій, но еще возставали противъ нихъ.

Отрицаніе справедливости смертной казни основывалось еще на свойствѣ суда человѣческаго и на послѣдствіяхъ смерти. Мотивомъ къ этому служитъ то, что судъ человѣка есть судъ ошибочный и какъ лишеніе жизни есть дѣйствіе невозпаградимое, то ошибки суда въ приговорахъ къ смертной казни могутъ сопровождаться послѣдствіями ничѣмъ неисправимыми.

Справедливость этаго довода доказывается живыми фактами. Такъ напримѣръ, 13-го октября 1761 года былъ отысканъ повѣшеннымъ, страдавшій меланхоліею, сынъ француза Жана Каласа. Не смотря на то, что граждане были самаго высокаго мнѣнія о послѣднемъ, какъ о чѣ-

ловѣкѣ честномъ, правительство заподозрило его, какъ протестанта, въ убійствѣ сына, склонявшагося къ католицизму. Основываясь на этомъ голомъ предположеніи, тулузскій парламентъ приговорилъ Жана Каласа къ колесованію. Но до приведенія казни въ исполненіе сначала подвергли его мучительной пыткѣ, которую онъ вынесъ съ необыкновеннымъ мужествомъ. А потомъ, за нѣсколько минутъ до колесованія, онъ съ тѣмъ же мужествомъ произнесъ: «я умираю невиннымъ; мои судьи въ заблужденіи; по Христосъ, который также былъ невиннымъ, умеръ еще болѣе мучительною смертію.»

Послѣ этаго печальнаго событія семейство Каласа вынуждено было оставить родину, такъ какъ въ тѣ времена близкіе родственники казненнаго всегда становились въ глазахъ грубаго народа предметомъ ужаса и отвращенія. Женева сдѣлалась мѣстомъ убѣжища для несчастнаго семейства. Тамъ познакомился съ ними Вольтеръ, который, узнавъ о постигшемъ ихъ горѣ, рѣшился оправдать Каласа передъ обществомъ. Вслѣдствіе его участія была произведена ревизія процесса и пятьдесятъ судей, просмотрѣвъ вновь дѣло, объявили полную невинность Жана Каласа.

Такихъ грустныхъ фактовъ исторія представляетъ безчисленное множество. Стоитъ только заглянуть въ исторію революцій Франціи и Англіи и намъ представятся тысячи жертвъ, погибшихъ на эшафотѣ совершенно невинно. Нельзя сказать, чтобы и наше время не представляло подобныхъ возмутительныхъ явленій. Такъ, въ теченіи послѣднихъ десяти лѣтъ въ Англіи и Франціи было пять смертныхъ приговоровъ, надъ под-

судимыми, оказавшимися потомъ невинными. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, пристрастіе и близорукость человѣческаго суда были главными причинами напрасно пролитой кровн[illegible]

Сознаніе о томъ, что судъ человѣка не можетъ быть безукоризненнымъ, пробуждается все глубже и глубже. И потому тамъ, гдѣ судъ производится съ присяжными, судьи въ большей части случаевъ, предписывающихъ смертную казнь, стараются найти обстоятельства, могущія оправдать преступника; это дѣлается ими изъ боязни произнести жестокій и несправедливый приговоръ надъ невиннымъ подсудимымъ. Кромѣ того многіе изъ судей, даже вполнѣ убѣждаясь въ преступности даннаго субъекта, избѣгаютъ вмѣняемости смертной казни еще потому, что она противна ихъ убѣжденіямъ о справедливости и легальности этого наказанія. Такъ въ Англіи иногда случается, что судьи, присяжные, свидѣтели, защитники и обвинители составляютъ что-то въ родѣ заговора, чтобы только освободить преступника отъ смертной казни. Присяжные, чтобы избѣгнуть жестокаго приговора, избираютъ даже, во имя гуманности и святого дѣла, путь клятвопреступленія. Это доказывается слѣдующими фактами. Когда за кражу 40 шиллинговъ назначалась по англійскому закону смертная казнь, то изъ свѣдѣній парламента видно, что въ продолженіи 15 лѣтъ въ 535 случаяхъ, присяжные старались доказать, что виновныхъ нельзя подвергнуть наказанію потому, что украденная сумма будто бы не превышала 39 шиллинговъ. Вообще англійскіе присяжные питаютъ такое отвращеніе къ уголовнымъ дѣламъ, по

которымъ преступникъ долженъ быть казненъ, что большею частію одно изъ двухъ: или стараются признать его невиннымъ; или же, если находятъ это невозможнымъ, то, по преступленіямъ убійства, доказываютъ, что оно совершено неумышленно. Вслѣдствіе сего смертная казнь обыкновенно замѣняется пожизненнымъ заключеніемъ. Такимъ образомъ одно изъ самыхъ педантическихъ правительствъ, въ дѣлѣ легальнаго воззрѣнія на общество, невольно отступаетъ передъ кровавымъ призракомъ смертной казни.

Говоря вообще о противникахъ смертной казни, мы укажемъ еще на нѣкоторыя теоріи, созданныя ими. Одна изъ нихъ, отвергаетъ всѣ тѣ наказанія, которыя не строются на исправительномъ началѣ. Такъ нѣкоторые криминалисты, видя въ исправленіи основную и конечную цѣль наказанія, утверждаютъ, что государство должно дѣйствовать кротостью, а не жестокостью и устрашеніемъ, которое есть ни что иное какъ оптическій обманъ. Цѣль государства — говорятъ они — состоитъ въ томъ, чтобы оградить себя отъ вреда преступленія, отъ злой воли преступника и вмѣстѣ съ тѣмъ содѣйствовать нравственному исправленію его. Другія ученія, созданныя идеалистами и матеріалистами, имѣютъ слѣдующій характеръ: идеалисты развиваютъ идею, что въ основѣ наказанія — принципъ исправленія долженъ преобладать надъ всѣми другими принципами, потому что законъ братской любви, не отвергающій и преступниковъ, требуетъ, чтобы мы старались даже помимо воли послѣдняго исправить его. Матеріалисты, проводя мысль объ исправленіи, говорятъ, что человѣкъ есть продуктъ об-

щества, въ которомъ онъ живетъ, что его воля — добрая она или злая — есть плодъ тѣхъ соціальныхъ условій, подъ которыми формируется отдѣльная личность.

Изъ всего, что сказано выше, ясно, что люди различныхъ направленій и убѣжденій, сходятся на идеѣ исправленія. Но есть дѣятели мысли, которые не удовлетворяются и этою конечною цѣлью наказанія: нѣкоторые изъ нихъ совершенно отвергаютъ необходимость уголовнаго права. Мотивомъ къ тому послужило воззрѣніе, что всѣ дѣйствія человѣка совершаются помимо его воли, вслѣдствіе неизбѣжныхъ законовъ природы, воспитанія и общественнаго порядка. Отсюда вытекаетъ полное отрицаніе свободной воли въ человѣкѣ и отвѣтственности за его дѣйствія...

Распространенію этого мнѣнія содѣйствовали:

Теологи, которыя, восходя къ абсолютному началу, во всемъ находили вліяніе невидимой, сверхъестественной силы, дѣлающей человѣка орудіемъ своихъ абстрактныхъ цѣлей. Естествоиспытатели, изучающіе человѣка въ связи съ остальными явленіями природы, старавшіеся объяснить всѣ ненормальныя дѣйствія человѣка разстройствомъ душевныхъ способностей, не отдѣляя ихъ отъ физическихъ.

Френологи или краніоскописты, занимаясь изслѣдованіями надъ выпуклостями черепа, доказывали, что по нимъ можно судить о наклонностяхъ и характерѣ человѣка, такъ какъ они зависятъ отъ величины, формы и специфическихъ качествъ мозга; а изъ этого они выводили слѣдующее заключеніе: всякое преступленіе вы-

текаетъ или отъ дурнаго устройства мозга или отъ временно болѣзненнаго его состоянія или вслѣдствіе невѣжества человѣка. И потому: въ первомъ случаѣ, въ немъ нужно видѣть сумашедшаго; во второмъ — больнаго; а въ третьемъ — человѣка неразвитаго, для котораго необходимо образованіе, могущее выработать въ немъ понятія о добрѣ и злѣ; стало быть во всѣхъ этихъ случаяхъ наказаніе совершенно немыслимо, въ особенности относительно преступленія по невѣжеству, въ которомъ прямо виновато общество, не озаботившееся воспитаніемъ преступника.

Но самымъ сильнѣйшимъ и рѣшительнымъ противникомъ уголовнаго права былъ соціалистъ Робертъ Оуэнъ (Owen) (¹). По его мнѣнію, характеръ человѣка есть слѣдствія его организма и внѣшнихъ вліяній. «Дайте человѣку воспитаніе — говоритъ онъ — безукоризненную среду, и онъ будетъ хорошимъ человѣкомъ». Онъ требуетъ, чтобы награды и наказанія были уничтожены и уголовное право замѣнилось бы народнымъ воспитаніемъ. Для осуществленія своей теоріи, онъ основалъ въ Шотландіи рабочую фабричную колонію, въ которой не было частной собственности, а господствовалъ коммунизмъ. Виновный въ преступленіи изгонялся изъ общества безъ всякихъ наказаній. Успѣхъ этой колоніи былъ блистательный. Но вдругъ Оуэнъ столкнулся съ англійскимъ духовенствомъ, которое заподозрило его въ атеизмѣ, и при самомъ развитіи задушило его смѣлое и великое предпріятіе. Та-

---

(¹) New views of society or essays upon the formation of human character. 1812.

кимъ образомъ остались неизвѣстными дальнѣйшіе результаты этой новой и гуманной мысли...

Въ защиту смертной казни было также много доводовъ.

Одни доказывали необходимость ея тѣмъ, что большая часть народа требуетъ мщенія — наказанія «кровь за кровь». — «Но развѣ это требованіе, какъ справедливо замѣчаетъ Бернеръ, есть голосъ справедливаго чувства? Не есть ли это грубость, неразвитость, желаніе видѣть страданія въ силу разгорѣченнаго чувства, изъ за мести? Законодатель не долженъ останавливаться на такихъ грубыхъ элементахъ. Иначе онъ будетъ Пилатомъ, послушавшимъ голоса народа: «распни его! распни!»

Фактически доказано, что какъ законодательство имѣетъ вліяніе на народъ, такъ и обратно. И потому въ первомъ случаѣ каждый законодатель долженъ поставить себѣ задачею слѣдующее: если народъ такъ грубъ и неразвитъ, что не могъ еще самъ возвыситься до понятія о несправедливости жестокихъ наказаній, — законодатель, отмѣнивъ жестокій законъ, долженъ замѣнить его другимъ и пояснить народу причину. Такой порядокъ смягчаетъ и облагораживаетъ чувства и нравы. Напротивъ, кровавыя сцены дѣйствуютъ дурно на нравственность народа, увеличиваютъ его грубость, уничтожаютъ въ немъ человѣческое чувство и возбуждаютъ свирѣпость и жажду крови. Диккенсъ, который 13-го ноября 1849 г. присутствовалъ при казни двухъ убійцъ — мужа и жены Маннингъ, разсказываетъ: «что свирѣпое и легкомысленное поведеніе безчисленной толпы было такою страш-

ною сценой, какую только человѣкъ можетъ себѣ представить, и едва ли встрѣтитъ въ какомъ нибудь языческомъ городѣ подъ солнцемъ. Висѣлица и преступники совершенно изчезли изъ моихъ глазъ при видѣ страшныхъ волненій, движеній физіономій, и говора собравшихся зрителей. Когда оба преступника вздернуты были на воздухъ: въ народѣ не показалось ни сочувствія, ни сожалѣнія, ни страха. Толпа оставалась невозмутимой и спокойной, точно ни одно человѣческое чувство не было ей доступно. Изъ всего этого можно было заключить, что она способна смотрѣть на казнь людей, какъ на бойню животныхъ. — Я знаю лондонскую жизнь — продолжаетъ Диккенсъ — въ самомъ испорченномъ ея видѣ, и мое горячее убѣжденіе то, что самая великая проницательность не можетъ ничего выдумать сильнѣе смертной казни для разврата общественной нравственности.»

Но если законодательство дѣйствуетъ на народъ, то и народъ въ свою очередь можетъ вліять на законодательную власть. Это мнѣніе подтверждается слѣдующими живыми фактами:

Въ Норвегіи въ 1859 г. былъ приговоренъ къ смерти одинъ преступникъ за убійство. Прошлая хорошая жизнь его пріобрѣла ему общее уваженіе гражданъ, и потому жестокій приговоръ произвелъ въ народѣ такое волненіе, что преступника должны были помиловать...

Когда въ Англіи казнили банкира (Fauntleroy) за поддѣлку фальшивыхъ бумагъ, то англійскіе банкиры обратились въ парламентъ съ просьбою объ отмѣнѣ смертной казни за этотъ видъ преступленія. Но просьба ихъ

была отвергнута большинствомъ голосовъ. Однако это не остановило банкировъ: они при помощи прессы старались провести въ народъ мысль о необходимости отмѣненія смертной казни и это увѣнчало ихъ цѣль полнымъ успѣхомъ: общество приняло въ этомъ дѣлѣ участіе и смертная казнь была отмѣнена за вышеозначенное преступленіе.

Во Флоренціи протестъ противъ смертной казни выразился слѣдующимъ образомъ: въ день совершенія ея многіе жители оставили городъ; улицы, по которой шла процессія, были совершенно пусты, всѣ лавки были закрыты, граждане прятались въ церковь, гдѣ молились и при совершеніи смертной казни было мало зрителей. Все это показало герцогу Леопольду, какъ народъ не сочувствуетъ кровавымъ сценамъ. И вслѣдствіе такихъ манифестацій начали избѣгать подобныхъ зрѣлищъ.

Въ 1859 г. извѣстный политическій переворотъ заставилъ Сардинское правительство декретомъ отъ 10 января 1860 г. совершенно уничтожить смертную казнь.

Изъ этихъ примѣровъ можно видѣть, что есть націи, въ которыхъ чувство отвращенія къ смертной казни развито, а въ другихъ оно слабо или совершенно его нѣтъ.

Изъ теорстическихъ защитниковъ смертной казни самыми ярыми были — послѣдователи Канта и Гегеля. Они признаютъ необходимость ея въ силу того, что будто нельзя найти другой эквивалентъ для нѣкоторыхъ преступленій; они говорятъ, что есть такія тяжкія преступленія, за которыя человѣкъ долженъ платиться жизнію. Но никто изъ нихъ не могъ опредѣлить съ математической точностію, что какое-нибудь данное преступле-

ніе достигло полной своей мѣры; и потому попытка, на основаніи принципа возмездія, уравновѣсить вѣсомое съ невѣсомымъ совершенно немыслима. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ посмотрѣть на ученіе самаго яраго нѣмецкаго бюрократа и идеалиста — Гегеля.

По мнѣнію его, наказаніе есть возмездіе; но оно должно имѣть мѣру въ самомъ преступленіи: оно должно соразмѣряться въ качественномъ и количественномъ отношеніи, съ содѣяннымъ зломъ; и это равенство должно быть внутреннее, а не внѣшнее.

Наказаніе, по ученію Гегеля, возникаетъ вслѣдствіе необходимости развитія идеи правды. Эта идея — отрицается неправдою; наказаніе же — отрицаніе отрицанія, т. е. возстановленіе правды. — Но такая теорія не имѣетъ подъ собой практической почвы. Если преступленіе есть отрицаніе правды — зло, то ни оно, явившись на свѣтъ, можетъ быть радикально уничтожено, а нѣкоторыя его послѣдствія; уничтоженію же его могутъ содѣйствовать не одни наказанія, но и другія различныя средства. И если наказаніе совершается только ради отрицанія, воздаянія — зломъ за зло, вслѣдствіе мести, то оно есть насиліе и признать его справедливымъ едва ли кто рѣшится въ наше время. Когда мы мы видимъ, что не все общество, а отдѣльный его членъ самъ разсчитывается съ обидчикомъ, мы называемъ это местью; то же самое будетъ, если вмѣсто частнаго лица мстителемъ явится общество; и если месть несправедлива въ отдѣльныхъ лицахъ, то тѣмъ болѣе въ цѣломъ обществѣ. Наконецъ было бы странно избирать наказаніе для удовлетворенія какой-то абсолютной справедливо-

сти, т. е. пробовать на человѣческой кожѣ опыты своихъ праздныхъ фантазій. Намъ нечего договаривать, къ какимъ результатамъ привела философія Гегеля своихъ послѣдователей вообще и сторонниковъ смертной казни въ особенности; они извѣстны всѣмъ мало мальски образованнымъ людямъ.

Теперь, остановившись на теоріи устрашенія, на которой многія изъ защитниковъ смертной казни основываютъ свои доводы. Теорія эта разсуждаетъ такъ: какъ не безотрадна перспектива для осужденнаго на пожизненное заключеніе, но мысль о немъ не потрясаетъ преступника въ такой мѣрѣ, какъ идея о смертной казни; послѣдняя въ особенности сильно дѣйствуетъ на народъ и сдерживаетъ его отъ преступности ужаснымъ зрѣлищемъ казни; слѣдовательно она необходима для примѣра, «дабы другимъ повадно не было», какъ говоритъ «уложеніе Алексѣя Михайловича».

Но это мнѣніе не выдерживаетъ самой рутинной критики.

По теоріи, уголовное право можетъ устрашать: 1) угрозою уголовнаго закона и 2) видомъ наказанія.

Угроза уголовнымъ закономъ построена на мысли, что каждый гражданинъ, зная законодательство, остережется отъ печальныхъ результатовъ, которые его ожидаютъ за преступленіе; и потому взвѣсивъ ихъ остановится совершить его. Но это воззрѣніе совершенно ложно. Во-первыхъ, многіе могутъ вовсе не знать угрожающаго закона. Во-вторыхъ, законодатель, выставляющій уголовное право въ видѣ пугала, обна-

руживаетъ незнаніе сердца человѣческаго и явленій въ немъ исходящихъ; онъ предполагаетъ, что каждый субъектъ анализируетъ свои дѣйствія, и если рѣшается на преступленіе, то имѣетъ въ виду и послѣдствія его. Но опытъ показываетъ ошибочность этого воззрѣнія. Въ многихъ преступленіяхъ страсть до того овладѣваетъ человѣкомъ, что парализуетъ его разсудокъ, вслѣдствіе чего и нельзя ждать отъ него холоднаго анализа своихъ намѣреній и дѣйствій.

То же самое приходится сказать и объ устрашеніи видомъ наказанія.

Эта теорія принадлежитъ къ грубѣйшимъ средневѣковымъ предразсудкамъ: сущность ея заключается въ томъ, что большая часть людей руководится только одними животными инстинктами, и потому имѣетъ наклонность къ совершенію преступленій; слѣдовательно обуздать ихъ можно только свирѣпымъ закономъ и потрясающимъ видомъ страданій преступника.

Далѣе эта теорія имѣетъ въ виду не наказаніе преступленія, а прекращеніе новыхъ преступленій. Фейербахъ говоритъ объ этомъ такъ: «право лишать жизни человѣка основано на томъ, что кровь его нужна для психологическихъ опытовъ, что судорожное движеніе его тѣла, безобразный видъ его отрѣзанной головы сильно дѣйствуетъ на нервы черни и такимъ образомъ, устрашая, удерживаютъ ее отъ преступленій».

Но статистическія наблюденія и историческіе опыты раскрыли всю несостоятельность этой теоріи. Устрашительныя мѣры вовсе дѣйствуютъ не такъ, какъ продпо-

лагаютъ. Напримѣръ Гилль (1) разсказываетъ слѣдующій замѣчательный случай: «Одинъ купецъ, послѣ присутствія при смертной казни банкира Fauntleroy, постоянно былъ преслѣдуемъ мыслію, какъ бы улучшить способъ дѣланія фальшивыхъ бумагъ, и какъ бы поумнѣе повести свои дѣла, чтобы преступленіе его не было открыто такъ, какъ преступленіе банкира».

Въ Бостонѣ какъ-то казнили за поджигательство. Послѣ этого событія поджоги увеличились еще болѣе; потомъ оказалось, что всѣ поджигатели присутствовали при первой казни.

Также одинъ священникъ разсказываетъ, что изъ 167 человѣкъ, у которыхъ онъ былъ предъ казнію, изъ нихъ 161, объявили, что до совершенія преступленій они всѣ находились при казняхъ другихъ.

Въ Англіи и во Франціи встрѣчаются случаи, гдѣ все семейство отъ дѣда и до внука подвергались разновременно казнямъ.

Когда въ Лондонѣ казнили за кражу, то во время самой казни воры опустошали карманы у зрителей. А это ясно показываетъ, что смертная казнь вовсе не устрашаетъ черни и не сдерживаетъ ее отъ преступленія. Напротивъ, фактически дознано, что казнь, притупляя въ народѣ нравственное чувство, возбуждаетъ даже нѣкоторое подражаніе къ совершенію преступленій. И что цифра преступниковъ возрастаетъ именно тамъ, гдѣ законы строже и наказанія болѣе жестоки —

---

(1) Crime its amount, p. 170.

это общеизвѣстный фактъ, не требующій особенныхъ доказательствъ.

Наконецъ, надо замѣтить, что смертная казнь не устрашаетъ еще потому, что рѣшившійся на преступленіе не разсчитываетъ на наказаніе: онъ надѣется на безнаказанность, на скрытіе преступленія, на снисходительность суда и тому подобныя ободряющія обстоятельства.

Конечно нельзя сказать этого относительно всѣхъ преступниковъ: есть личности, которыя дѣйствуютъ съ полнымъ убѣжденіемъ, что за совершеніе извѣстнаго дѣянія они не останутся безнаказанными, какъ напримѣръ политическіе преступники. Протестуя противъ господствующаго порядка, они не боятся смерти: они ясно понимаютъ, какой отвѣтственности подвергнутся въ случаѣ неудачи; и не смотря на это, все-таки фанатически стремятся къ осуществленію своихъ цѣлей и охотно жертвуютъ жизнію ради фантастическихъ или дѣйствительныхъ интересовъ своей доктрины. Были даже такіе случаи, что они охотно умирали, чтобы примѣромъ своей смерти вывести изъ апатіи общество и возбудить патріотическій героизмъ въ другихъ мечтателяхъ. Въ исторіи встрѣчается бездна такихъ фактовъ; стало быть идея объ устрашеніи цѣлаго общества и отдѣльныхъ лицъ оказывается, въ данномъ случаѣ, не только безполезной, но положительно вредной.

Если мы глубже вглядимся въ общественный организмъ, то увидимъ, что смертная казнь несправедлива уже потому, что преступленія порождаютъ: дурное устройство соціальнаго и семейнаго быта, недостатокъ умственнаго и нравственнаго развитія, вслѣдствіе чего и не мо-

жетъ выработаться правильное понятіе о правахъ и обязанностяхъ; пролетаріатъ и пауперизмъ, а эти гнойныя раны на современномъ человѣчествѣ — выдвигаютъ съ одной стороны легіоны мрачныхъ тружениковъ, которыхъ трудъ равняется труду рабочаго скота, а съ другой — тунеядство и нищенство, какъ неизсякаемый источникъ, всевозможныхъ пороковъ и преступленій и т. д. И какъ въ большей части случаевъ отвѣтственность за такія преступленія падаетъ на само общество, не озаботившееся уничтожить мотивы къ преступленіямъ, то подвергать преступниковъ жестокой казни несправедливо. Напротивъ общество обязано относиться къ нимъ съ возможно-большей гуманностью, принявъ въ основаніе еще и то, что многіе дѣлаются преступными вслѣдствіе сильнаго раздраженія страстей, минутныхъ увлеченій idée fixe, присущихъ самыхъ безукоризненнымъ членамъ общественнаго организма. Извѣстно, что между преступниками часто встрѣчаются благороднѣйшія личности, во сто разъ болѣе нравственныя, чѣмъ тѣ, кто судилъ и каралъ ихъ; но онѣ впали въ преступленіе, вслѣдствіе какого-нибудь мгновеннаго порыва своей горячей и увлекающейся натуры, раздражаемой давленіемъ внѣшнихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, подъ вліяніемъ которыхъ самая крѣпкая, желѣзная организація сломилась бы. Многіе изъ нихъ, какъ напримѣръ, убійцы, вызванные на преступленіе — ревностью, оскорбленіемъ чести и запальчивостью, — большею частію, тотчасъ же по совершеніи преступленій, сознаютъ свою ошибку и во всю жизнь совѣсть ихъ не примиряется съ совершонными ими дѣяніями.

Если же преступникъ дошелъ до сознанія всей глубины своей вины, чувствуетъ раскаяніе и обращается къ исправленію, то какой упрекъ гражданскому обществу — вести на эшафотъ человѣка, который уже вступилъ на путь исправленія и противъ котораго общество не нуждается ограждать себя такимъ сильнымъ наказаніемъ? какое можетъ быть понятіе о правосудіи, когда убиваютъ исправляющагося преступника изъ за того, чтобы этимъ искупить свою вину?

Правда, были убійцы, которые тотчасъ послѣ совершенія преступленія объявляли судьямъ, что они сожалѣютъ, что ихъ попытка на убійство — не удалась и что они еще болѣе убійствъ не совершили. Дѣйствительно — это грустно! Но г. Бернеръ справедливо замѣчаетъ, «что психологъ въ этомъ случаѣ не задумается, онъ постарается заглянуть за слова преступника въ глубину его души, и вѣроятно найдетъ, что эти слова говорятся изъ упорства, что это есть только ложное хвастовство, за которыми скрываются совершенно другія чувства».

Наконецъ если допустить, что встрѣчаются личности, которые не доходятъ до сознанія своей вины и, не признавая своихъ дѣйствій преступными, упорствуютъ въ своихъ прошлыхъ намѣреніяхъ, то какая жестокость и несправедливость казнить человѣка, которому, до и послѣ его преступности, не достаетъ полнаго сознанія вины, и который вступаетъ на эшафотъ съ тѣмъ убѣжденіемъ, что надъ нимъ совершаютъ несправедливость, что онъ мученикъ! Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ Daub, «что когда совѣсть присужденнаго не согласна съ приго-

воромъ, когда преступникъ идетъ на эшафотъ съ тѣмъ убѣжденіемъ, что его казнятъ несправедливо, то смертная казнь становится однохарактернымъ актомъ съ злодѣяніемъ. »

Кромѣ того смертная казнь должна быть замѣнена другими наказаніями еще потому, что иногда она доводитъ осужденнаго до состоянія изступленія, отчаянія и тогда онъ рѣзко порываетъ послѣднія свои связи съ человѣческимъ обществомъ, проклинаетъ его и на краю могилы ведетъ безсильную, но мучительную борьбу съ тѣми, кто влечетъ его на плаху и затягиваетъ, какъ животное, для того, чтобы онъ могъ получить вѣрный смертельный ударъ. Если же напротивъ въ осужденномъ преобладаютъ чувства совѣсти и страха смерти надъ его физическою силою, то онъ впадаетъ въ такое безсознательное состояніе, въ которомъ уже не можетъ понять самаго наказанія. А совершеніе наказанія при такихъ условіяхъ есть глубоко-гнусное и безнравственное дѣло.

При совершеніи казней случаются такіе болѣзненныя припадки, которые дѣлаютъ невозможной самую казнь. Баварскій криминалистъ Арнольдъ, который былъ свидѣтелемъ, какъ одна преступница дѣвица у позорнаго столба упала въ обморокъ, разказываетъ: «что такъ какъ ничѣмъ не могли привести ее къ сознанію, то безчувственную внесли на эшафотъ и начали казнить, не смотря на то, что шея была такъ судорожно сжата, что почти невозможно было отрубить сй голову. Первый ударъ хотя былъ смертельный, но голова ея не слетѣла: топоръ врѣзался въ грудную кость и потрясенная этимъ отвратительнымъ мясничествомъ публика, должна была

смотрѣть, какъ послѣ этаго отдѣляли голову отъ туловища.»

Этотъ разсказъ не можетъ не потрясти до глубины души и не вызвать вопроса: развѣ въ этомъ должна заключатся цѣль наказанія?

Наконецъ мы видимъ, что англійскій законъ, примѣняясь къ правилу — «malitia suplet aetatem», находитъ необходимымъ казнить дѣтей, достигшихъ 8 лѣтъ. И хотя предоставляетъ присяжнымъ право опредѣлять: имѣлъ ли преступникъ полное сознаніе и обдуманное намѣреніе при совершеніи преступленія; но не говоря уже о томъ, что присяжные могутъ злоупотреблять своимъ правомъ, нельзя не спросить: есть ли разумное основаніе казнить ребенка? И не есть ли казнь дѣтей самое глубокое преступленіе со стороны человѣческихъ обществъ? Если факты убѣждаютъ, что возмужалыя личности, съ сложившимися характерами и воззрѣніями исправляются отъ дурныхъ наклонностей, то тѣмъ болѣе это можно сказать о дѣтяхъ, у которыхъ не могло еще образоваться ни убѣжденій, ни характера, и изъ которыхъ при хорошей обстановкѣ общество непремѣнно сдѣлаетъ полезныхъ гражданъ.

Кромѣ того, изслѣдовала ли наука всѣ виды душевныхъ болѣзней, — слѣдствіе многихъ преступленій, и опредѣлила ли она ихъ съ математической точностію? Нѣтъ; стало быть казни могутъ подвергнуться люди, которые быть можетъ совершили преступленіе въ болѣзненномъ состояніи, не могущемъ уяснится обществу, вслѣдствіе непониманія всѣхъ патологическихъ явленій, происходящихъ въ организмѣ человѣка.

Если сообразить все, что мы сказали, то будетъ очевидно, что смертная казнь есть наказаніе жестокое, непоправимое и недостигающее той великой цѣли, какая должна лежать въ основаніи общественной правды. И потому, если современный общественный строй еще не можетъ обойтись безъ наказаній, то смертная казнь могла бы замѣниться ссылкой или тюремныхъ заключеніемъ. Достоинство этихъ каратсльныхъ мѣръ предъ смертною казнію заключается въ томъ, что если они замѣнятъ ее, то сила репрессивности, не только не проиграетъ, но выиграетъ въ своемъ вліяніи, тогда какъ при существованіи смертной казни судьи часто становяться въ противорѣчіе между требованіемъ закона и голосомъ своей собственной совѣсти, если только совѣсть не усыпила въ нихъ до апатіи палача; они даютъ возможность исправить ошибочный и пристрастный приговоръ, въ случаѣ если откроется невинность осужденнаго; они не лишаютъ общество святой обязанности содѣйствовать преступнику къ его исправленію, такъ чтобы онъ суммой добрыхъ дѣлъ искупилъ бы свою вину и заставилъ бы общество забыть о его преступности.

Защитники смертной казни говорятъ, что есть такіе глубоко-испорченные индивидуумы, которые неисправимы; слѣдовательно съ этими личностями нужно поступать, какъ съ животными, потому что только казнію ихъ общество можетъ избавиться отъ вредныхъ для него людей. Но физіологическія и психологическія наблюденія приводятъ къ тому выводу, что какъ никто не можетъ считать себя человѣкомъ вполнѣ нравствен-

нымъ, такъ и обратно, никто не можетъ видѣть въ преступникѣ человѣка, неспособнаго исправиться. Кромѣ того защитники смертной казни упускаютъ изъ виду, что къ убѣжденію о неисправимости такихъ индивидуумовъ могутъ довести только изслѣдованія; но на практикѣ мы видимъ, что до приговора о смертной казни, общество вовсе не прибѣгаетъ къ такимъ изслѣдованіямъ: оно прямо казнитъ преступника за совершенное имъ преступленіе безъ всякихъ дальнѣйшихъ справокъ — исправимъ онъ или нѣтъ; стало быть, идея о неисправимости преступника не имѣетъ подъ собой твердой почвы — она отвлеченная гипотеза, не оправдывающаяся жизнію.

Противъ этого возражаютъ обыкновенно тѣмъ, что развѣ наказаніе рецидивовъ не основывается на изслѣдованіи о неисправимости такихъ индивидуумовъ? Но этотъ аргументъ слишкомъ шатокъ. Предположеніе о закоснѣлости даннаго субъекта — чистый абстрактъ. Большею частью, самая система наказанія, которой онъ подвергся за первое преступленіе, лишаетъ возможности исправиться. Наконецъ и рецидивъ, по совершеніи нѣсколькихъ преступленій, можетъ вдругъ сознать ненормальность своего положенія и, остановившись, — возвратиться въ прежнее нормальное состояніе. Жизнь представляетъ много такихъ фактовъ.

Остановимся еще на одномъ положеніи. Замѣняя смертную казнь заключеніемъ или ссылкою — эти наказанія не должны быть безсрочными, потому что безсрочность, порождая въ осужденномъ безнадежность и слѣдующее по поводу этого отчаяніе, окончательно деморализуютъ и гу-

бять преступника. Кромѣ того, чтобы не обращать судью въ машину, законодатель долженъ только опредѣлить для maximum и minimum сроковъ — норму; судьямъ же нужно предоставить право приближаться къ этой нормѣ, потому что имъ гораздо легче составить понятіе о степени виновности преступнаго субъекта и его личности. При этомъ необходимо допустить еще сокращеніе сроковъ наказанія административнымъ порядкомъ, — для тѣхъ изъ преступниковъ, которые въ тюрьмѣ или ссылкѣ оказались заслуживающими этого смягченія — способными исправиться.

Эти градаціи имѣютъ высокое нравственное значеніе въ законодательствѣ: во-первыхъ потому, что при опредѣленіи преступленій и слѣдующихъ за нихъ наказаній, уголовное законодательство вообще руководствуется чистымъ абстрактомъ: законодатель не обращаетъ вниманія на личныя свойства и характеръ преступника, а соображается только съ свойствомъ и важностію нарушеннаго права. Но по свойству нарушеннаго права, независимо отъ субъекта, можно составить только приблизительное понятіе объ относительной тяжести преступленія, и сообразно съ этимъ опредѣлить и относительное наказаніе. Стало быть эти опредѣленія должны такъ выражаться, чтобы судья, которому ближе знакомъ преступникъ, могъ по особенностямъ его преступленія, расширить наказаніе до maximum или сократить его до minimum. Далѣе администраторъ знакомиться еще ближе съ личностью преступника, и потому ему должно быть поставлено въ обязанность, въ случаяхъ исправимости послѣдняго, ходатайствовать передъ высшей судебной

властью о смягченіи наказанія — сокращеніемъ сроковъ или совершеннымъ освобожденіемъ преступниковъ. При такомъ порядкѣ, осужденному оставляется величайшій и благороднѣйшій двигатель его нравственнаго возстановленія — надежда возвратиться въ общество и въ семейство; вызвать и поддержать это въ преступникѣ — дѣло первой важности.

Пробѣгая исторію законодательствъ современныхъ намъ государствъ открывается, что смертная казнь мало по малу начинаетъ утрачивать свое обширное примѣненіе. Такъ во Франціи послѣ великой революціи — смертную казнь уже не расточаютъ по многимъ преступленіямъ. Этотъ видъ наказанія уже не существуетъ тамъ для политическихъ преступниковъ, исключая того случая, когда дѣйствія выражаются покушеніемъ на жизнь императора. Эта реформа весьма раціональна. Характеръ политическихъ преступленій также измѣнчивъ, какъ и государственный строй. Политическая дѣятельность, при господствѣ одного государственнаго порядка, принимаетъ характеръ преступленія и наказуется какъ измѣна; при другомъ же государственномъ строѣ, она напротивъ — пользуется величайшимъ уваженіемъ. Эта неопредѣленность и измѣнчивость взгляда на политическую дѣятельность требуетъ, чтобы наказанія за нихъ, если уже ихъ допустить, выливались бы въ такія формы, чтобы съ измѣненіемъ взгляда на государственныя требованія всегда можно было исправить заблужденія и избавить человѣка отъ тяготѣвшей надъ нимъ кары. Смертная же казнь отнимаетъ эту возможность. Наконецъ казнь политическихъ преступниковъ совершенно и безплодна:

полагаютъ, что съ обезглавленіемъ предводителей оппозиціи разрушается и цѣлая политическая партія; но это ошибочно: политическая партія выражаетъ собою лишь силу политическихъ идей, а идею не только нельзя обезглавить, но напротивъ мученическая смерть отдѣльныхъ лицъ, какъ представителей этой идеи, еще болѣе распространяютъ послѣднюю. — Но мы отступили отъ предмета.

Въ 1832 году, во Франціи, законодательство сложило вмѣняемость смертной казни на присяжныхъ, и то подъ условіемъ не приговаривать къ этому наказанію, если въ преступленіи есть обстоятельства, смягчающія вину (causes attenuantes). Вслѣдствіе этого декрета число приговоровъ значительно уменьшилось. Такъ, въ 1837 г., хотя присяжные были очень строги сравнительно съ предшествующими годами, и опредѣлили 58 смертныхъ приговоровъ; но изъ нихъ въ 26 случаяхъ осужденные помилованы. Въ 1858 г. къ смертной казни было приговорено только 38 человѣкъ; совершилась же она надъ 23 [illegible] д.

Въ Англіи смертная казнь, хотя еще не исчезла, но начинаетъ утрачивать свое значеніе. Это видно изъ того, что въ теченіи послѣднихъ 100 лѣтъ изъ 160 случаевъ, за которые она прежде вмѣнялась, въ началѣ нынѣшняго десятилѣтія, осталось всего — семь. Но общество не остановилось на этомъ и все болѣе и болѣе высказывается въ пользу абсолютнаго уничтоженія смертной казни. Мотивомъ къ этому послужило убѣжденіе, что съ отмѣною смертной казни за нѣкоторыя преступленія — количество такихъ преступленій не увеличилось. Вслѣд-

ствіе такихъ общественныхъ воззрѣній семью законами 6-го августа 1861 года смертная казнь отмѣнена для всѣхъ преступленій, исключая предумышленнаго убійства (murder) и тягчайшихъ государственныхъ (treason).

Общегерманскій парламентъ во Франкфуртѣ на Майнѣ закономъ 27-го декабря 1847 года отмѣнилъ смертную казнь, за исключеніемъ нѣкоторыхъ военныхъ преступленій. Но этотъ законъ одни приняли безусловно, какъ-то: Нассау, Ольденбургъ, Кобуръ-Гота, 2 Ангальта и 2 Шварцбурга; другіе — Виртембергъ, Саксонія, Гессенъ-Дармштадтъ, Брауншвейгъ и Мекленбургъ сначала отрѣшились отъ казни, но потомъ снова возстановили ее; третіи — Австрія, Пруссія, Бавар'ія и Ганноверъ совершенно отвергнули постановленіе парламента. Кромѣ того, увлекшись примѣромъ нѣкоторыхъ сѣверо-американскихъ штатовъ, законы Пруссіи 1851 г., Виртемберга 1853 г., Саксенъ-Альтенбурга 1854 г., Гамбурга 1854 г. и Баваріи 1861 г. постановили такое правило, по которому смертная казнь должна совершаться въ оградѣ тюремной, въ присутствіи однихъ только понятыхъ отъ народа. Эта мѣра основана на томъ предположеніи, что она уменьшаетъ ужасъ, производимый въ народѣ при видѣ смертной казни. Но и эта процедура не можетъ встрѣтить сочувствія, потому что общество еще болѣе негодуетъ на кровопролитіе совершающееся тайкомъ, на наказанія, которыя являются не оффиціально, а ищутъ темнаго угла; общество отрицаетъ законность всякаго наказанія неоффиціальнаго, предполагаетъ въ немъ произволъ и несправедливость...

Не къ чести великихъ государствъ, считающихъ себя

цивилизованными и въ тоже время расточающихъ смертную казнь, слѣдуетъ отнести то, что это наказаніе уже вытѣснили изъ кодексовъ, не только: Ольденбургъ-Нассау, 2 Ангальта, 2 Шварцбурга, Саксенъ-Кобургъ-Гота, но еще Республика Санъ-Марино и Тоскана въ Италіи; кантоны—Фрейбургъ и Нёвшатель въ Швейцаріи; а изъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ Мичигенъ, Родъ-Эйлендъ и Висконсинъ.

Изъ нихъ особенно замѣчательна Тоскана, постоянно боровшаяся противъ этого наказанія. Въ ней перестали казнить еще въ 1774 г.; оффиціальнымъ же путемъ этотъ видъ наказанія былъ отмѣненъ только въ 1786 г. Леопольдомъ, и потому, какъ комментируетъ его законодательство: «что 14-лѣтній опытъ доказалъ, что жестокія наказанія только порождаютъ вредъ и что уголовный законъ долженъ заботиться не только объ охраненіи общественной безопасности и о вліяніи посредствомъ примѣра, но и объ усовершенствованіи нравственности преступника, на которое никогда нельзя смотрѣть какъ на невозможное дѣло. Къ достиженію же этой цѣли могутъ служить хорошія тюрьмы, лучше чѣмъ смертная казнь, находящаяся въ противорѣчіи съ характеромъ тосканскаго народа. Потомъ въ 1795 г. смертная казнь снова была возстановлена. Съ этаго времени она то прекращалась, то снова возрождалась; наконецъ въ 1859 г. революціонеры обратились къ Піемонтскому правительству съ просьбою объ уничтоженіи смертной казни. И правительство, вслушавшись въ голосъ народа, дало Тосканѣ привиллегію ни имѣть ни палача, ни эшафота.

Несостоятельность мнѣнія, что менѣе жестокія нака-

занія увеличиваютъ преступленія, ясно подтверждается и статистическими данными.

Во Франціи, не смотря на рѣдкую вмѣняемость жестокихъ наказаній, число преступленій не только не увеличилось, но даже уменьшилось, а именно: съ 1851 г. по 1855 г. среднимъ числомъ бывало ежегодно по 5,238 обвиненій; между тѣмъ, какъ въ 1856 г. — 4,355; 1857 г. — 4,301 и 1858 г. — 4,302. Эти данныя ясно говорятъ, что строгое примѣненіе жестокихъ наказаній не есть необходимое условіе уменьшенія числа преступленій.

Въ Англіи, хотя кодексъ изгналъ смертную казнь по многимъ преступленіямъ, и до 1861 года она вмѣнялась только въ 7 случаяхъ, вмѣсто 160 прежнихъ, но число преступленій не увеличилось. Такъ въ 1848 г. было преступниковъ 30,349, 1858 г. — 17,855, а въ 1859 г. —16,671.

Въ Шотландіи число смертныхъ приговоровъ также уменьшается. Въ 1858 и 1859 г., тамъ уже не было ни одного смертнаго приговора, а въ 1860 г. хотя и было 4 приговора, но они не были исполнены. И не смотря на все это количество тяжкихъ преступленій не увеличилось. Тоже самое показываетъ статистика Ирландіи, хотя тамъ изрѣдка появляется смертная казнь.

Замѣчательно также вліяніе политическихъ обстоятельствъ на число оправдательныхъ приговоровъ. Такъ напримѣръ, въ Ирландіи, во времена ужасныхъ возстаній число оправданій превышало число обвиненій.

Въ Тосканѣ при Леопольдѣ, уничтожившемъ смертную казнь, преступленія уменьшились на половину.

Представленныя данныя разбиваютъ положеніе о благодѣтельномъ вліяніи смертной казни на уменьшеніе преступленій.

Не менѣе интереса представляетъ также прогрессія уменьшенія вмѣняемости смертной казни.

Такъ въ Англіи, въ теченіи послѣднихъ 15 лѣтъ, къ смертной казни приговорены были за слѣдующія преступленія: за предумышленное убійство, за посягательство на убійство, за скотоложство, за воровство со взломомъ, за грабежъ съ нанесеніемъ увѣчья и за поджогъ жилыхъ строеній. Въ 1829 г. число присужденныхъ къ смертной казни простиралось до 1,385 человѣкъ, совершено же было надъ 74; потомъ число смертныхъ приговоровъ постепенно уменьшалось, такъ— въ 1859 г. — 52 (изъ этого числа 18 — за убійство, 19 — за скотоложство, 6 — за покушенія на убійство, 8 — за воровство со взломомъ и разбой и 1 — за поджогъ). Казнены же были только 9 человѣкъ, виновность которыхъ была весьма значительна, т. е. за убійство. Изъ числа приговоренныхъ къ этому виду наказанія одинъ былъ совершенно помилованъ (fell pardon), за неимѣніемъ фактическихъ доказательствъ о его преступности, — присяжные не рѣшились обвинить его, а для 13 человѣкъ, смертную казнь замѣнили пожизненнымъ заключеніемъ. Въ 1860 г. было только 48 приговоровъ.

Во Франціи было смертныхъ приговоровъ въ 1851 г.— 45, въ 1854 г.—79, въ 1855 г.—61, въ 1857 г.— 58, въ 1858 г.—38, въ 1859 г.—36.

Въ Пруссіи въ 1854 г. было смертныхъ приговоровъ 4;

1855 г.—3; 1856 г.—2; 1857 г.—7; 1858 г.—4; 1859 г.—2.

Въ Баваріи, въ 1858 г. было смертныхъ приговоровъ 23, въ 1859 г.—21, въ 1860 г.—12.

Въ Ганноверѣ смертныхъ приговоровъ было въ 1854 г.—9, въ 1855 г.—7, въ 1856 г.—5.

Въ Баденѣ, въ 1854 г., въ 1855 г. и въ 1856 г. было по 3 смертныхъ приговора, въ 1857 и въ 1858 г. не было ни одного.

Въ Брауншвейгѣ съ 1853 г. по 1854 г. былъ одинъ смертный приговоръ, а въ остальные годы ни одного.

Особенно замѣчательную прогрессію уменьшенія смертной казни представляетъ Ирландія; въ 1834 году тамъ было смертныхъ приговоровъ 319, въ 1845 г.—13, въ 1855 г.—5.

И такъ смертная казнь утрачиваетъ свое значеніе. Въ однихъ мѣстахъ она совершенно изчезла изъ кодексовъ; въ другихъ — суды во имя гуманности избѣгаютъ вмѣняемости ея; а въ третьихъ — преступники избавляются отъ нея помилованіемъ.

Уничтоженіе смертной казни въ кодексахъ — мѣра весьма раціональная, которая не можетъ не вызвать къ этому святому дѣлу глубокаго сочувствія.

Произвольная же невмѣняемость смертной казни судами и помилованіе — есть зло. Они во-первыхъ внушаютъ мысль о произволѣ уголовныхъ законовъ и потрясаютъ твердость уголовнаго правосудія; во вторыхъ— при такой юрисдикціи послѣдствія преступленій совершенно тождественныхъ, кажутся не равными, потому что одинъ преступникъ подвергается казни, а другой

такой же милуется. Такимъ образомъ, равноправность нарушается въ самомъ источникѣ ея.

Защитники помилованія говорятъ, что хотя правосудіе требуетъ, чтобы каждое преступленіе наказывалось, но часто случается, что законъ, справедливый вообще, является несправедливымъ въ приложеніи къ нѣкоторымъ даннымъ случаямъ, слѣдовательно въ этихъ обстоятельствахъ необходимо отмѣнить приложеніе такого закона; но какъ отмѣненіе закона принадлежитъ верховной власти, т. е. лицу или сословію, которыя стоятъ во главѣ правленія, то право помилованія, какъ источникъ справедливаго примѣненія законовъ къ частнымъ случаямъ, принадлежитъ неоспоримо верховной власти. Кромѣ изложеннаго помилованіе оправдываютъ и политикою. Говорятъ верховная власть не должна отрѣшаться отъ этого права, если помилованіемъ она можетъ сохранить порядокъ и, отвративъ опасность, избѣгнуть жестокости. А государство вовсе не обязано исполнять правосудія до такой строгости, чтобы изъ боязни не нарушить схоластической нелѣпости — «fiat justitia pereat mundus», возбуждать противъ себя цѣлое общество.

Но противъ этого нельзя не возразить тѣмъ, что если помилованіе является продуктомъ не желанія возмущать общественную совѣсть, то не лучше-ли уничтожить самый мотивъ, могущій вызвать протестацію общества? Это будетъ послѣдовательнѣе, чѣмъ за тождественныя преступленія одного наказывать, а другого — прощать, ссылаясь на то, что актъ этотъ вызванъ принципомъ справедливости. Но развѣ такой комментарій имѣетъ подъ собою твердую почву? Развѣ изложен-

ная дѣятельность гарантируетъ общество отъ произвола? Развѣ кумовство, дружба, протекція и проч. не могутъ быть двигателями помилованія, идущаго совершенно въ разрѣзъ съ справедливостью и законностью? Для чего же давать мѣсто произволу вмѣсто закона, который долженъ быть обязательнымъ для всѣхъ недѣлимыхъ даннаго общества. Къ тому же говоря словами Миттермайера, юридикція есть принадлежность суда; а какъ долженствующему царить въ немъ правосудію не слѣдуетъ стоять ни подъ какимъ верховнымъ началомъ, то помилованіе преступника верховною властію не можетъ быть ничѣмъ оправдываемо...

Въ заключеніе скажемъ, что желательно было бы, чтобы современныя намъ человѣческія общества, еще удерживающія у себя этотъ варварскій видъ наказанія; вслушались бы въ стоны и вопли человѣчества и уничтожили бы смертную казнь. И если это осуществится, они совершатъ великое дѣло, равное уничтоженію рабства, идущаго съ смертною казнію рука объ руку, такъ какъ они оба вытекаютъ изъ одного и того же источника — полусознанія идеи человѣка.

ГЛАВА II

КАТОРЖНЫЯ РАБОТЫ

До Петра Великаго каторжныя работы не были извѣстны нашему законодательству. Онъ перенесъ къ намъ первый этотъ видъ наказанія и названіе его, происходящее отъ морскихъ венеціанскихъ каторгъ, или гал-

леръ. Въ первый разъ это наказаніе обнаруживается у насъ въ указѣ 24 ноября 1699 г. Этотъ указъ воспослѣдовалъ по поводу обвиненія въ взяткахъ посадскихъ людей и выразился въ слѣдующей формѣ: «Великій Государь указалъ, которые Веневцы посадскіе люди, земской староста съ товарищи, выборныхъ своихъ таможенныхъ и кабацкихъ бурмистровъ отъ сборовъ отставили за то, что имъ по ихъ старостину прошенію ничего не дали и выбрали на мѣста иныхъ, взяли за то съ нихъ 120 рублевъ и тѣмъ людямъ, которые взяли деньги, и которые имъ тѣ деньги дали и накупились къ сборамъ, сказать смерть и положить на плаху и отъ плахи поднявъ бить, вмѣсто смерти кнутомъ безъ пощады и сослать въ ссылку въ Азовъ на вѣчное житье съ женами и съ дѣтьми и быть имъ на каторгахъ въ работѣ» (1).

Изъ даннаго указа открывается, что каторжными работами первоначально назывались у насъ работы корабельныя, адмиралтейскія или галерныя; впослѣдствіи времени это названіе было дано работамъ въ крѣпостяхъ, рудникахъ и на заводахъ по мѣрѣ ихъ сформированія.

Такимъ образомъ каторжныя работы въ заводахъ, рудникахъ и крѣпостяхъ являются продуктомъ новѣйшаго времени, которое, вмѣсто того, чтобы гуманизировать начала, на которыхъ созидались системы древнихъ наказаній, присоединило еще къ нимъ этотъ новый видъ. При этомъ каторжныя работы соединились съ такъ называемыми болящими и членовредительными древними на-

(1) П. С. З. 1699. (7208) ноября 24, № 1722.

казаніями, какъ-то: съ сѣченіемъ, клейменіемъ и проч. Послѣднее позорное для человѣка бичеванье и истязанье продолжалось до того момента, пока наше гражданское развитіе не сознало необходимости освободиться отъ этихъ гнетущихъ его наростовъ. Вслѣдствіе этого законодатели сначала освободили отъ тѣлеснаго наказанія дворянъ, потомъ духовенство, далѣе лица съ особенными преимуществами, и наконецъ, 17-го апрѣля 1863 года, избавили отъ плетей и клейменія и остальную массу недѣлимыхъ нашей территоріи.

Эта реформа составляла жизненную потребность нашего быта, потому что плети и клейменіе, дополнительныя наказанія къ каторжнымъ работамъ, вмѣняемыя только для лицъ низшихъ слоевъ, нарушали принципъ равенства всѣхъ недѣлимыхъ предъ закономъ; къ тому же и миновалось уже то время, когда можно было къ низшему слою недѣлимыхъ относиться какъ неимѣющимъ понятій о человѣческой чести. Въ особенности возмущало человѣческое чувство и имѣло гибельныя послѣдствія — клейменіе: оно не только прямо нарушало принципъ человѣческаго достоинства, но шло въ разрѣзъ съ цѣлью наказанія — содѣйствовать исправленію преступника и примиренію его съ обществомъ; оно поражало въ немъ безнадежность снова когда-нибудь сдѣлаться гражданиномъ, неотдѣляющимся отъ другихъ недѣлимыхъ позорными знаками и, убивая въ немъ въ самомъ зародышѣ желаніе исправиться, возбуждало отчаяніе и злобу къ тѣмъ, кто опозорилъ его на всю жизнь; наконецъ, клейменіе приносило вредъ еще въ томъ отношеніи, что человѣкъ заклейменный, по отбытіи каторжныхъ

работъ, переходя на поселеніе, въ новой средѣ часто не отыскивалъ себѣ работы — источника къ существованію, вслѣдствіе общественнаго недовѣрія, являвшагося къ нему при видѣ клейма, говорящаго о его преступности. А результатъ этого бывалъ тотъ, что онъ, не найдя работы — средствъ къ честному пропитанію, прибѣгалъ къ совершенію новыхъ преступленій и такимъ образомъ становился вреднымъ звеномъ общества, нарушителемъ его покоя и безопасности.

Вотъ почему уничтоженіе плетей и клейменія вызвало у насъ сочувствіе, отразившееся такъ живо въ нашей журналистикѣ. Запоемъ же этимъ наказаніямъ вѣчную память и составимъ имъ некрологъ.

Тѣлесныя наказанія являются въ русскихъ туземныхъ законахъ только съ Судебника в. к. Іоанна III, и хотя до появленія его они и употреблялись на практикѣ, какъ видно изъ лѣтописей, но это было явленіемъ или произвола князя, или греко римскихъ законодательствъ, подъ вліяніемъ которыхъ духовные суды и вмѣняли ихъ Въ древнѣйшей же жизни нашей проглядываетъ полное отвращеніе къ тѣлеснымъ наказаніямъ. Оно обнаруживается тѣмъ, что отъ начала Руси въ продолженіи первыхъ шести вѣковъ они вовсе не встрѣчаются въ памятникахъ туземныхъ законовъ; опредѣленіями строгихъ взысканій за личныя обиды, нанесенныя свободному славянорусу какимъ-либо оскорбительнымъ для его личности дѣйствіемъ, какъ-то толчкомъ, ударомъ, поврежденіемъ усовъ, бороды, увѣчьемъ, за которыя въ древнѣйшей *Правдѣ* дозволялась месть или взамѣнъ ея полагалась денежная пеня; наконецъ,

въ XIII вѣкѣ, при заключеніи торговаго договора между городами Любекомъ и Новгородомъ, любскіе уполномоченные, на основаніи полученной инструкціи, настаивали, чтобы воровъ наказывать розгами и клеймить въ щеку, но новгородцы на это не согласились и отстояли, чтобы виновный подлежалъ наказанію по законамъ своей родины (1). Изъ изложеннаго открывается, что тѣлесныя наказанія не были плодами нашего народнаго духа, народныхъ воззрѣній: онѣ были занесены къ намъ извнѣ и привиты вліяніемъ: 1) духовенства, почерпнувшаго эту мудрость изъ греко-римскихъ законовъ, мотивы которыхъ сначала перешли къ намъ въ церковное право; а потомъ и въ свѣтское законодательство; 2) игомъ монгольскимъ и 3) западною Европою, по мѣрѣ расширенія нашихъ съ нею отношеній.

И такъ, въ первый разъ постановленіе о наказаніи кнутомъ выражаетъ Судебникъ в. к. Іоанна III; далѣе оно повторяется и развивается въ подробностяхъ въ Судебникѣ Іоанна IV, въ уставной книгѣ Разбойнаго Приказа, и наконецъ въ Уложеніи Алексѣя Михайловича.

Наказаніе кнутомъ имѣло въ Россіи различный характеръ. Оно вмѣнялось то отдѣльно, какъ самостоятельное наказаніе, то вмѣстѣ съ заключеніемъ тюремнымъ и денежными штрафами; кромѣ того, оно имѣло три вида: простой, жестокій и нещадный.

Наказаніе кнутомъ производилось публично: у Приказа, или на торгу или въ рядахъ.

---

(1) Максимовичъ. Рѣчь объ уголовныхъ наказаніяхъ въ Россіи, стр. 93, 94, 1853 г.

Торговую казнь описываетъ Олеарій въ слѣдующихъ чертахъ: виновный спускалъ съ себя одежду и садился на спину помощника палача, обвивъ руками шею послѣдняго. Ноги преступника связывались веревкой, которую въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него держалъ за концы другой прислужникъ палача, отчего подвергавшійся наказанію не могъ даже свободно шевелиться. Палачъ, стоя отъ преступника въ трехъ шагахъ, со всею силою стегалъ его толстымъ, длиннымъ кнутомъ, такъ что послѣ каждаго удара кровь текла ручьями, потому что кнутъ оканчивался тремя ремнями изъ самой грубой кожи, которые рѣзали спину какъ бы ножомъ. Иногда несчастный умиралъ подъ ударами палача, хотя послѣдній и не имѣлъ права превышать назначеннаго числа ударовъ: они зависѣли отъ судьи или недѣльщика, присутствовавшихъ при совершеніи казни и объявлявшихъ число ударовъ, опредѣленное судебнымъ рѣшеніемъ; при исполненіи казни они обыкновенно кричали палачу: *полно* или *стой*. Кромѣ этой системы сѣченія, наказаніе кнутомъ производилось еще на козлѣ (на особеннаго рода скамейкѣ).

Въ позднѣйшее время кнутъ замѣненъ былъ плетью, состоящей изъ рукоятки и трехъ длинныхъ, тонкихъ, круглыхъ и гибкихъ, какъ змѣя, хвостовъ. Плеть дѣйствовала до 17-го апрѣля 1863 года.

Вотъ процедура исполненія наказанія плетьми и клейменія. Преступника выводили изъ мѣста, гдѣ онъ содержался во время слѣдствія и суда, садили его на дроги и везли на лобное мѣсто. Тамъ выставляли его на эшафотѣ у чернаго столба, прочитывали ему опре-

дѣленіе о наказаніи и подвергали увѣщанію священника; потомъ, оставивъ его для позора привязаннымъ къ столбу на 10 минутъ, приступали къ совершенію надъ нимъ казни. Для этого палачъ клалъ преступника на наклонную доску, привязывалъ его за руки, за ноги и шею и, обнаживъ спину, сѣкъ плетью. Это орудіе, по гибкости своей, не рѣзало спины, какъ кнутъ, но за то отъ него спина пухла и вздымалась. Отъ двухъ, трехъ или четырехъ ударовъ преступникъ чувствовалъ такую сильную боль, что впадалъ въ безпамятство. Тогда ему подносили спирту и, приведя въ чувство, продолжали казнь. По окончаніи наказанія, не смотря на то, что преступникъ и такъ достаточно выстрадалъ и находился почти въ безчувственномъ состояніи, фельдшеръ ставилъ клейма (¹) машинкой, состоящей изъ множества иголокъ, расположенныхъ на одной плоскости. Отъ сильнаго удара сверху машинки — иголки проникали въ кожу преступника и оставляли на ней множество ранокъ, растираемыхъ сначала порохомъ, а въ позднѣйшее время смѣсью изъ индиго и туши. Послѣ этой операціи, полуживаго преступника клали на простую повозку и везли въ острожную больницу. Тамъ его лечили, а потомъ отправляли въ ссылку. Правда, нашъ народъ не только не сочувствовалъ этимъ операціямъ надъ преступникомъ, но, напротивъ, старался отклонить ихъ. Въ учрежденія, долженствующія приводить въ исполненіе приговоръ о наказаніи плетьми пре-

(¹) Клеймо изображало буквы К. А. и Т., величиною въ $1^1/_2$ вершка; изъ нихъ А ставилось на лбу, а К и Т на щекахъ. До Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта отъ 21 іюля 1845 года клейменіе производилось рукою палача.

ступника, приходили лица совершенно незнакомыя съ нимъ и просили, чтобы власти имъ дозволили вступить съ послѣднимъ въ бракъ, предполагая этимъ избавить его отъ наказанія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ для бичеванія и клейменія человѣка нельзя было отыскать людей согласныхъ принять обязанность палача. А нѣкоторые, взявшись за это ремесло, не выносили его и убѣгали изъ острога, не смотря на матеріальныя выгоды, извлекаемыя отъ этой дѣятельности...

Теперь перейдемъ къ бывшему спутнику каторжныхъ работъ — къ клейменію; оно, по роду принадлежало къ членовредительнымъ наказаніямъ, которыя выражались въ древнія времена отсѣченіемъ ушей, рукъ, ногъ, языка, выкалываніемъ, выжиганіемъ, вырѣзываніемъ глазъ и пр. Членовредительнымъ наказаніямъ подвергались лица, совершившія преступленія при содѣйствіи своихъ членовъ. Такъ за воровство отсѣкались руки; за богохуленіе, доносы и слова, оскорбительныя для государевой чести, отрѣзывались языкъ, носъ и уши; за изобличеніе въ четвертый разъ держанія и продажи табаку порялись ноздри, и т. д.

Наказанія эти явились на практикѣ безъ освѣщенія нормою закона. Такъ митрополитъ велѣлъ епископу Ѳеодорцѣ *урѣзати языкъ, яко злодѣю и еретику и руку правую утяти и очи ему выняти, зане хулу измолви на св. Богородицю*», и послѣ сослалъ его на песій островъ (1).

Членовредительныя наказанія, по предписанію закона,

---

(1) Лаврент. лѣтопись, 152 стр.

выразила въ первый разъ Уставная Двинская грамота 1398 г. и за тѣмъ въ 1549 г. губной наказъ селамъ Кирилловскаго монастыря (1), и губной наказъ 1586 г.; обширнее же примѣненіе дало имъ уложеніе Царя Алексѣя Михайловича, составленное подъ вліяніемъ литовскаго статута и градскихъ законовъ. Въ немъ они получили названіе *мучительнаго наругательства*. «Если кто-нибудь отсѣчетъ руку или ногу, или носъ или ухо, или губы отрѣжетъ, или глаза выколетъ и за такое его наругательство самому ему тоже учинити».

Нѣкоторыя изъ этихъ наказаній, какъ-то отрѣзываніе ушей, совершались съ цѣлью полицейскою, а не уголовною, что видно изъ 19 ст. XXI главы Уложенія, въ которой велѣно такихъ преступниковъ клеймить *бирючемъ*, чтобы нигдѣ не держали людей съ рѣзанными ушами. Къ этой же мѣрѣ слѣдуетъ отнести поздѣйшее пытаніе или клейменіе, которому подвергались воры, и рваніе ноздрей, возродившееся при Елизаветѣ Петровнѣ и существовавшее въ Россіи до 1817 года (2).

Клейменіе опредѣлилъ положительный законъ въ 1691 году, назначивъ клеймить преступниковъ, освобожденныхъ отъ смертной казни, буквой В. вмѣсто того, чтобы рѣзать имъ уши и сѣчь пальцы... «для того, буде впредь изъ тѣхъ воровъ кто изъ ссылки сбѣжитъ и объявится на Москвѣ, было бъ почему узнать». Въ 1845 году клейменіе измѣнило только свой видъ, т. е., вмѣ-

(1) А. Э. Т. 1, 224.

(2) Линовскій, Изслѣдованіе Улож. Царя Алек. Михайл. стр. 99.

сто постановки буквъ В. О. Р., стали выдавливать буквы К. А. Т. Значеніе же оно имѣло то же, какъ и до момента его совершеннаго отмѣненія закономъ 17 апрѣля 1863 года, — такъ, по крайней мѣрѣ, комментируетъ наше законодательство эту мѣру. Но только достигалась ли вполнѣ цѣль закона? Нѣтъ, — многіе каторжные находили средства къ выведенію этихъ позорныхъ знаковъ. Такимъ образомъ клейменіе оставалось только на менѣе искусныхъ въ этомъ дѣлѣ и имѣло дурныя послѣдствія, какъ мы пояснили уже выше.

Но обратимся къ анализу каторжныхъ работъ. Подъ этотъ видъ наказанія общественная совѣсть и наука уже подвели камуфлетъ и ждутъ момента уничтоженія его. И если, быть можетъ, находятъ, что нельзя тотчасъ разрушить до основанія каторжныя работы, такъ какъ взамѣнъ ихъ еще не возведены у насъ новыя постройки, то до того времени, пока тюремное заключеніе и ссылка не организуются на разумныхъ началахъ и не сдѣлаются главными столбами уголовной юрисдикціи, необходимо: 1) совершенно уничтожить ихъ вмѣненіе для женщинъ беременныхъ или съ грудными дѣтьми, какъ наносящихъ имъ органическій вредъ, 2) выразить болѣе заботы о тѣхъ преступникахъ, которые, при настоящей системѣ карательныхъ мѣръ, не могутъ избѣгнуть каторги.

Въ какомъ положеніи находится теперь бытъ каторжныхъ — обнаруживаетъ слѣдующее:

По «*Уставу о ссыльныхъ*» каторжные перваго разряда, по поступленіи въ вѣдомство Нерчинскаго Горнаго Правленія и Казенныхъ Палатъ, раздѣляются на

безсрочныхъ и срочныхъ, съ дѣленіемъ послѣднихъ также на классы. Въ первое время они всѣ подвергаются испытанію въ слѣдующемъ размѣрѣ: безсрочные — 8 лѣтъ, срочные: *а*) отъ 15 до 20 лѣтъ — 4 года; *б*) отъ 12 до 15 лѣтъ—2 года; *в*) отъ 6 до 8 лѣтъ—1½ года; *г*) отъ 4 до 6 лѣтъ — 1 годъ (ст. 569). Въ эти сроки тѣ изъ преступниковъ, которые подаютъ надежду къ исправленію, перечисляются въ разрядъ исправляющихся (570). Каторжные этой категоріи содержаться безъ оковъ; впрочемъ, и до поступленія въ нее, административнымъ путемъ снимаютъ оковы, если преступникъ подаетъ надежду къ исправленію, но не ранѣе, какъ по прошествіи хотя ⅔ нормы срока для перехода въ эту категорію (575). Здѣсь мы остановимся.

Съ безсрочностью каторжныхъ работъ мы не можемъ помириться, такъ, какъ она, обрекая человѣка на вѣчное страданіе, убиваетъ въ преступникѣ желаніе исправиться, — и такимъ образомъ цѣль закона — исправить его — не достигается.

Срочныя каторжныя работы хотя и имѣютъ свои градаціи — такъ maximum въ рудникахъ отъ 15 до 20 лѣтъ и minimum въ крѣпостяхъ отъ 4 до 6; — но эти сроки слишкомъ велики. Основываясь на статистическихъ данныхъ, мы видимъ, что средняя продолжительность жизни, даже при хорошей обстановкѣ, не болѣе 50 лѣтъ. Если возьмемъ среднюю цифру и допустимъ, что преступникъ вступаетъ въ каторжныя работы между 25 и 35 годами, то спрашивается: когда же онъ выйдетъ оттуда, если 20 лѣтъ остальной своей жизни онъ долженъ провести тамъ? Поэтому достаточно, если maxi-

тип каторжныхъ работъ будетъ 5 лѣтъ, minimum — 1 годъ, такъ какъ непродолжительность сроковъ этого наказанія благотворнѣе дѣйствуетъ на преступниковъ, какъ это мы увидимъ далѣе. Вмѣстѣ съ этимъ слѣдуетъ допустить сокращеніе сроковъ административнымъ путемъ, какъ объ этомъ мы уже говорили.

Безсрочные каторжные перваго разряда содержатся въ ручныхъ и ножныхъ оковахъ; прочіе же каторжные, переходящіе въ разрядъ исправляющихся, лишь въ ножныхъ оковахъ. Женщины, ссылаемыя на заводы, вмѣсто безсрочныхъ работъ въ рудникахъ, также содержатся въ оковахъ ножныхъ и ручныхъ, но менѣе тяжелыхъ (556 ст. Уст. о ссыл). Кромѣ того, у арестантовъ изъ мужчинъ бреется на-половину голова. Мы не понимаемъ всей раціональности этихъ мѣръ. Если онѣ выражаютъ собою шельмованіе, имѣющее цѣлью — пристыдить преступника и этимъ нанести ему нравственную боль, то эта мѣра недостойна общества, желающаго относиться къ преступнику съ гуманностью. Комментаторы говорятъ, что къ кандаламъ прибѣгаютъ для того, чтобы они мѣшали преступнику бѣжать изъ каторги. Если это такъ, то развѣ цѣль достигается? Нѣтъ, — подпилить оковы или сбить съ нихъ заклепку — дѣло небольшого труда и искусства, къ которому арестанты часто и прибѣгаютъ. Наконецъ, если допустить, что цѣль законодателя достигается и кандалы гарантируютъ отъ побѣга, то и тогда отъ нихъ слѣдуетъ избавить не только больныхъ, страдающихъ чахоткою и сухоткою, для которыхъ кандалы — пытка, но даже и здоровыхъ преступниковъ, такъ какъ они разрушительно

дѣйствуютъ на организмъ, порождая раны и изсушая ноги. Поэтому гораздо полезнѣе устранять лучше причины дѣлающія побѣгъ необходимымъ. А одинъ изъ главныхъ мотивовъ побѣга — пожизненность или продолжительность каторжныхъ работъ; онѣ-то и вызываютъ многихъ на побѣгъ, тогда какъ кратковременные сроки болѣе удерживаютъ арестантовъ отъ послѣдняго. Стало быть, если допустить сокращеніе сроковъ каторжныхъ работъ не только законодательнымъ путемъ, но и административнымъ, какъ объ этомъ говорено выше, то арестантъ, зная, что за хорошее поведеніе срокъ бытности въ каторгѣ уменьшится, позаботится лучше объ исправленіи и добытіи свободы — путемъ честнымъ и прямымъ, чѣмъ побѣгомъ. за который, въ случаѣ поимки его, онъ можетъ поплатиться...

Да, дорога свобода для каждаго человѣка, а для арестантовъ въ особенности. Свобода ихъ идеалъ, о которомъ они постоянно мечтаютъ и къ которому стремятся... «Какой-нибудь оборванный офицерскій деньщикъ — говоритъ Ѳ. М. Достоевскій — считается имъ чуть не королемъ, чуть не идеаломъ свободнаго человѣка, сравнительно съ арестантами, оттого, что онъ не бритый, безъ кандаловъ и конвоя» (1).

Въ каторгѣ, въ острогѣ, всѣ преступники вмѣстѣ, исключая нѣкоторыхъ, которые содержатся въ особенныхъ отдѣленіяхъ. Поэтому желательно было бы: 1) чтобы люди развитые были бы отдѣлены отъ противу-

---

(1) Ѳ. Достоевскій. «Записки изъ мертваго дома», Время, май 1862 г. стр. 325.

положныхъ слоевъ, смотрящихъ на первыхъ, вслѣдствіе исторической разъединенности, недовѣрчиво, непріязненно и чуждающихся братства съ ними; и 2) чтобы была введена строгая и систематическая классификація преступленій, такъ-какъ соединенная жизнь всѣхъ преступниковъ вмѣстѣ, распространяя нравственную заразу, портитъ тѣхъ изъ нихъ, которые могли-бы еще быть полезными обществу.

На заводахъ арестанты исполняютъ тяжолыя и усиленныя работы. Результатомъ этаго является то, что многіе изъ рабочихъ отъ тяжолаго труда, бывающаго часто для нихъ не по силамъ, надрываются или дѣлаются неспособными ни къ чему. Кромѣ того, пища и вообще содержаніе ихъ весьма дурно.

Эти обстоятельства заслуживаютъ серьознаго вниманіе, такъ какъ цѣль наказанія не разстройство здоровья людей — скорбутами и другими болѣзнями, являющимися слѣдствіемъ тяжелой работы и дурной пищи. И какъ эта система наказанія произошла вѣроятно отъ упущенія изъ виду законовъ механики и физіологіи, то отъ господствующаго порядка слѣдуетъ отрѣшиться; для чего не безполезно было-бы увеличить задѣльную плату арестантамъ, изъ которой одну часть затрачивать на улучшеніе ихъ матеріальнаго быта, а другую—выдавать имъ на обзаведеніе — по выходѣ на поселеніе. Эта мѣра дастъ хорошіе результаты; она не уронитъ человѣка въ экономическомъ отношеніи до степени животнаго и не породитъ въ немъ отвращенія къ принудительному и мало вознаграждаемому труду, — что является послѣдствіемъ настоящей системы.

Вообще улучшеніе матеріальныхъ потребностей каторжныхъ необходимо: если они будутъ питаться дурною пищею, жить въ скверныхъ помѣщеніяхъ, работать много и черезъ силу, то отъ этаго нисколько не сдѣлаются лучше, такъ какъ это не только разрушаетъ здоровье преступниковъ, но и роняетъ ихъ морально, доводя систематически до состоянія близкаго къ животнымъ; дурной же обстановкой ставить человѣка въ положеніе животнаго возможно было бы только тогда, если бы съ момента признанія его преступнымъ — положительный законъ могъ бы поубавить въ немъ количество головнаго мозга, впечатлительность нервовъ и другія жизненныя его потребности.

Для улучшенія быта каторжныхъ полагаемъ также не излишнимъ: а) дозволить имъ вступленіе въ бракъ ранѣе нормы, опредѣленной закономъ (¹), потому что одно юридическое признаніе преступника гражданскимъ мертвецомъ не уничтожаетъ въ немъ общечеловѣческихъ потребностей — половыхъ желаній; къ тому же бракъ часто дѣлаетъ человѣка нравственнѣе; а вести преступника къ нравственному пути — обязанность общества и цѣль наказанія. б) Дозволить арестантамъ, перечисленнымъ въ разрядъ исправляющихся, вести переписку съ родными и вообще съ людьми имъ близкими, такъ какъ не находимъ вреда для общественной безопасности въ доставленіи имъ этого утѣшенія; къ тому же наказаніе не должно вырывать съ корнемъ у преступника все, что

(¹) Срокъ для вступленія въ бракъ каторжнымъ безсрочнымъ простирается до 11 лѣтъ (557 ст. Уст. о ссыл.)

для него свято и дорого, если только оно желаетъ отрѣшиться отъ принципа мести, неразбирающаго средствъ для цѣлей. в) Дозволить арестантамъ, за хорошее поведеніе, заниматься тѣмъ, чѣмъ они занимались до совершенія преступленія, такъ какъ не видимъ разумной причины въ запрещеніи ученому, литератору, композитору и художнику читать, писать, сочинять, играть и рисовать. Мы, напротивъ, находимъ, что общество не должно отказывать преступнику въ его умственномъ, нравственномъ и художественномъ совершенствованіи, такъ какъ отъ этого стѣсненія много тратится непроизводительныхъ могучихъ силъ безъ пользы, много погибаетъ здоровыхъ сѣмянъ безъ всхода, тогда какъ плодъ ихъ трудовъ могъ бы принести обществу пользу.

За побѣги каторжные подлежатъ, кромѣ клейменія, еще слѣдующей отвѣтственности:

1-го разряда.

Безсрочные отъ 60 до 80 ударовъ плетьми съ содержаніемъ въ отрядѣ испытующихся отъ 10 до 12 лѣтъ.

2-го разряда.

Срочные отъ 50 до 60 ударовъ плетьми, съ продолженіемъ работъ отъ 10 до 15 лѣтъ.

3-го разряда.

Отъ 40 до 50 ударовъ плетьми и переводу въ рудники съ продолженіемъ срока работъ отъ 4 до 6 лѣтъ.

За побѣги второй, третій и т. д. прогрессивно увеличивается число ударовъ плетьми, содержаніе въ отрядѣ

испытуемымъ или срокъ работъ, и даже доходитъ до того, что приковываютъ каторжныхъ къ тѣлѣжкѣ (116, 808, 849 XV т. Св. Гр. Зак.) Всѣ эти мѣры мы находимъ слишкомъ суровыми, въ особенности наказаніе плетьми. И если законодательство, во имя уваженія человѣческаго достоинства, уничтожило вмѣненіе плетей для одинхъ смертныхъ, то чтобы быть послѣдовательнымъ, оно должно изгнать ихъ и въ отношеніи каторжныхъ, потому что одно юридическое признаніе человѣка — лишеннымъ правъ политическихъ, гражданскихъ и т. д. не можетъ служить легальнымъ мотивомъ къ жестокому обращенію съ нимъ: признаніе его каторжнымъ не уничтожило въ немъ человѣка. Къ тому же всѣ эти наказанія не достигаютъ цѣли: они не устрашаютъ и не сдерживаютъ отъ побѣговъ. Доказательствомъ этому служитъ то, что побѣги не уменьшаются, не смотря на сильныя карательныя мѣры. И оно понятно: каторга такъ тяжела, что арестантъ находитъ для себя лучшимъ подышать хоть нѣсколько времени другою атмосферою и поплатиться за это, чѣмъ оставаться постоянно въ ней.

Только при изложенныхъ выше условіяхъ и возможно нѣкоторое примиреніе съ каторжными работами, и то какъ съ мѣрою переходною до совершеннаго уничтоженія этой системы наказанія; но не иначе, потому что каторжныя работы составляютъ наносный пластъ на нашей почвѣ, чуждый русскаго духа, народныхъ требованій.

Въ заключеніе скажемъ, весьма полезно было бы устроить для каторжныхъ колоніи и въ нихъ обучать

арестантовъ земледѣльческимъ операціямъ и другимъ ремесламъ, знаніе которыхъ могло бы принести имъ пользу по выходѣ на свободу — на поселеніи.

ГЛАВА III

ССЫЛКА НА ПОСЕЛЕНІЕ

Пробѣгая исторію нашего уголовнаго права, мы видимъ, что это наказаніе съ опредѣленіемъ мѣста ссылки выразилось только въ законодательствѣ позднѣйшаго времени. Въ древній же періодъ — она являлась произволомъ высшей власти. Такъ великій князь Мстиславъ Владимірович сослалъ, въ 1229 году, полотскихъ князей въ Грецію....

Ссылка древней Россіи заключалась въ изгнаніи виновнаго изъ мѣста жительства или изъ того мѣста, гдѣ онъ совершилъ преступленіе. Эта мѣра называлась *выбитіе вонъ* изъ города или волости; кромѣ того, въ древнемъ русскомъ правѣ до Іоанна IV ссылка смѣшивалась съ заключеніемъ: часто эти наказанія соединялись и выражались заключеніемъ преступника въ монастырѣ или отдаленномъ городѣ. Ссылка въ отдаленныя мѣста имѣла также значеніе *опалы* и мѣры переселенія, — какъ наказанія или средства для предупрежденія возмущенія въ областяхъ вновь присоединенныхъ. Ссылка, какъ опала, состояла въ томъ, что опальному поручалась какая-нибудь служба или обязанность въ томъ мѣстѣ, въ которомъ велѣно было ему жить. Къ ссылкѣ также относилось переселеніе жите-

лей изъ одной области въ другую. Эта мѣра называлась *разводомъ* и встрѣчается при Іоаннѣ III и Іоаннѣ IV; переселившимъ изъ Пскова въ 1569 г. до 50 семействъ, а изъ Новгорода — 150. Ссылка въ тѣсномъ смыслѣ начала употребляться со временъ Судебниковъ. А въ періодъ Уложенія Алексѣя Михайловича мѣстомъ ссылки уже служили украинскія города и Сибирь. Кромѣ этого, назначеніе города для ссыльнаго опредѣлялось уже не только волею государя, но и судомъ. Преступниковъ обыкновенно везли пристава, иногда заковывая ихъ въ желѣзо, чтобы *съ дороги не утекли.* Ссылка является въ Уложеніи пожизненной или временной и какъ наказаніе самостоятельное, или въ соединеніи съ другими наказаніями. Такъ напримѣръ, подъячій, изобличенный въ томъ, что во второй разъ не записалъ суднаго дѣла въ книгу, для сокрытія пошлинъ, ссылался въ украинскіе города на службу, въ какую пригодится (1). Также въ Сибирь на Лену ссылались тяглые посадскіе люди (2), а воровъ и разбойниковъ, наказавъ кнутомъ и отрѣзавъ имъ уши, сначала заключали въ тюрьму на срокъ отъ 2—4 лѣтъ, а потомъ уже ссылали въ украинскіе города или Сибирь.

Въ 1679 г. уничтожены дополнительныя наказанія для нѣкоторыхъ ссыльныхъ преступниковъ, а именно было велѣно: всѣхъ тѣхъ преступниковъ, которымъ слѣдуетъ по законамъ за нхъ преступленія отсѣкать руки и ноги, — не чиня имъ этой казни, ссылать въ Си-

---

(1) Улож. Г. X. стр. 126.
(2) Улож. Г. XIX. стр. 13.

бирь на пашню, съ женами и дѣтьми, на вѣчное житье (1). Но при этомъ мы должны замѣтить, что съ ссылкою не соединялась гражданская смерть, употребляемая нынѣ подъ названіемъ лишенія всѣхъ правъ состоянія. Она имѣла послѣдствіемъ только лишеніе достоинства или званія и отобранія у служилыхъ людей ихъ помѣстій и вотчинъ, которыя раздавались другимъ (2).

Положеніе преступниковъ въ ссылкѣ также не было таково, какъ въ настоящее время: они хотя сначала и содержались въ тюрьмѣ или острогѣ, но потомъ ихъ опредѣляли въ службу или поселили на пашню, давая *всякія угодья и ссуды на пропитанье.* Также вмѣнялось въ обязанность администраторамъ не только обращаться ласково и снисходительно съ хорошо ведущими себя преступниками, но ободрять ихъ и заботиться объ нихъ. Къ этимъ мѣрамъ прибѣгали для того, *чтобы къ благополучному состоянію людей* всѣхъ привесть, къ доброму и христіанскому благоугодному мірскому житію, и воровства всякія вначалѣ во всякомъ человѣкѣ истребить и т. д. (3).

Эти мѣры законодателя показываютъ, что ссылкою имѣли уже въ виду исправить преступника, хотя форма наказанія далека была еще тѣхъ началъ, которыя дѣйствительно могли бы дать плодотворные результаты.

Къ ссылкѣ при Петрѣ Великомъ присоединялся еще торжественный обрядъ, выражавшійся тѣмъ, что пре-

---

(1) П. С. З. Т. I. № 552, 1633.
(2) Богдановскій. О преступ. и наказ.
(3) П. С. З. Т. III. № 1670.

ступника клали на плаху, говорили: *смерть*, и потомъ, по наказаніи кнутомъ, ссылали уже въ Сибирь; кромѣ того, ссылка на поселеніе сопровождалась прекращеніемъ всѣхъ правъ, основанныхъ на связяхъ родства или свойства.

Со временъ Екатерины II законодательство мало по малу начало гуманизировать область ссылки; въ особенности «Уставъ о ссыльныхъ» Александра I и законъ 17 апрѣля 1863 г., уничтожившій клейменія и плети, составляющія аттрибуть ссылки для непривиллегированныхъ классовъ. Кромѣ ссылки въ Сибирь существуетъ еще ссылка на Кавказъ, предназначаемая для раскольниковъ. Она возникла 1830 г. вслѣдствіе быстраго скопленія раскольническихъ сектъ въ Сибири и распространившагося тамъ раскола чрезъ пропаганду раскольниковъ, попавшихъ туда или чрезъ правительственную ссылку или чрезъ добровольное переселеніе съ цѣлію избавиться отъ преслѣдованій правительства.

Положенія, на которыхъ создается ссылка на поселенія по «Уставу о ссыльныхъ», имѣетъ слѣдующій характеръ: ссыльно-поселенцы, по прибытіи въ Тобольскъ, причисляются къ одному изъ слѣдующихъ разрядовъ:

Въ первый разрядъ, во временные заводскіе работники, поступаютъ преступники, которые до 17 апрѣля 1863 г. подвергались наказанію плетьми.

Во-второй — въ ремесленники отдѣляются лучшіе, здоровые, крѣпкіе и молодые преступники, преимущественно знающіе мастерства.

Въ третій — въ цехъ слугъ назначаются люди дворовые и мало-способные въ работѣ.

Въ четвертый — на поселеніе отчисляются арестанты способные къ сельскимъ занятіямъ.

Въ пятый — въ неспособные отдѣляются арестанты слабые, увѣчные и старые.

Вотъ общія законодательныя начала распредѣленія ссыльныхъ поселенцевъ. Посмотримъ на результаты ихъ практическаго примѣненія. Отчисленіе на заводы — мѣра довольно суровая, потому что на многихъ заводахъ пребываніе поселенцевъ, при очень скудномъ содержаніи, — соединено съ тяжолыми работами и наказаніями за неисполненный урокъ; уроки же назначаются большіе: на каждаго человѣка полагается въ сутки выкопать и вывести 40 пудъ руды, или разработать 200 пудъ золотаго песку; при этомъ работа производится подъ землею, въ душной атмосферѣ, и отъ восхода солнца до заката рабочимъ приходится бороться съ трудностями, представляемыми глинистымъ грунтомъ земли, какъ, напр., въ Шехтаманскомъ пріискѣ.

Далѣе пробѣгая «Уставъ о ссыльныхъ» мы встрѣчаемъ организацію труда ремесленниковъ и земледѣльцевъ въ слѣдующихъ формахъ:

Ссыльно-поселенцы, назначенные въ ремесленные работники, раздѣляются на отдѣленія, которыя имѣютъ опредѣленное назначеніе мастерства или работы. Такимъ образомъ составляются отдѣленія: 1) плотниковъ и столяровъ; 2) каменьщиковъ; 3) кузнецовъ и слесарей; 4) мѣднаго и серебрянаго дѣла; 5) кожевниковъ и шорниковъ; 6) маляровъ и 7) чернорабочихъ.

Въ каждое отдѣленіе назначается мастеръ для управленія работами и надзора за робочими, которыхъ полагается отъ 15 до 35 человѣкъ.

На покупку инструментовъ, постройку помѣщеній и другихъ обзаведеній для ремесленныхъ домовъ, въ которыхъ помѣщаются указанныя отдѣленія, ассигнуются деньги казною. Дома эти, подъ управленіемъ смотрителей и бухгалтеровъ, имѣютъ свои конторы, состоящія изъ мастеровъ и старостъ, выбранныхъ изъ числа рабочихъ. Съ этими конторами заключаются условія на частныя, общественныя и казенныя работы.

Получаемая по условіямъ заработанная плата образуетъ сумму на содержаніе работниковъ и на расходы по заведеніямъ. Остатки изъ этихъ денегъ, за исключеніемъ означенныхъ расходовъ, составляютъ артельную сумму работниковъ.

Взявъ въ основаніе эти положенія, можно предположить, что приданіе жизненности этой организаціи труда должно бы было принести хорошій плодъ.

И дѣйствительно, оно было бы такъ, если бы исполнители «Устава о ссыльныхъ» не могли отступать отъ его предписаній и, понявъ мысль и цѣль закона, выразили бы болѣе заботы къ положенію ссыльныхъ, содѣйствованіемъ къ улучшенію ихъ экономическаго быта, а не къ разложенію его.

По «Уставу о ссыльныхъ», ссыльные поселенцы причисляются: одни къ деревнямъ старожиловъ, а другіе составляютъ новыя казенныя поселенія.

Въ деревняхъ старожиловъ поселенцы водворяются собственными трудами; для поощренія же ихъ къ вступленію въ бракъ и къ осѣдлой жизни назначаются имъ отъ казны слѣдующія денежныя пособія: женщинѣ свободнаго состоянія, выходящей замужъ за поселенца, выдается 50 руб. сер., а мужчинѣ, вступившему въ первый бракъ съ ссыльною, — 15 руб. безвозвратно и столько же заимообразно въ десятилѣтнюю ссуду.

Поселенцамъ, долженствующимъ составить казенныя поселенія, отводится земля и выдаются всѣ инструменты и матеріалы для возведенія новыхъ построекъ; кромѣ того, въ мѣста поселенія доставляются для нихъ земледѣльческіе инструменты, лошади, хлѣбъ на посѣвъ и продовольствіе. По окончаніи построекъ и посѣвовъ, каждому поселенцу отводится домъ, земля, земледѣльческія орудія и домашнія вещи.

Все устройство поселеній должно быть кончено въ два года; по истеченіи этого времени назначается для всѣхъ поселенцевъ льготное время отъ податей и рекрутской повинности на 20 лѣтъ.

Изложенное показываетъ, что бытъ поселенцевъ не долженъ бы быть худымъ. Но къ такому выводу можно прійти только судя объ этомъ теоретически; на практикѣ же тѣ изъ поселенцевъ, которые и желали бы завести правильное хозяйство, встрѣчаютъ преграды въ волостномъ начальствѣ: оно удѣляетъ имъ иногда такіе неудобные для хлѣбопашества участки, что трудъ поселенцевъ не только не вознаграждается, но даже не даетъ имъ возможности прокормить семью свою. Поэтому многіе изъ поселенцевъ бросаютъ земледѣльческія заня-

тія и идутъ на работы на частные пріиски, хоть и этотъ трудъ представляетъ мало хорошаго: тамъ они должны работать иногда отъ 3 часовъ утра до 11 часовъ ночи и подвергаются всевозможнымъ стѣсненіямъ отъ хозяевъ-промышленниковъ и отъ ихъ управляющихъ, которые случалось, мало того, что обсчитывали рабочихъ и не выдавали имъ своевременно заработанной платы, но еще заставляли брать у себя разныя вещи за тройную цѣну.

Но таково положеніе только тѣхъ, кому еще физическія силы даютъ возможность добывать трудомъ насущный хлѣбъ; положеніе же старыхъ, увѣчныхъ и слабыхъ поселенцевъ еще безвыходнѣе: для многихъ изъ нихъ существуютъ только двѣ перспективы — борьба съ голодною смертію или нищенство, потому что хотя для нихъ и предназначается въ Тобольской губерніи Успенская богадѣльня, но она не для всѣхъ ихъ служитъ пріютомъ, какъ вслѣдствіе ограниченнаго комплекта могущихъ въ нее вступить, такъ и по другимъ причинамъ.

Вотъ краткій очеркъ быта ссыльныхъ преступниковъ. И если къ нему еще добавить заключеніе въ тюрьму, въ арестантскія роты, переводъ въ каторгу, съ спутникомъ всѣхъ ихъ — плетьми, которыя предназначаются за побѣги, то картина осужденныхъ дорисуется. Не отрицая снова суровости этихъ наказаній, такъ какъ объ этомъ мы говорили уже выше, скажемъ, что изложенный бытъ ссыльныхъ даетъ намъ право желать радикальныхъ реформъ въ системѣ наказанія — ссылки на поселеніе. И если изъ нея выдѣлить все негодное и по-

строить ее на болѣе раціональныхъ началахъ, то результаты поселенія могутъ быть плодотворны. Въ пользу этой мысли говорятъ: юго-восточный берегъ Австраліи, Викторія и новый южный Валисъ, которые изъ ссыльныхъ убійцъ и разбойниковъ образовали крѣпкія и здоровыя общества, имѣющія многолюдные города, хорошую торговлю, промышленность, университеты и проч. Тотъ же фактъ повторился въ другихъ мѣстахъ и у насъ въ Новороссійскомъ краѣ, который въ 1820 г наполнился бѣглыми преступниками и не только ими не приведенъ въ дурное положеніе, но напротивъ, какъ извѣстно, находится въ цвѣтущемъ состояніи. Эти факты служатъ живыми аргументами — до какой степени исправимъ человѣкъ, если этому способствуютъ обстоятельства. Имѣя же такіе результаты, нельзя не убѣдится, что ссылка на поселеніе или, другими словами, колонизація преступниками пустопорожнихъ мѣстъ, но годныхъ къ культурѣ, гораздо лучше тюремнаго заключенія, на какихъ бы гуманныхъ началахъ оно ни организовалось. Правда, устройство хорошихъ колоній довольно трудно. Успѣхъ колонизаціи зависитъ отъ множества внѣшнихъ условій, въ числѣ которыхъ главное мѣсто занимаетъ: 1) выборъ для поселенія хорошей мѣстности для культуры; 2) отправляя человѣка въ ссылку, нужно дать ему и матеріальныя средства къ тому, чтобы онъ могъ устроить свой экономическій бытъ на столько, чтобы не вынужденъ былъ, ради насущнаго хлѣба, нарушать общественное спокойствіе той среды, въ которую вступаетъ. Пробѣгая статистику уголовныхъ преступленій, мы видимъ, что большинство изъ нихъ направлено противъ

собственности. Такъ изъ отчета по Министерству Юстиціи за 1862 г. открывается, что изъ 83,449 человѣкъ, приговоренныхъ къ наказанію, оказались преступными противъ собственности:

За разбой	70 муж.	4 жен.
За грабежъ	600 »	61 »
За воровство-кражу	21,350 »	3,293 »
За воровство-мошенничество .	2,794 »	416 »
Итого . .	24,814 муж.	3,774 жен.

Но здѣсь еще не упоминается о другихъ видахъ преступленій, имѣющихъ также характеръ преступленій противъ собственности, какъ-то о порубкѣ лѣсовъ, контрабандѣ, дѣланіи фальшивыхъ монетъ и пр. Кромѣ того, отчеты обнаруживаютъ, что по всѣмъ родамъ преступленій не подвергнуто наказанію и оставлено въ подозрѣніи 55,106 чел., а изъ нихъ, вѣроятно, большая часть была направлена противъ собственности; наконецъ, сколько преступленій совершено не обнаружено. И потому можно смѣло утверждать, что изъ всѣхъ совершаемыхъ преступленій 90% направлены противъ собственности. А мотивы, вызывающіе на эти преступленія, — это, большею частію, дурное экономическое состояніе нарушителей собственности, на которую посягаютъ не только совершившіе преступленіе въ первый разъ, но и рецидивы; а количество послѣднихъ весьма значительно: изъ статистическихъ данныхъ замѣтно, что на 26 человѣкъ наказанныхъ одинъ снова впадаетъ въ преступленіе.

Поэтому, чтобы ограничить число преступленій противъ собственности, — не лишнее устроить быть преступниковъ такъ, чтобы они не страдали отъ дурнаго

экономическаго состоянія. Для этого не безполезно организовать ссылку на слѣдующихъ началахъ.

Всѣхъ приговоренныхъ къ ссылкѣ на поселеніе, по доставленіи на мѣсто ссылки слѣдуетъ группировать на разряды земледѣльцевъ, ремесленниковъ, фабрикантовъ и заводчиковъ; не способныхъ же къ труду — немощныхъ и старыхъ преступниковъ — нѣтъ надобности и отправлять въ ссылку: они должны оставаться въ мѣстныхъ исправительныхъ богадѣльняхъ, потому что поселенію необходимы здоровыя и крѣпкія организмы. Кромѣ того оставленіемъ ихъ въ мѣстныхъ исправительныхъ пріютахъ казна сохранитъ изрядное количество денегъ, нынѣ затрачиваемыхъ на отправку ихъ къ мѣсту назначенія; да и погибать ихъ будетъ гораздо менѣе, что является слѣдствіемъ тяжести слѣдованія въ Сибирь, хотя нынѣ самый способъ отправки туда и значительно облегченъ, сравнительно съ существовавшею процедурою отправленія до развитія сообщенія посредствомъ пароходства и желѣзныхъ дорогъ.

Изъ группъ прибывшихъ ссыльныхъ можетъ составляться община съ выборными и старостой изъ своей же среды. Этой общинѣ должно отвести землю удобную для культуры и для построекъ. Для обработки земли и возведенія построекъ для жилья, мастерскихъ, фабрикъ и заводовъ отпускаются всѣ необходимыя орудія, инструменты и матеріалы. Кромѣ того, даются поселенцамъ зерна для посѣва и продовольствія до того времени, пока посѣвы не принесутъ плодъ для прокормленія... Однимъ словомъ, этой общинѣ изъ ссыльныхъ должны дать тѣ же льготы и вспомоществованія, какія опредѣлены въ «Уставѣ о ссыльныхъ» для казенныхъ поселеній.

Каждая группа рабочихъ общины должна формироваться не на тѣхъ началахъ, на которыя указываетъ «Уставъ о ссыльныхъ», а на однохарактерности труда и личномъ выборѣ его желающими членами общины.

Новый поселенецъ, вступающій въ общину, получаетъ отъ казны такое же вспомоществованіе и льготы, какъ это полагается по закону для казенныхъ поселеній.

Община находится только подъ надзоромъ установленныхъ властей, которыя вмѣшиваются лишь въ ея уголовныя дѣла, извлекая виновныхъ изъ среды для юрисдикціи; гражданскія же дѣла, возраждающіяся между членами обществъ, подлежатъ разбору мироваго судьи, выбраннаго изъ членовъ этой же общины.

Такъ какъ община состоитъ изъ разнородныхъ рабочихъ группъ, то каждый членъ отдѣльной ассоціаціи, внося въ нее свой трудъ, а если есть, и капиталъ, пользуется выгодами, согласно съ внесеннымъ капиталомъ, дѣятельностью и способностями.

Переходъ членовъ общины изъ одной ассоціаціи въ другую долженъ быть свободенъ во всякое время.

Также слѣдуетъ дозволить переходъ въ общинныя колоніи свободнымъ поселенцамъ, т. е. не преступникамъ, если на пріемъ ихъ изъявляетъ согласіе община, потому что, кто желаетъ оставить прежнюю среду, въ которой жилъ, тотъ, вѣроятно, не находитъ въ ней запроса на трудъ; а выселеніе такого человѣка изъ среды, въ которой онъ производилъ менѣе, чѣмъ потреблялъ богатствъ и производительныхъ силъ, — полезно.

Это переселеніе принесетъ также существенную пользу какъ колоніи, давъ ей рабочія руки и внося въ нее постоянно новыя знанія и свѣжія силы, такъ и новымъ колонистамъ, могущимъ выработать здѣсь болѣе, вслѣдствіе того, что и запросъ на ихъ трудъ больший. Но при этомъ должно замѣтить, что свободные поселенцы, имѣющіе капиталы, должны вносить ихъ въ ту ассоціацію, въ которую вступаютъ, съ полученіемъ отъ нея дивидента только тогда, когда сами работаютъ, потому что если капиталистъ принадлежитъ къ людямъ расточительнымъ и нелюбящимъ лично работать, то весь доходъ расточается имъ на содержаніе паразитовъ и на вознагражденіе дѣлаемыхъ ему личныхъ услугъ, а для колоніи такіе дѣятели вредны. Такъ-какъ изъ изложеннаго далѣе обнаружится, что мы не желали бы совершеннаго отнятія имущества у уголовныхъ преступниковъ, то, по поступленіи ихъ въ колоніи, достояніе ихъ должно обращаться въ общинную кассу на такихъ же основаніяхъ, какъ указано выше.

Вотъ тѣ начала, на которыхъ, мы полагаемъ, могъ бы сложиться экономическій бытъ ссыльныхъ. Эта система можетъ принести хорошіе результаты уже потому, что между поселенцами уничтожены всѣ сословныя перегородки и бездны, лежащія между богатымъ и бѣднякомъ, трудомъ и капиталомъ, дававшимъ возможность бездарности и лѣни жить потовыми трудами бѣдняка. При такой организаціи ссыльныхъ поселенцевъ можно надѣяться на исправленіе преступника и на то, что преступленія будутъ между ними совершаться рѣже, по-

тому что здѣсь не могутъ имѣть мѣста побудительные къ нимъ мотивы, какъ-то: неравноправность, недостатокъ средствъ къ существованію, эксплуатація труда и другія болѣзни экономическія и соціальныя; здѣсь каждый членъ ассоціаціи, чувствуя себя звѣномъ всей общины — ея дѣятелемъ, на котораго смотритъ все общество, будетъ сдерживать свои дурныя наклонности, чтобы надъ ними неразразилось общественное презрѣніе, которое страшно для каждаго человѣка. Кому не извѣстно, что вліяніе общественной совѣсти на индивидуальную — громадно. А боязнь порицанія и стыда есть великій рычагъ въ дѣятельности человѣка. Она вліяетъ даже на испорченныя натуры, заставляя ихъ дѣлать то, чего требуетъ общественное мнѣніе, а не собственная совѣсть. И если мы видимъ, что въ нашихъ современныхъ обществахъ общественное мнѣніе не приноситъ хорошаго плода и недѣлимыя идутъ въ разрѣзъ съ нимъ, то это потому, что общество все разбито на атомы, что каждый членъ его видитъ въ немъ не самого себя, а что-то отдѣльное, чуждое для него, что общество клеймитъ презрѣніемъ только тѣ дѣйствія, которыя явились преступными — въ извѣстной официальной юридической формѣ. И то это презрѣніе не есть продуктъ всего общества, а только нѣкоторыхъ недѣлимыхъ; народъ же, большею частью, смотритъ съ состраданіемъ даже на официальныхъ преступниковъ, вслѣдствіе того, что неправосудіе судовъ, такъ долго тяготѣющее надъ судьбою народа, заставляетъ его предполагать, что не всѣ тѣ личности дѣйствительно преступны, которые осуждены формальнымъ судомъ.

ГЛАВА IV

СПУТНИКИ УГОЛОВНЫХЪ НАКАЗАНІЙ

Преступленія, влекущія — смертную казнь, каторжныя работы и ссылку въ Сибирь или на Кавказъ, сопровождаются, какъ мы видѣли, лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія.

Этою мѣрою преступникъ, отсѣкаясь отъ среды, въ которой жилъ, теряетъ права политическія, сословныя, семейственныя и имущественныя.

1. Отнятіе правъ политическихъ и сословныхъ выражается лишеніемъ: чиновъ, орденовъ, званія и сословныхъ преимуществъ (1). Съ момента исполненія приговора для преступника начинается новое состояніе ссыльнаго. Возвращаться изъ Сибири ему запрещено даже по отбытіи срока работъ. Ему только предоставляется право по освобожденіи отъ послѣднихъ приписаться къ одному изъ податныхъ сословій, а за Кавказомъ даже и къ городскому обществу.

2. Отнятіе семейственныхъ правъ влечетъ за собою слѣдующіе результаты: хотя оно не расторгаетъ брака, но а) дозволяетъ невинному супругу просить о его ра-

---

(1) Для дворянъ и городскихъ сословій оно выразилось въ грамотахъ, данныхъ имъ 21 апрѣля 1785 г.; для сельскаго же населенія оно явилось лишь въ изданіи свода законовъ, а до того времени существовало только фактически.

сторженіи духовное начальство, если только это не противорѣчитъ догматамъ церкви (1); б) безъ просьбы невиннаго супруга бракъ не расторгается, и если онъ желаетъ, то можетъ слѣдовать за осужденнымъ (2). Дѣти, прижитыя во время ссылки, считаются дѣтьми ссыльнаго и должны быть приписаны къ одному изъ податныхъ состояній. Власть родительскую теряетъ ссыльный только надъ дѣтьми, прижитыми до приговора надъ нимъ о наказаніи, а не послѣдовавшими за нимъ въ мѣсто его ссылки или вослѣдствіи ее оставившіе (3). Кромѣ того, разрываются права, основанныя на связяхъ родства или свойства.

3) Ограниченіе имущественныхъ правъ выражается тѣмъ, что все имущество ссыльнаго передается его наслѣдникамъ (4). Завѣщаніе, составленное имъ послѣ объявленія ему окончательнаго приговора, считается недѣйствительнымъ. Имущество, которое могло бы достаться преступнику по праву наслѣдства, переходитъ не къ нему, а къ его наслѣдникамъ. Родные его мо-

---

(1) Православная и протестантскія церкви разрѣшаютъ разводъ, а католическая нѣтъ, что весьма нераціонально.

(2) Мысль о расторженіи брака въ первый разъ была выражена въ указѣ 16 августа 1720 года, а до того времени жены должны были слѣдовать въ ссылку вмѣстѣ съ мужьями въ силу принципа уложенія 1649 г.: «гдѣ мужъ, тутъ и жена».

(3) Законъ этотъ возникъ при Петрѣ Великомъ и получилъ дальнѣйшее развитіе въ 1753 г. при Елисаветѣ Петровнѣ.

(4) Потеря имущественныхъ правъ въ пользу наслѣдниковъ началась съ указовъ 1753 г. отъ 25 и 29 марта.

гутъ присылать ему деньги только чрезъ Тобольскій Приказъ о ссыльныхъ, который передаетъ ихъ въ уѣздныя казначейства того округа, гдѣ ссыльный находится. Каторжнымъ дозволяется строить дома на земляхъ, гдѣ они работаютъ, а по отбытіи срока работъ они могутъ покупать и недвижимую собственность. За смертію ссыльнаго имущество его поступаетъ къ находившимся при немъ супругу и дѣтямъ; если же послѣднихъ нѣтъ, то къ первому. Если же ссыльный былъ одинокъ и не оставилъ семейства, то имущество не переходитъ къ его роднымъ: оно поступаетъ въ общее достояніе ссыльныхъ той губерніи, въ которой онъ жилъ.

Отнесемся къ изложенному критически.

Законъ можетъ лишать преступника правъ политическихъ, выражающихся запрещеніемъ вступать въ государственную службу, отнятіемъ чиновъ, званій и орденовъ; но лишать человѣка его общечеловѣческой чести и уваженія, питаемыхъ къ нему обществомъ, не въ силахъ законъ такъ же, какъ и дать ихъ: они являются помимо воли закона. Поэтому слѣдуетъ дозволить лицамъ, какъ отбывшимъ работы въ каторгѣ, такъ и сосланнымъ на поселеніе, быть избираемыми во всѣ общественныя должности. Это допущеніе мы полагаемъ необходимымъ потому, что общество само можетъ составить себѣ понятіе о томъ: способна ли данная личность или нѣтъ на добросовѣстное выполненіе возлагаемыхъ на нея обязанностей; стало быть опека закона надъ общественною совѣстью здѣсь совершенно не нужна.

Не слѣдуетъ также лишать преступника права зани-

маться торговлею, такъ какъ она можетъ доставить ему источникъ къ добытію средствъ къ жизни; а честный трудъ долженъ допускаться въ какой бы формѣ онъ ни выражался.

Также немыслимо — недопущеніе въ свидѣтели преступника, какъ по дѣламъ уголовнымъ, такъ и по гражданскимъ, потому что отъ этого страждетъ общество — третье лицо, лишающееся судебнаго доказательства, а не преступникъ.

Ограниченія въ сферѣ семейнаго права, дѣлаемыя нашимъ кодексомъ, мы признаемъ вполнѣ раціональными, такъ какъ есть такія индивидуальныя преступленія, послѣ которыхъ человѣкъ, даже оставшійся на свободѣ, долженъ быть лишонъ отеческой власти и супружескаго вліянія. Относительно же расторженія брака мы замѣтимъ слѣдующее: онъ долженъ быть допущенъ даже помимо религіозныхъ догматовъ, потому что супругъ съ дурными болѣзненными наклонностями и инстинктами есть зараза, отъ которой должно непремѣнно изолировать нравственно здоровую семью. Мы не можемъ также не остановиться на законѣ уничтожающемъ у преступника права, основанныя на связяхъ родства или свойства. Какъ понимать этотъ законъ? Потеря правъ наслѣдственныхъ и семейственныхъ, если жена и дѣти не послѣдуют за ссыльнымъ, выражена въ особенномъ спеціальномъ законѣ; стало быть, изложенный законъ не есть повтореніе спеціальнаго закона, а скорѣе дополненіе къ нему, которое можно комментировать такъ: съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, съ ссыльнымъ разрываются всѣ родственныя и свойственныя отношенія. Но

если принять такое толкованіе, которое поражаетъ смыслъ этаго закона, то значитъ — близкіе родственники или свойственники могутъ вступать въ брачный союзъ съ ссыльнымъ, такъ какъ ихъ прежнія отношенія, запрещающія такой союзъ, — нарушены. Но намъ кажется, законъ можетъ разрушить только то, что онъ самъ основываетъ, такъ, напримѣръ, свойство. Кровное же родство онъ безсиленъ уничтожить, такъ же, какъ и узаконить.

Мы находимъ несправедливымъ лишеніе преступника всего его имущества, которымъ онъ владѣлъ до приговора о его виновности, и отдачу послѣдняго законнымъ наслѣдникамъ или взятіе въ фискъ, если послѣднихъ не оказывается. И потому, полагаемъ, не лишая преступника правъ собственности на имущество, нужно только ограничить его въ правѣ владѣнія.

Это ограниченіе могло бы слагаться на слѣдующихъ началахъ. Законъ, опредѣливъ часть, долженствующую идти на содержаніе семейства преступника, если оно у него было, долженъ предоставить преступнику полное распоряженіе остальными частями. Это распоряженіе по приведеніи надъ нимъ въ исполненіе судебнаго приговора, можетъ выражаться въ письменномъ актѣ, въ которомъ преступникъ опредѣляетъ: какъ о поступленіи съ имуществомъ, находящимися у него, такъ и съ тѣмъ, которое можетъ достаться ему по законному наслѣдству, — т. е. взять-ли его въ правительственную опеку, или передать въ собственность или временное владѣніе тѣмъ, кому онъ пожелаетъ. Такое безусловное распоряженіе имуществомъ должно принадлежать преступнику въ отно-

шенін его благопріобрѣтеннаго имущества и родового, если на послѣдпее нѣтъ законныхъ наслѣдниковъ; если же таковые есть, онъ не имѣетъ права отчуждать его въ собственность другимъ лицамъ помимо законныхъ наслѣдниковъ; онъ можетъ только отдать имущество во временное владѣніе имъ или передать его въ правительственную опеку до отбытія имъ срока работъ въ каторгѣ или до смерти его. А потому, въ первомъ случаѣ — оно снова переходитъ къ нему, а во второмъ — къ его наслѣдникамъ. Но и изложенное имущественное ограниченіе должно относиться только до преступниковъ ссылаемыхъ въ каторжныя работы; на ссыльныхъ же поселенцевъ оно не можетъ распространяться; имъ должно быть предоставлено право распоряжаться имуществомъ, какъ своею собственностью, т. е. отдать его въ опекунское управленіе или продать, для того, чтобы изъ вырученныхъ денегъ ссыльно-поселенецъ могъ улучшить свой бытъ въ мѣстѣ ссылки.

Личное и безусловное распоряженіе имуществомъ слѣдовало бы предоставить преступникамъ еще потому, что законъ о томъ, что уголовное наказаніе влечетъ потерю всего имущества въ пользу наслѣдниковъ—дастъ возможность родственникамъ собственника подставлять ему западню, въ которую онъ попадаясь и подвергаясь уголовному наказанію, лишается имущества въ пользу ихъ, — что и бываетъ на практикѣ. Кромѣ того, если нѣкоторыхъ собственниковъ-преступниковъ, не имѣющихъ законныхъ наслѣдниковъ, подвергаютъ уголовному наказанію, то въ обществѣ можетъ зарождаться мысль, что это наказаніе было не слѣдствіемъ дѣйствительной вины

его, а желаніемъ власти захватить въ фискъ его имущество.

ОБЩЕЕ ЗАКЛЮЧЕНІЕ ПО УГОЛОВНЫМЪ НАКАЗАНІЯМЪ

Изъ очерка современныхъ намъ уголовныхъ наказаній мы невольно приходимъ къ тому выводу, что они построены на принципахъ устрашенія и мести. Но устрашительное вліяніе закона на общество можетъ быть достигнуто не принципомъ жестокости, проходящимъ чрезъ наше уголовное право, а такою организаціею суда и полиціи, чтобы преступленія не могли оставаться необнаруженными и безнаказанными, потому что, какъ мы уже поясняли, посягающій на преступленіе страшится не жестокости уголовнаго права, а открытія его противузаконныхъ дѣяній. Этотъ фактъ подтверждается тѣмъ, что однѣ репрессивныя мѣры, безъ тѣхъ условій, на которыя мы указали, никогда и нигдѣ не уменьшали преступленій и не сдерживали отъ преступности. Поэтому мы полагаемъ не безполезнымъ уничтожить публичность наказаній, къ которымъ нынѣ прибѣгаютъ съ цѣлью устрашенія. Къ тому же судебная реформа вноситъ и безъ того гласный элементъ въ приговоры юрисдикціи. Также не имѣетъ ни научнаго, ни практическаго значенія принципъ мести, обхватывающій всю систему нашихъ уголовныхъ наказаній и обнаруживающійся тѣмъ, что преступникъ, подвергаясь всѣмъ возможнымъ умственнымъ, нравственнымъ и матеріальнымъ лишеніямъ, приближается къ состоя-

нію близкому животнаго. Не говоря уже о томъ, можетъ ли общество относиться къ преступнику съ местью, замѣтимъ: развѣ цѣль наказанія—исправить преступника и примирить его съ обществомъ — можетъ быть достигнута мѣрами скорѣе ожесточающими, чѣмъ примиряющими и исправляющими? — Нѣтъ, — стало быть тѣ основы, на которыхъ созпдаюся наши уголовныя наказанія, могли бы рушиться.

Въ заключеніе скажемъ еще, что общественная экономія не должна быть чужда и уголовнаго права. Между тѣмъ подвергнутыя разсмотрѣнію наказанія идутъ совершенно въ разрѣзъ сей. Такъ, напримѣръ, у насъ ежегодно ссылается въ каторгу и на поселеніе среднимъ числомъ около 5,214 человѣкъ (¹). И если предположимъ, что каждый изъ нихъ вырабатываетъ теперь менѣе 100 руб. сер. въ годъ сравнительно съ тѣмъ, что онъ выработалъ бы на свободѣ или при другихъ, лучшихъ экономическихъ условіяхъ, то теряется ежегодно народнаго богатства на 542,400 руб. сер. Кромѣ потери такой значительной суммы отъ дурной организаціи быта преступниковъ, общество дѣлаетъ еще непроизводительныя затраты на содержаніе громаднаго количества сторожей, военной силы и цѣлой арміи чиновниковъ для надзора за преступниками и удержанія ихъ отъ побѣговъ и пр. А это отражается на экономическомъ бытѣ народа, который сумму эту, взимаемую съ него путемъ налога, могъ бы употребить на

(¹) Эта цифра выведена изъ отчетовъ Минис. Юстиціи съ 1851 по 1863 г.

свои матеріальныя нужды, которыхъ у него достаточно...

Изъ изложеннаго становится яснымъ, что уголовное право должно строиться на экономическихъ принципахъ столько же, сколько и на другихъ мѣрахъ, служащихъ къ исправленію преступника и къ огражденію общества отъ безопасности и вреда, порождаемаго преступленіями.

ЧАСТЬ II

ИСПРАВИТЕЛЬНЫЯ НАКАЗАНІЯ

ГЛАВА I

ОЧЕРКЪ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХЪ НАКАЗАНІЙ

Исправительныя наказанія по XV т. Св. Зак. состоятъ изъ двухъ системъ: одна предназначается для привилегированныхъ сословій; а другая — для низшихъ слоевъ общества. Виды ихъ слѣдующіе:

Для лицъ привилегированныхъ.	*Непривилегированныхъ.*
1) Ссылка на житье въ сибирскія губерніи.	1) Арестантскія роты.
2) Ссылка на житье въ отдаленныя губерніи не сибирскія.	2) Рабочій домъ.
3) Тюрьма.	3) розги.
4) Арестъ полицейскій.	4) . . . . .

Кромѣ этихъ двухъ системъ существуютъ еще нѣкоторыя, по особымъ родамъ преступленій, а именно:

1) Смирительный домъ.

2) Заключеніе въ крѣпости.

3) Денежные штрафы.

4) Выговоры, замѣчанія и внушенія.

Разнохарактерность первыхъ двухъ системъ, назначающихъ за совершенно тождественныя преступленія для разныхъ слоевъ и различные виды наказаній, указъ 17-го апрѣля 1863 года имѣлъ цѣлью нѣсколько сгладить: онъ уничтожилъ обширное примѣненіе розги, — поражавшей низшій классъ народа, дозволивъ вмѣнять ее лишь тогда, когда не представится возможности замѣнить ее однимъ изъ видовъ лишенія свободы. Но эта мѣра въ большей части случаевъ имѣла значеніе de jure, а не de facto, по слѣдующимъ причинамъ: *Уложеніе 1845 года* имѣло также задачею искоренить розгу и дать передъ нею перевѣсъ лишенію личной свободы. Въ силу этого принципа розга должна была замѣнятся — смирительными и рабочими домами, тюрьмами и арестами; но какъ при этомъ не были увеличены мѣста заключенія, то вернулись къ прежней системѣ наказанія, и положеніемъ отъ 23 ноября 1853 г. всѣ существующіе виды исправительныхъ наказаній замѣнились для простого народа — розгою, а арестантскія роты гражданскаго вѣдомства ссылкою въ Сибирь на водвореніе. Поэтому хотя указомъ 17 апрѣля 1863 г. и отмѣнены положенія 23 ноября 1853 г., однако розга вѣроятно долго еще преобладала, вслѣдствіе ограничен-

наго числа мѣстъ заключенія. И хотя послѣдній недостатокъ законъ 17 апрѣля предполагалъ устранить уменьшеніемъ сроковъ лишенія свободы, которое казалось могло-бы дать возможность не засиживаться арестантамъ въ мѣстахъ заключенія, открывая доступъ въ нихъ и новымъ лицамъ, но какъ наплывъ арестантовъ оказался значительно болѣе мѣстъ, могущихъ вмѣстить ихъ, то на долю немогущихъ попасть въ послѣднія выпадала — розга. Такимъ образомъ и эта мѣра не вполнѣ достигла цѣли. Нужно было придумать что-нибудь другое, т. е. или сдѣлать штрафы и обязательныя работы преобладающими наказаніями, или-же увеличить мѣста заключенія. Первыя начала уже вошли въ «Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями». И такъ уже недалеко то время, когда наказаніе розгами не будетъ имѣть мѣста въ нашей жизни. Мы съ глубокимъ нашимъ убѣжденіемъ стоимъ за мнѣнія противъ розогъ, отрицая разумность всѣхъ мотивовъ, приводимыхъ въ ихъ защиту, а именно:

Защитники розогъ доказываютъ необходимость ихъ тѣмъ, что розги представляютъ дешевое, скорое и удобное наказаніе, тогда какъ другія карательныя мѣры, какъ напримѣръ тюремное заключеніе, соединены съ большими расходами. Но если при созданіи карательныхъ мѣръ общество будетъ заботиться только о дешевизнѣ, то въ такомъ случаѣ, говоря словами одного юриста, оно можетъ оправдать и смертную казнь, — представляющую также очень дешевое, выгодное и еще болѣе безопасное средство, чѣмъ розги, послѣ которыхъ человѣкъ можетъ и не перестать быть вреднымъ чле-

номъ общества. Въ защиту розги приводятъ еще тотъ доводъ, что нельзя замѣнить ее другими карательными мѣрами не нанося ими простолюдину еще большихъ страданій, а именно: подвергнуть его штрафу значитъ — отнять у него послѣднее достояніе и заставить его страдать голодомъ; подвергнуть его аресту значитъ — оторвать его отъ труда, источника къ существованію. И потому если чернорабочему предоставить выборъ между розгою, арестомъ и штрафомъ, то онъ вѣроятно выберетъ тѣлесное наказаніе. Если допустить, что это воззрѣніе справедливо и масса не считаетъ еще для себя оскорбительнымъ тѣлеснаго наказанія, то и тогда законодательству слѣдовало отказаться отъ розогъ. Къ тому же, развѣ розга исправляетъ? Нисколько; напротивъ можно смѣло утверждать, что она деморализуетъ человѣка. Наконецъ цѣль розогъ оправдываютъ тѣмъ, что онѣ дѣйствуютъ на чернь устрашительнѣе другихъ наказаній. Но это воззрѣніе ложно. Если розгу чернь предпочитаетъ лишенію свободы и штрафу, какъ утверждаютъ ея почитатели, то это напротивъ обнаруживаетъ всю ея неустрашительность.

И такъ розгу мы уже не встрѣчаемъ въ «Уставѣ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями». Въ этомъ уставѣ также проведенъ принципъ однохарактерности наказаній всѣхъ слоевъ общества, что признаемъ вполнѣ раціональнымъ. Остается желать еще, чтобы равноправность передъ уголовнымъ закономъ всѣхъ недѣлимыхъ нашего общества выразилась-бы: 1) Уничтоженіемъ арестантскихъ ротъ и ссылки на житье въ Сибирь, имѣющихъ съ спутниками своими характеръ

наказаній уголовныхъ, а не исправительныхъ (¹). 2) Если современный государственный бытъ не считаетъ возможнымъ избѣгнуть лишенія свободы, то необходимо преобразованіе смирительныхъ и рабочихъ домовъ, тюремъ и остроговъ въ одну систему тюремнаго заключенія, посредствомъ устройства такихъ учрежденій, которыя осуществляли-бы исправительныя заведенія внутреннимъ содержаніемъ, а не однимъ внѣшнимъ устройствомъ. 3) Образованіемъ исправительныхъ заведеній для малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ преступниковъ. 4) Учрежденіемъ убѣжищъ для арестантовъ выходящихъ на свободу.

На какихъ началахъ эта реформа могла-бы сложиться укажемъ ниже, сдѣлавъ предварительный обзоръ характеристики лишенія свободы вообще и въ Россіи въ особенности.

ГЛАВА II

ЛИШЕНІЕ СВОБОДЫ

Лишеніе свободы употреблялось уже въ древній періодъ русской жизни. Для этой цѣли предназначались

(¹) Лишеніе всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ является спутникомъ ссылки на житье въ Сибирь, въ отдаленныя губерніи, кромѣ сибирскихъ, и отдачи въ арестанскія роты и рабочія дома. Наказаніе это лишаетъ осужденнаго правъ политическихъ и сословныхъ, что находимъ слишкомъ суровымъ и идущимъ въ разрѣзъ съ принципомъ исправленія.

темницы, называемыя то *порубами*, то *погребами*. Въ договорѣ Смоленскаго князя съ Ригой говорится объ этомъ слѣдующее:

«Аже извинится Русинъ у Ризе или на Гочъскемъ березе, удыбу его не сажати; аже извинится Латининъ у Смольнѣскѣ, *не мтати его у погребъ*; аже не будеть поруки, то у желѣза усадить». По судебникамъ лишеніе свободы уже было временное и по смерть и не ограничивалось одною тюрьмою, а заключали виновныхъ въ клѣтки и погреба; Уложеніе же хотя и не опредѣляетъ пожизненнаго тюремнаго заключенія, но характеръ этого наказанія не перемѣнился: онъ остался тотъ же, что и въ древній періодъ, т. е. оно употреблялось какъ мѣра охранительная и какъ самостоятельное наказаніе; иногда же соединялось и съ тѣлеснымъ наказаніемъ.

Какъ мѣра охраненія, заключеніе вмѣнялось столько для подсудимыхъ, но и для виновныхъ въ извѣстномъ преступленіи: подсудимый подвергался заключенію, если не могъ представить поруки въ томъ, что въ опредѣленный срокъ явится въ судъ или заплатитъ долгъ, или что, за неуплатой долга, будетъ ставиться на правежъ; тому же наказанію подвергались и тѣ, которые не могли представить поруки въ томъ, что впередъ не будутъ повторять учиненнаго ими преступленія. Поручители же (порутчики), принимая на свою отвѣтственность подсудимаго или отвѣтчика, *отвѣчали головою въ его мѣсто* въ случаѣ неисполненія съ его стороны возложенной на него обязанности или въ случаѣ совершенія имъ новаго преступленія; или же при-

нуждены были заплатить сумму денегъ, заблаговременно опредѣленную въ *поручной записи*, и пополнить всѣ убытки истца и судебныя издержки.

Тюрьмы въ этотъ періодъ находились въ ужасномъ положеніи. Заключонные въ нихъ не получали никакого казеннаго содержанія. Поэтому кто изъ заключонныхъ имѣлъ родителей или родственниковъ, получалъ содержаніе отъ нихъ; для добыванія же пищи другимъ, которымъ было нечѣмъ содержаться, посылались ежедневно, вмѣстѣ съ сторожами, скованные, два человѣка изъ менѣе виновныхъ, для собиранія по торгамъ и по дворамъ милостыни: деньгами и хлѣбомъ; все собранное раздѣляли они съ своими товарищами и тѣмъ кормились (1).

Въ какомъ положеніи были заключонные, видно изъ ихъ писемъ къ государю, въ которыхъ они, прося его объ освобожденіи, выражались въ челобитныхъ такъ:

«Милостивый Государь, пожалуй меня сироту своего, вели, Государь, по тому дѣлу свой Великаго Государя милостивый указъ учинить, и меня сироту своего изъ-за рѣшотки освободить, чтобы сидя мнѣ сиротѣ твоему за рѣшоткою голодною смертью не умереть»: (2).

За тѣмъ, оставивъ древній бытъ заключонныхъ и переходя къ положенію тюремнаго заключенія въ новѣйшее время, посмотримъ на сколько оно улучшилось.

---

(1) Кошихинъ, стр. 97.

(2) Акты юридич. № 30.

Извѣстно, что еще съ 1818 г. тюрьмы наши подчинены особому комитету — «обществу попечительному о тюрьмахъ». Общество это мало по малу развилось и раскинулось по всей Россіи. Въ 1862 г. оно уже заключало въ себѣ 509 комитетовъ и отдѣленій мужскихъ и женскихъ. Но не смотря на то, что количество ихъ ежегодно возрастаетъ и что въ основаніи тюремнаго общества легла глубокая филантропическая цѣль, наши тюрьмы представляютъ грустное зрѣлище. Оно обрисовывается изъ показаній этого же общества, а именно: въ отчотахъ за 1857 г. оно сознаетъ. «что тюрьмы наши, бо́льшею частью, ветхи, сыры, построены на неудобныхъ, низменныхъ мѣстахъ и несообразны съ числомъ содержащихся; пища крайне не питательна, вслѣдствіе назначенія денегъ только на хлѣбъ и на крупу. Отсюда происходитъ то, что арестанты, по тѣснотѣ тюремъ, не только не могутъ быть заняты работами, и чрезъ это укрѣплять свои силы, но не вездѣ даже размѣщаются по родамъ преступленій, — что̀ имѣетъ крайне вредное вліяніе на молодыхъ, неопытныхъ преступниковъ; далѣе, болѣзни и самая смертность между заключонными также весьма многочисленны, представляя цифру, по средней сложности послѣднихъ трехъ лѣтъ, — одного больного на шесть здоровыхъ и одного умершаго на шестнадцать больныхъ. И какъ не быть значительному числу больныхъ и умершихъ? Дурное устройство и тѣснота тюремъ, пища безъ мяса и непитательная, почти постоянное бездѣйствіе и медленное томительное для арестантовъ производство дѣлъ объ нихъ, — все это, причиняя застой въ организаціи, дѣ-

лаетъ арестанта вялымъ и неспособнымъ ни къ какимъ упражненіямъ. Это же самое порождаетъ между заключенными различныя болѣзни, преимущественно *цынгу*, особенно въ сѣверныхъ полосахъ Россіи, а содержаніе арестантовъ безъ раздѣленія по преступленіямъ значительно замедляетъ и запутываетъ судопроизводство, ибо и самый неопытный арестантъ, брошенный въ толпу опытныхъ негодяевъ, скоро научается у нихъ изворотливому искусству — дать дѣлу направленіе согласное съ его видами» (1).

Казалось-бы, послѣ такого горькаго убѣжденія въ несостоятельности нашихъ тюрьмъ должно бы было немедленно приступить къ радикальнымъ реформамъ. Но что же? Изъ отчетовъ того же общества отъ 1859 г. по 1862 г. видно (2), что тюрьмы наши попрежнему неудобны, ветхи, тѣсны, и не вездѣ безопасны относительно побѣговъ арестантовъ; что гигіеническія условія быта заключенныхъ нисколько не улучшились, что смертность уменьшилась на слишкомъ ничтожную цифру, что грамотность развивается между заключенными весьма слабо, вслѣдствіе того, что общество открыло всего двадцать одну школу, въ которыхъ число обучающихся относится къ числу всѣхъ заключенныхъ какъ 1 : 20, что занятія мастерствами введены лишь въ двадцати тюрьмахъ, а въ остальныхъ арестанты или

(1) Отч. общ. о тюр. за 1857 г., стр. 3, 4 и 5.

(2) См. «Журналъ Министерства Юстиціи», за сент. 1863 г., ст. «Современное положеніе нашихъ тюрьмъ», г. Ткачова.

остаются безъ всякаго разумнаго труда, или же даются имъ такія занятія, которыя нисколько не служатъ для нихъ подготовкою къ будущей внѣ-тюремной дѣятельности.

Между тѣмъ пробѣгая данныя относительно частной благотворительности, открывается, что ежегодно жертвуются въ *попечительныя общества* для улучшенія быта арестантовъ такія крупныя суммы, что на нихъ можно было бы привести тюрьмы въ лучшее положеніе. Только въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ, т. е. съ 1857 г. по 1862 г. ежегодно жертвовалось среднимъ числомъ 501,175 р. с., а именно:

Въ 1857 г.	256,017
» 1858	393,872
» 1859	366,570
» 1860	564,616
» 1861	924,810
Итого . .	2,505,885

Правда всѣ эти суммы не расходуются: изъ нихъ ежегодно предназначается только около 77,000 р. с. на улучшеніе тюрьмъ и быта арестантовъ. Но какъ капиталъ этотъ служитъ лишь подспорьемъ къ установленнымъ тюремнымъ расходнымъ суммамъ, то, при болѣе производительномъ затрачиваніи даже этихъ 77,000 р. с. на самыя жгучія тюремныя нужды, положеніе заключенныхъ могло бы значительно улучшиться.

Плачевное состояніе нашихъ тюрьмъ объясняется и многоначаліемъ въ администраціи тюремнаго управленія.

Множество лицъ различныхъ вѣдомствъ сталкиваются у одного и того же дѣла; каждый изъ нихъ вмѣшивается въ него, между тѣмъ ни на комъ изъ этихъ дѣятелей не лежитъ безусловной обязанности дѣлать дѣло. Арестанты, видя такое количество людей, обнаруживающихъ желаніе улучшить ихъ бытъ, обращаются къ нимъ съ различными жалобами и просьбами, но убѣждаясь, что всѣ заботы объ нихъ страдаютъ отсутствіемъ полезной дѣятельности, теряютъ къ нимъ довѣріе. Вообще замѣчено, что наблюденіе лицъ различныхъ вѣдомствъ по одному и тому же дѣлу производитъ на практикѣ частыя между ними столкновенія, весьма вредно вліяющія на сущность дѣла. Оно иначе и не можетъ быть; каждая инстанція хотя и издаетъ предписанія, но иногда одно изъ нихъ отмѣняется другимъ...

Дѣятельность смотрителей тюрьмъ говоритъ также весьма мало въ пользу себя. Большею частію въ смотрителя назначаются отставные воинскіе чины и унтеръ-офицеры, и потому весьма понятно, что нѣкоторые изъ нихъ, не имѣя правильнаго взгляда на сущность тюремнаго заключенія, обращаютъ все вниманіе только на дисциплину, наружный порядокъ, одежду и вообще на внѣшній лоскъ. При такомъ же пониманіи дѣла неудивительно, что нарушается правило о содержаніи арестантовъ отдѣльно, по полу, возрасту, званію и роду совершонныхъ преступленій. А если оно и соблюдается, то только внѣшнимъ видомъ. Просмотрѣвъ билеты арестантовъ, всегда можно открыть, что несовершеннолѣтній попалъ въ камеру взрослыхъ, что подозрѣваемый въ убійствѣ сидитъ вмѣстѣ съ ворами, наконецъ беремен-

ности женщинъ обнаруживаютъ, что не всегда бываетъ бдительный надзоръ за отдѣленіемъ половъ.

Упадокъ же тюремныхъ построекъ происходитъ оттого, что по принятой процедурѣ, если напримѣръ въ зданіи требуется хотя ничтожное исправленіе, то приступаютъ къ нему не тотчасъ, а заводятъ по этому предмету многочисленную переписку... И пока получится на это дозволеніе, то уже ничтожной поправки недостаточно, а требуется серьезный ремонтъ. За тѣмъ снова исписываются стопы бумаги и пока переписка приведетъ къ результатамъ — зданіе уже успѣло придти въ совершенную негодность.

Поэтому, если не устранить эти неудобства, на которыя почти всѣ указываютъ, и не обратить вниманія на хорошую организацію тюремной администраціи, то, если даже построить вмѣсто нынѣшнихъ тюремъ — дворцы, и тогда мало по малу они прійдутъ въ такое же положеніе, въ какомъ видимъ ихъ нынѣ.

Изъ представленнаго бѣглаго очерка тюремнаго заключенія въ Россіи уясняется основательность горячихъ желаній реформъ, раздающихся со всѣхъ концовъ нашего отечества. Но какой характеръ должны имѣть эти реформы? Если въ западно-европейскихъ государствахъ тюремное заключеніе нашло обширное примѣненіе, то это понятно: тамъ по малочисленности земли невозможна колонизація преступниками пустопорожнихъ мѣстъ и годныхъ къ культурѣ; въ Россіи же — земли довольно. Наконецъ, если нельзя ужь обойтись безъ тюремнаго заключенія какъ наказанія, то не усвоивать же намъ

слѣпо, на вѣру пенитенціарной системы, какъ предлагаютъ нѣкоторые наши юристы.

Если же и возможно хоть сколько-нибудь у насъ дать мѣсто келейному заключенію, то, по мнѣнію нашему, не иначе, какъ для подслѣдственныхъ и подсудимыхъ арестантовъ, и то при условіи быстрой процедуры судопроизводства и съ значительными облегченіями во время заключенія. Тюремная реформа также не должна имѣть у насъ такого характера какъ во Франціи, гдѣ для сохраненія государственныхъ расходовъ работы въ нѣкоторыхъ департаментскихъ тюрьмахъ отдаются на откупъ какому нибудь entrepreneur général des prisons, гдѣ по кондиціямъ, съ нимъ заключеннымъ, онъ, пользуясь трудомъ арестантовъ, въ вознагражденіе ихъ за это, принимаетъ на себя всѣ тюремныя издержки. Такая система ведетъ къ злоупотребленіямъ, а именно: хотя норма работъ арестантовъ и пища для нихъ опредѣляются правительствомъ въ договорѣ съ откупщикомъ, но послѣдній часто находитъ пути къ неисполненію этого обязательства. А это отражается сильно на арестантахъ: ихъ заставляютъ иногда работать сверхъ силъ и кормятъ весьма скверно. И такъ какой же держаться системы тюремнаго заключенія? Пока не придумаютъ чего нибудь лучшаго, чѣмъ тюремное заключеніе, и если ужъ именно надобно заключеніе, то, мы полагаемъ, слѣдуетъ хотя избѣгать тѣхъ крайностей, въ которыя впадаютъ Западная Европа и Сѣверо-Американскія Штаты, что мы увидимъ изъ анализа ихъ.

Тюремное заключеніе строится у нихъ по двумъ системамъ: *филадельфійской*, въ основаніе которой легъ

принципъ одиночнаго, келейнаго заключенія и оборнской съ принципомъ молчанія.

Характеръ первой системы заключается въ томъ, что каждый арестантъ долженъ помѣщаться въ отдѣльной кельи съ лишеніемъ всякаго сообщенія съ обществомъ.

Систему эту придумали квакеры, вслѣдствіе предположенія, что аскетическій образъ жизни заключенныхъ послужитъ для послѣднихъ полезнымъ рычагомъ къ исправленію; что они, не развлекаясь ничѣмъ посторонним, кромѣ чтенія библіи, углубятся въ самихъ себѣ и, сознавъ свои прошлыя ошибки и заблужденія, ступятъ на путь покаянія. Поэтому тюрьмы, предназначенныя для этой цѣли, получили и названіе — домовъ покаянія (penitentiaris).

Характеръ другой системы, — оборнской, заключается въ томъ, что арестанты помѣщаются въ отдѣльныя кельи только на ночь; днемъ же они работаютъ всѣ вмѣстѣ, но съ соблюденіемъ строгаго молчанія.

По принципу этихъ двухъ системъ возникли тюрьмы въ Соединенныхъ Штатахъ Америки и въ европейскихъ государствахъ. Такъ въ Соединенныхъ Штатахъ Америки въ 1818 и 1821 г. квакеры и филадельфійское общество начали устроивать два пенитенціарія: одинъ — въ Питтсбургѣ, а другой — въ Герри-Гилль. Характеристика ихъ обрисовывается изъ очерка послѣдней тюрьмы. Пенитенціарій этотъ имѣетъ видъ правильнаго восьмиугольника, окруженнаго высокою и толстою стѣною съ входными воротами. Арестанты помѣщаются въ немъ въ отдѣльно-устроенныхъ кельяхъ, но такъ, что не могутъ сообщаться другъ съ другомъ; даже ку-

шанье подается имъ чрезъ отверстія въ стѣнахъ келій. Единственныя развлеченія для нихъ — прогулки въ маскахъ по дворикамъ тюремнымъ, — и то при строгомъ молчаніи, чтеніе библіи и еженедѣльныя проповѣди священника, котораго они видятъ и слышатъ, становясь у порога полуотворенныхъ дверей своихъ келій. Для сохраненія въ тюрьмѣ тишины всѣ служащіе должны говорить шопотомъ, и чтобы тишина этаго ни чѣмъ не нарушалась, сторожа имѣютъ резиновую или войлочную обувь, а колеса тюремныхъ экипажей покрываются кожею.

Къ дисциплинарнымъ тюремнымъ наказаніямъ принадлежатъ: лишеніе библіи, заключеніе въ карцеръ (темной келыи) и дача въ пищу только хлѣба и воды.

Въ эти келыи Сѣверо-Американскіе Штаты долго помѣщали живыхъ людей и, рѣдко исправляя ихъ, превращали многихъ въ сумасшедшихъ. Въ настоящее же время продуктами сумасшествія надѣляетъ только Пенсильванія, придерживаясь келейной системы; въ другихъ же штатахъ преобладаетъ оборнская система.

Въ Англіи господствуетъ келейное заключеніе. Ея пенитенціарій въ Лондонѣ — Мильбанкъ, вмѣщаетъ въ себѣ до 1200 человѣкъ. Онъ имѣетъ форму правильныхъ пятиугольниковъ. Внутри ихъ образуется пространство тоже въ видѣ правильнаго пятиугольника. Другой пенитенціарій построенъ въ Пентанвилѣ въ видѣ лучистой звѣзды. Арестанты помѣщаются въ отдѣльныхъ кельяхъ, гдѣ имъ дозволяется учиться и работать; ихъ водятъ ежедневно въ церковь и на прогулку также въ маскахъ и не дозволяется говорить другъ съ

другомъ. Тюремное наказаніе за проступки выражается: заковываніемъ, лишеніемъ постели, содержаніемъ на хлѣбѣ и водѣ, заключеніемъ въ темную келью и наказаніемъ плетьми. Въ другихъ же тюрьмахъ графствъ за проступки подвергаютъ арестантовъ непроизводительнымъ работамъ, заключающимся въ томъ, что арестанта ставятъ на ступенчатое колесо съ тѣмъ, чтобы онъ заставлялъ обворачиваться колесо переступаніемъ съ ступеньки на ступеньку; или же заставляютъ его вертѣть туго обращающееся колесо въ машинѣ. Въ военныхъ тюрьмахъ Англіи, въ замѣнъ этихъ наказаній, арестантъ долженъ переносить съ одного мѣста на другое бомбы и ядра и складывать ихъ въ кучи. Вмѣненіе такихъ различныхъ тюремныхъ наказаній обнаруживаетъ шаткость англійскаго правосудія. Такъ напримѣръ, почему за одни и тѣ же проступки англійское правосудіе считаетъ необходимымъ подвергать провинившихся въ Мильбанкѣ и Пентанвилѣ — легкимъ наказаніямъ, а въ другихъ тюрьмахъ своихъ — тяжелымъ?

Къ Франціи не привилась пенитенціарная система съ принципомъ полнаго одиночнаго заключенія; новѣйшія тюрьмы ея построены по системѣ оборнской, гдѣ арестанты во время работъ и даже въ свободное время подвергаются строгимъ наказаніямъ за нарушеніе устава молчанія; даже надсмотрщикамъ запрещено говорить съ арестантами, исключая особенно побудительныхъ къ тому причинъ. Само собою разумѣется, что уставъ тюремный не можетъ соблюдаться во всей точности, что и порождаетъ рядъ наказаній, количество которыхъ обнаруживаетъ слѣдующій фактъ. Изъ рапорта Перро за 1860 г.

видно, что на 22,000 арестантовъ приходилось около 63,000 наказаній. Значитъ каждый арестантъ провинился противъ тюремнаго устава три раза въ годъ, — цифра громадная и говорящая сильно не въ пользу этой системы.

Въ Бельгіи, не смотря на то, что дѣйствуетъ кодексъ французскій, пенитенціарная система пустила глубокіе корни и преобладаетъ надъ другими видами лишенія свободы.

Въ Италіи одиночное заключеніе также пріютилось вездѣ, исключая Сардиніи, гдѣ преобладала оборская система. Но теперь кажется и она скоро поколеблется отъ составленнаго тамошнею коммисіею проэкта, построеннаго на началахъ строгаго одиночнаго заключенія.

Въ Португаліи также вводится келейное заключеніе.

Въ Баденѣ и въ Ольденбургѣ примѣненъ принципъ келейнаго заключенія.

Въ Норвегіи также существуетъ келейное заключеніе.

Въ Даніи господствуетъ оборская система.

Въ Швейцаріи преобладала оборская система и лишь нынѣ устроены пенитенціаріи въ Сен-Галленѣ и Женевѣ.

Въ Россіи морское министерство также вноситъ въ бытъ свой пенитенціарную систему. Недавно устроена въ Петербургѣ, въ такъ называемой Голландіи, трехъ-этажная тюрьма. Нижній этажъ предназначается для келейнаго заключенія; средній, состоящій изъ общихъ каморъ, — для лицъ арестованныхъ за проступки про-

тивъ дисциплины; а верхній — предназначается для арестантовъ за проступки, носящіе начало безнравственное. Въ зданіи имѣется церковь, въ которой для одиночныхъ арестантовъ, у задней стѣны близь балюстрады, устроены отдѣльные каморки для каждаго. Каморки эти запираются снаружи, а въ дверяхъ сдѣланы рѣшотки, сквозь которыя арестантъ можетъ видѣть и слышать службу. Въ тюрьмѣ будетъ библіотека, гдѣ неграмотныхъ арестантовъ будутъ обучать грамотѣ. Кромѣ того, для больныхъ имѣется лазаретъ. А для обученія арестантовъ на дворѣ предполагается поставить мачту. Самый долгій срокъ заключенія будетъ около 2 лѣтъ.

Пруссія придерживается оборнской системы, введенденной въ смирительные дома и лишь въ Берлинѣ устроена тюрьма Моабитъ по системѣ строгаго одиночнаго заключенія. Въ ней арестанты содержатся келейно. Во время прогулокъ на нихъ надѣваютъ маски и заставляютъ гулять съ особеннымъ педантизмомъ — на разстояніи десяти шаговъ другъ отъ друга. Школы и церковь устроены такъ, что каждый изъ нихъ помѣщается въ особую клѣтку, гдѣ можетъ видѣть только учителя или проповѣдника. Наказанія въ ней были такія же какъ въ лондонскихъ тюрьмахъ, исключая наказаній тѣлесныхъ. Нынѣ же прусское правительство вводитъ въ центральныхъ исправительныхъ домахъ слѣдующія наказанія: лишеніе горячей пищи, заключеніе въ комнату неимѣющую пола, содержаніе у застѣнка въ оковахъ, тѣлесное наказаніе палками и плетьми. Женщинъ же беременныхъ и кормящихъ грудныхъ дѣ-

тей велено за проступки заставлять таскать большой деревянный чурбанъ. Изъ этого видно, что Пруссія не желаетъ отстать отъ Саксоніи во взглядѣ на карательныя мѣры, а именно: въ Саксоніи исправительная келья за проступки арестантовъ состоитъ изъ маленькой комнаты, въ которой полъ составленъ изъ четырехсторонникъ брусковъ, расположенныхъ стоймя и обращенныхъ остріемъ кверху. Мебель комнаты составляетъ кубическій табуретъ, стороны котораго образуютъ такія же острыя ребра, какъ и полъ. Чтобы наказанный не принималъ мѣръ противъ боли отъ лежанія, хожденія и сидѣнья на этихъ остріяхъ на него надѣвается особенная рубаха, отнимающая эту возможность, Volkszeitung von Central-Deutschland сообщаетъ, что Вальдгейскій исправительный домъ въ теченіи года снабдилъ арестантовъ 22,000 ударовъ палками.

Изъ представленнаго очерка различныхъ тюремъ лучшимъ пенитенціаріемъ считается Бруксальская тюрьма. Поэтому и опишемъ ее.

Бруксальская тюрьма построена по улучшенной системѣ одиночнаго заключенія.

Отдѣльныя камеры состоятъ въ ней изъ чистыхъ, свѣтлыхъ комнатъ, заключающихъ въ себѣ кровать съ тюфякомъ, подушками, двумя простынями и шерстянымъ одѣяломъ; стулъ, столъ, шкапъ съ книгами и канцелярскими принадлежностями, ремесленный станокъ, стѣнной календарь, вѣшалку, списокъ ремесленныхъ снарядовъ, данныхъ арестанту, и правила тюремнаго порядка; кромѣ того находится посуда для ѣды, хлѣбъ, соль, ножикъ, ложка и проч. Камеры освѣщаются га-

зомъ посредствомъ проведеныхъ въ нихъ рожковъ, а нагрѣваются при помощи отдушниковъ. Пища арестантовъ слишкомъ бѣдна, а именно: въ 7 часовъ утра даютъ супъ обыкновенный, къ обѣду и въ полдень супъ говяжій и овощи, а черезъ день четыре лота говядины; вечеромъ въ 8 часовъ раздается снова супъ, а въ продолженіе дня дается полтора фунта хлѣба. Работаютъ арестанты десять часовъ въ день. Работы такого свойства, что могутъ принести существенную пользу по выходѣ изъ тюрьмы. За исполненіе назначенной работы арестантъ получаетъ въ день по крейцеру, а за изготовленную вещь плату по тарифу. Половинная часть отдается ему на руки тотчасъ, а другая вручается ему по выходѣ изъ тюрьмы. За умышленную порчу вещей, за неисполненіе обязательнаго труда и нарушеніе правилъ тюремной дисциплины арестантъ подвергался одному изъ слѣдующихъ наказаній: выговору, лишенію награды и отличій, аресту, отнятію пищи и постели, наложенію цѣпей и наконецъ наказанію (Strafstuhl), состоящему въ томъ, что человѣка ремнями привязываютъ къ деревянному креслу, такъ чтобы онъ не могъ дѣлать никакихъ движеній. Положеніе это, говорятъ, крайне мучительно.

Брюссельская тюрьма разрѣшаетъ посѣщеніе арестанта родственниками и знакомыми; но свиданіе допускается только разъ въ мѣсяцъ и въ особо устроенной пріемной комнатѣ, которая состоитъ изъ трехъ частей, отдѣленныхъ одна отъ другой перилами. Поэтому при свиданіи арестанты впускаются въ одну часть изнутри заведенія, въ среднемъ отдѣленіи помѣщается сторожъ,

а въ послѣднемъ — гости; при этомъ пространство между посѣтителемъ и арестантомъ такъ велико, что имъ приходится почти кричать разговаривая. Лишь только опасно больные могутъ быть навѣщаемы родственниками въ кельяхъ своихъ. Переписка съ родственниками разрѣшается: они могутъ получать и отсылать въ мѣсяцъ до двухъ писемъ, которыя подлежатъ просмотру тюремнаго начальства. — Въ тюрьмѣ есть комнаты для больныхъ. Но въ нихъ помѣщаются только серьозно больные; при легкихъ же болѣзняхъ арестанты остаются въ своихъ кельяхъ. Арестанты посѣщаются докторомъ разъ въ недѣлю, а больные два раза въ день. На обязанности доктора лежитъ также надзоръ за отопленіемъ, чистотою воздуха, достаточнымъ движеніемъ арестантовъ, пищею ихъ, и наблюденіе не развивается ли въ комъ либо изъ арестантовъ психической болѣзни причомъ докторъ обязанъ наводить справки на родинѣ арестанта. Опасность развитія сумасшествія предупреждается помѣщеніемъ его въ общія рабочія залы или отсылкою въ сумашедшій домъ для особаго леченія, если это оказывается нужнымъ.

Тюрьма имѣетъ двѣ школы: одна въ 36, а другая въ 39 мѣстъ. Школы эти устроены такъ, что арестанты, видя учителя, не видятъ другъ друга.

Предметы обученія: грамота, ариѳметика, основныя понятія естественныхъ наукъ, исторія, медицина, рисованіе и церковное пѣніе. Особенно способные обучаются сверхъ того въ своихъ кельяхъ. Вообще общешкольное ученіе пополняется частнымъ, т. е. предписывается учителямъ посѣщать каждодневно не менѣе 50

арестантовъ, съ цѣлію разспрашивать ихъ: понялъ ли они дѣло и разъяснять имъ рождающіяся сомнѣнія. До 60-ти лѣтъ отъ роду ученіе для арестантовъ обязательно, а за этотъ возрастъ обучаютъ только по ихъ собственному желанію.

Въ Брюсалѣ находится церковь, которая подобно школѣ построена восьмиугольникомъ. Мѣста въ ней отдѣляются другъ отъ друга высокими перегородками, идутъ рядами и амфитеатромъ, начиная ниже алтаря и подымаясь все выше до органа. Богослуженіе производится въ церкви по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ и въ будни разъ въ недѣлю. Кромѣ того каждому арестанту два раза въ недѣлю дается урокъ изъ закона божія. На обязанностяхъ духовныхъ лицъ лежитъ частое посѣщеніе арестантовъ вообще, а больныхъ и страждущихъ въ особенности.

Брюсальская тюрьма заключаетъ въ себѣ садъ, въ который пускаютъ гулять арестантовъ. Одиночное заключеніе продолжается не долѣе 6 лѣтъ; но мы должны замѣтить, что и 6 лѣтъ — лишенія свободы — изрядная пытка. Келейному заключенію не подвергаются 70-лѣтніе старики, исключая случаевъ, когда они сами пожелаютъ того. Кромѣ того тюремный наблюдательный совѣтъ освобождаетъ отъ келейнаго заключенія тѣхъ, для кого оно можетъ быть опаснымъ вслѣдствіе недуговъ, напримѣръ падучей болѣзни или склонности къ помѣшательству. Этому совѣту дозволяется также ходатайствовать о такой льготѣ для другихъ арестантовъ, но не прежде того, какъ они просидятъ одиночно 18 мѣсяцевъ (т. е. вѣроятно тогда, когда у нихъ уже начинаются признаки

психическихъ болѣзней, потому что едва ли многія натуры могутъ выдержать безболѣзненно 18 мѣсяцевъ одиночнаго заключенія).

Описаніе этой тюрьмы мы извлекли изъ статьи г. А. П.: «Одиночная тюрьма въ Брусселѣ», помѣщенной въ XV выпускѣ «Юридическаго Вѣстника». Авторъ этой статьи умаляется вообще предъ одиночнымъ заключеніемъ и отрицаетъ мнѣнія, доказывающія, что оно порождаетъ помѣшательства, самоубійства и не достигаетъ вполнѣ исправленія преступниковъ.

Противъ перваго мнѣнія г. А. П. возражаетъ такъ: «Если въ тюрьмахъ — говоритъ онъ — психическія болѣзни нерѣдки, то это должно приписать тому, что часто уже самыя преступленія совершены были въ состояніи душевнаго разстройства, которое однако не уничтожило вмѣняемости, или даже уничтоживъ ее, ускользнуло отъ вниманія судей. Сюда-же должно отнести и угрызенія совѣсти, которыя часто являются послѣ преступленій, въ особенности когда они были совершены въ порывѣ. Вотъ главныя причины частыхъ случаевъ сумасшествія въ тюрьмахъ; одиночество-же можетъ только ускорить помѣшательство». Впрочемъ далѣе говоритъ авторъ: «одиночное заключеніе представляетъ такую опасность тогда, если оно состоитъ въ томъ, что человѣкъ въ теченіе цѣлыхъ годовъ не видитъ ровно никого и не имѣетъ другого занятія, кромѣ чтенія библіи. Но гдѣ, какъ въ Брусселѣ, арестантъ постоянно занятъ и притомъ многосторонимъ образомъ, гдѣ каждый долженъ быть ежедневно навѣщаемъ, по крайней мѣрѣ, шесть разъ, гдѣ предписаны разныя упо-

мянутыя выше предупредительныя мѣры относительно всякаго, въ комъ замѣтна склонность къ помѣшательству, — кажется, тамъ опасность эта вполнѣ устранена». (Стр. 44).

Упиваясь сладкозвучными словами г. А. П., можно подумать, что бруксальская система одиночнаго заключенія не содѣйствуетъ помѣшательству. Но вдругъ на 56-й страницѣ его статьи наталкиваемся на слѣдующій фактъ: съ 1854 по 1856 г. въ тюрьмѣ этой явилось 25 начинающихся помѣшательствъ. Помѣшанныя лица были переведены въ общія мастерскія. И что же? Сообщество съ другими подѣйствовало такъ успѣшно, что 11 человѣкъ совершенно выздоровѣли, а положеніе 6 улучшилось. Этотъ фактъ ясно обнаруживаетъ, что помѣшательствамъ содѣйствовало одиночное заключеніе, а не другія причины, не смотря даже на тѣ условія, которыя окружаютъ заключеннаго въ бруксальской тюрьмѣ. Сколько же, вопросъ, самоубійствъ и помѣшательствъ бываетъ въ другихъ тюрьмахъ, съ болѣе келейнымъ устройствомъ?

Противъ мнѣнія о томъ, что одиночная система заключенія не достигаетъ вполнѣ цѣли исправленія преступниковъ, г. А. П. возстаетъ и силится доказать противоположное слѣдующимъ фактомъ: «Изъ числа 185 арестантовъ, — говоритъ онъ, — которые были выпущены изъ описанной мною тюрьмы, въ теченіе времени отъ 1856 по 1860 г., совершили вновь преступленіе только 28 человѣкъ, хотя въ числѣ этихъ 185 было 92 вора, которыхъ исправлять всего труднѣе. Правда однако, съ другой стороны, что изъ этихъ 185 чел.

многіе умерли и выселились и о нѣкоторыхъ не имѣютъ *никакихъ извѣстій*; но по крайней мѣрѣ о 87 знаютъ съ достовѣрностью, что они ведутъ себя вполнѣ хорошо» (62 стр.)

Но это ничего не доказываетъ окончательно. Если неизвѣстно, какъ ведутъ себя лица, о которыхъ неимѣется свѣдѣній, то и не слѣдуетъ придавать особеннаго исправительнаго значенія брусальской тюрьмѣ, потому что если бы даже и не было болѣе 28 рецидивовъ на 185, то и это число составляетъ громадный процентъ. Наша русская система наказаній, не смотря на ея несостоятельность въ отношеніи исправимости преступниковъ, даетъ рецидивовъ менѣе, чѣмъ брусальская тюрьма, а именно: у насъ изъ 26 человѣкъ наказанныхъ снова впадаетъ въ преступленіе только одинъ. Поэтому не отвергая совершенно значенія хорошихъ репрессивныхъ мѣръ на дѣятельность человѣка, мы замѣтимъ, что значеніе ихъ скорѣе отрицательное, чѣмъ положительное, такъ какъ исправимость человѣка, или правильнѣе сказать, — дальнѣйшая безвредность его для общества зависитъ не столько отъ характера исправимости наказаній, сколько отъ тѣхъ условій, которыя вліяютъ на него при новомъ общеніи съ обществомъ.

Поэтому, если современный строй человѣческихъ обществъ не можетъ и даже не имѣетъ еще никакихъ средствъ *радикально* измѣнить свои старыя воззрѣнія на преступность и наказуемость, то прибѣгая къ леченію уже совершившейся преступности, нужно по возможности уничтожить и мотивы ея — тѣ корни, которые даютъ постоянные побѣги при обстоятельствахъ,

способствующихъ этому... Кромѣ того методъ и средства леченія не должны строиться на прикрытой гуманнымъ принципомъ суровости, дурно вліяющей на преступниковъ, что обнаруживаетъ обзоръ тѣхъ системъ наказаній, которыя были изложены выше, а именно:

Оборнская система едва ли можетъ исправлять, посягая на одно изъ священнѣйшихъ правъ человѣка — *мыслить и говорить*; она возникла на нестрогомъ пониманіи той истины, что постоянное молчаніе убиваетъ въ человѣкѣ способность мыслить, такъ какъ мысль не выливалась ни въ письменныя, ни въ словесныя формы, мало-по-малу тупѣетъ и совершенно деревенѣетъ; требованіемъ молчанія она ставитъ человѣка въ положеніе неестественное.

Цѣль этой системы — мѣшать сближенію и обмѣну мыслей между заключенными. Но какъ *говорить* составляетъ органическую потребность, то изобрѣтательность человѣческая, разумѣется, находитъ хоть какіенибудь пути для бесѣды. Такимъ образомъ цѣль не достигается, а порождается только рядъ тюремныхъ наказаній за нарушеніе устава молчанія. Но мыслимы ли эти наказанія? развѣ внѣшнимъ закономъ можно измѣнить органическіе законы природы? Развѣ можно карать человѣка за то, что ему такъ трудно преобразоваться въ безсловеснаго субъекта? Человѣкъ можетъ быть доведенъ до сознанія и даже до собственнаго внутренняго согласія въ справедливости того, что его за извѣстные проступки лишаютъ свободы, держатъ въ заперти, штрафуютъ, заставляютъ работать и проч. Но со всѣмъ этимъ преступнику несравненно естественнѣе и легче

нравственно согласиться и даже подчиниться всему этому, чѣмъ выполнить (даже при собственномъ его нравственномъ согласіи) обязанность не говорить впродолженіи многихъ лѣтъ ничего и ни съ кѣмъ. Это слишкомъ неестественно, почти до невозможности трудно и, вмѣсто перерожденія и умиренія, должно потрясать и озлоблять человѣка, особенно иныхъ субъектовъ. У насъ же, при искони *артельномъ* и *мировомъ* характерѣ нашего народа, кажется намъ, келейная и молчальная система почти невозможна. По крайней мѣрѣ мы увѣрены, что нашъ народъ, еслибъ у насъ введена была эта система, сталъ бы смотрѣть на нее, какъ на умышленную пытку, какъ на усиленіе до сихъ поръ употреблявшихся наказаній за преступленія, надбавку къ нимъ. Пожалуй это будетъ и логично въ его понятіи: «око дескать за око, зубъ за зубъ,» но вѣдь за то совершенно утратится все то «благодѣтельное и гуманное», чего ожидали кабинетные основатели системы отъ такой логики, если она укоренится въ понятіи народномъ.

Однако, не смотря на безобразіе этой системы, она, какъ мы видѣли выше, нашла примѣненіе въ Америкѣ и въ Европѣ. Объяснить это явленіе можно только тѣмъ, что каждая новость всегда будетъ находить послѣдователей до того времени, пока человѣчество не придумаетъ особенныхъ средствъ для возбужденія въ себѣ способности отдѣлять здоровыя понятія отъ больныхъ. Мы говоримъ больныхъ, потому-что общественная совѣсть западно-европейскихъ государствъ представляетъ въ особенности какое-то болѣзненное явленіе: тамъ смотрятъ на преступника съ какимъ-то разъ на всегда устано-

вившимся въ общественной совѣсти пуританизмомъ. Преступникъ возбуждаетъ тамъ чувство мести даже въ совершенно посторонних людяхъ, и чѣмъ болѣе наносятъ ему страданій, тѣмъ сильнѣе удовлетворяется общественная совѣсть, успокоивая себя тѣмъ, что эти частныя страданія необходимы для цѣлости существованія крѣпко и осѣдло установившагося общественнаго организма. Поэтому-то смертная казнь и другіе жестокіе виды наказаній и пользуются на западѣ такою особенною живучестью.

Другая система, — *филадельфійская*, построенная на принципѣ келейнаго заключенія, не уступаетъ оборискою нарушеніемъ физіологическихъ потребностей человѣка. По изслѣдованіямъ особой спеціальной коммисіи въ Англіи оказалось: что система эта способствуетъ умственному разстройству и развитію множества психическихъ и физіологическихъ болѣзней; что въ особенности послѣднія развиваются у людей предрасположенныхъ къ легочнымъ страданіямъ; что справедливость этого мнѣнія подтверждаетъ статистика смертности, самоубійствъ и умопомѣшательствъ въ англійскихъ тюрьмахъ, увеличившихся вслѣдствіе введенія одиночнаго заключенія.

- Причины вреднаго вліянія этой системы на организмъ заключенныхъ компетентные судьи объясняютъ тѣмъ, что арестанту приходится постоянно дышать однимъ и тѣмъ же воздухомъ маленькой камеры, что хотя ихъ провѣтриваютъ различными путями, но это особенно не видоизмѣняетъ сущности дѣла; что арестантъ имѣетъ слишкомъ мало движенія, и что хотя въ нѣкоторыхъ

тюрьмахъ и введены гимнастическія упражненія, но что они по монотонности характера мало возбуждаютъ дѣятельность организма.

Такимъ образомъ, по мнѣнію компетентныхъ судей, одиночное заключеніе наноситъ органическій вредъ людямъ. Но исправляетъ ли оно хотя безусловно заключенныхъ? На это отвѣчаетъ вышеприведенная статистика одной изъ лучшихъ тюремъ — брюссальской. А что она можетъ и портить людей, доказываютъ англійскія тюрьмы, а именно: въ 1857 г. число заключенныхъ доходило въ нихъ до 42,169 человѣкъ. Изъ нихъ снова попали въ тюрьмы:

Во 2-й разъ	18,374	чел.
Въ 3-й »	8,128	»
Въ 4, 5, 6. и т. д. около .	2,276	»

Все изложенное живо и ясно говоритъ не въ пользу пенитенціарной системы. Поэтому снова скажемъ, желательно было бы, чтобы она со всѣми своими недостатками не привилась къ Россіи, такъ какъ у насъ довольно въ этомъ родѣ своихъ непривитыхъ наростовъ. По нашему мнѣнію, лишеніе свободы могло бы выливться у насъ въ слѣдующія формы.

а) Тюрьмы для подслѣдственныхъ арестантовъ

Тюрьмы для подслѣдственныхъ арестантовъ должны быть особыя отъ тюрьмъ для осужденныхъ или хоть при тѣхъ же тюрьмахъ, но не иначе какъ въ совершенно особыхъ отдѣленіяхъ.

Характеръ такихъ тюрьмъ или отдѣленій — одиночное заключеніе. Не смотря на зло этого вида — лишенія свободы, оно къ несчастію неизбѣжно въ отношеніи послѣдственныхъ арестантовъ: оно дастъ возможность къ пресѣченію арестантамъ путей къ скрытію истины, условливанію къ дачѣ показаній, оговору и пр. — чему при настоящей системѣ общаго заключенія всѣхъ арестантовъ вмѣстѣ способствуетъ сообщеніе съ болѣе опытными въ этомъ дѣлѣ — бывалыми людьми, прошедшими, какъ говорится, чрезъ «огонь и воду», и являющимися иногда путеводителями въ затемнѣніи истины, въ отреченіи отъ собственнаго сознанія и въ указаніи путей къ замедленію дѣла; кромѣ того, оно избавитъ отъ сообщества съ другими людьми тѣхъ, кому это съ непривычки тяжело и кто предпочитаетъ одиночество; тѣмъ болѣе, что состояніе подъ слѣдствіемъ и судомъ, особенно въ первое время, болѣзненно дѣйствуетъ на людей *небывалыхъ*...

Но ужь разумѣется принять келейную систему для подслѣдственныхъ арестантовъ мы могли бы не иначе, какъ — снова замѣтимъ — при новомъ судопроизводствѣ, т. е. при возможно скорѣйшемъ рѣшеніи дѣлъ, а не при нынѣ существующей процедурѣ суда, гдѣ келейное заключеніе было бы немыслимымъ, такъ какъ арестантамъ пришлось бы сидѣть въ тюрьмахъ этихъ очень долго, что было бы уже большимъ мученіемъ и несправедливостью. Поэтому, не касаясь архитектурной стороны устройства тюрьмъ для подслѣдственныхъ арестантовъ, скажемъ только, что онѣ должны быть построены по системѣ одиночнаго заключенія и заключать въ

отдѣльныхъ кельяхъ все то, что и бруксальская тюрьма. Для уменьшенія же тяжести келейной жизни слѣдуетъ дозволить, чтобы арестантовъ посѣщали родные и знакомые, съ разрѣшеніемъ и переписки съ ними; но съ тѣмъ, чтобы письма проходили чрезъ контроль тюремнаго начальства. Различныя занятія должны быть также допущены. Неимущимъ арестантамъ слѣдуетъ выдавать бумагу, перья и пр. для письма. Небезполезно и устройство малыхъ библіотекъ, могущихъ образоваться изъ частныхъ пожертвованій. Арестанты должны навѣщаться духовными лицами, адвокатами и медиками. Обязанность послѣднихъ — частое посѣщеніе арестантовъ вообще и съ цѣлію наблюденія не развивается ли въ нихъ психическая болѣзнь; кромѣ того они должны сообщаться съ адвокатомъ каждаго подсудимаго и, собирая отъ него свѣдѣнія о мотивахъ преступленій, прибѣгать къ изслѣдованію организма арестанта, и если эти мотивы даютъ поводъ къ предположенію, что они были результатомъ болѣзненныхъ физіологическихъ причинъ, то о наблюденіяхъ своихъ сообщать адвокату, для принятій ихъ въ соображеніе при защитѣ подсудимаго. Многіе юристы возстаютъ противъ допущенія адвоката къ подслѣдственнымъ арестантамъ; они ссылаются на то, что это дастъ послѣднимъ опытнаго и дѣльнаго руководителя къ скрытію преступленія. Но если даже предположить возможность этого, то, по нашему мнѣнію, все-таки лучше десять виновныхъ избавить отъ наказанія, чѣмъ допустить несправедливость въ отношеніи невиннаго и неумѣлаго.

Къ организаціи тюрьмъ для подслѣдственныхъ арес-

тантовъ нужно приступить какъ можно скорѣе, не только по причинамъ указаннымъ выше, но и вслѣдствіе того, что въ нынѣшнихъ тюрьмахъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, начальство, изъ боязни побѣговъ изъ тюрьмы, ставитъ часовыхъ внутри корридоровъ и не дозволяетъ арестантамъ выхода на дворъ даже для освѣженія воздухомъ. Встрѣчаются такія тюрьмы, что въ небольшихъ комнатахъ содержатся отъ 15 до 20 человѣкъ и тутъ же стоитъ отхожій ушатъ. А такой удушливый заражонный воздухъ конечно дурно вліятъ на здоровье арестантовъ. За что же подвергать такимъ лишеніямъ и разстраивать здоровье людей, которыхъ и безъ того не минуетъ наказаніе, а тѣмъ болѣе тѣхъ, которые только обвиняются въ преступленіяхъ и по суду могутъ оказаться еще невинными?

б) Тюрьмы для осужденныхъ.

Тюрьмы для осужденныхъ могли бы быть устроены такъ, чтобы каждый изъ арестантовъ имѣлъ особую камеру для ночлега и вещей своихъ. Постоянная же жизнь въ нихъ и занятія должны быть допущены не иначе, какъ по желанію самихъ арестантовъ, если они сами не захотятъ сообщаться съ другими. Въ другихъ же случаяхъ къ келейному заключенію слѣдуетъ прибѣгать лишь въ отношеніи особенно строптивыхъ и тѣхъ лицъ, которыя могутъ имѣть развращающее вліяніе на менѣе испорченныя натуры; и то мѣра эта должна быть временная, т. е. одиночному заключенію слѣдуетъ подвергать лишь до того времени, пока въ заключонномъ

не обнаружатся признаковъ исправленія. Для другой же категоріи арестантовъ дневныя занятія должны быть общія для каждой группы, образующейся классификаціею ихъ не по однохарактерности видовъ преступленій, а по мотивамъ преступности, образованія, степени развитости и образу занятій, такъ какъ одни изъ нихъ привыкли къ умственному труду, а другіе къ физическому, разнымъ ремесламъ и земледѣльческимъ операціямъ. Все это разумѣется можетъ быть введено только по возможности. Мы же старасмся здѣсь хотя нѣсколько обозначить способъ, по нашему мнѣнію, наиболѣе справедливый къ классификаціи и распредѣленію въ тюрьмахъ рѣшонныхъ преступниковъ. Система молчанія, при общихъ занятіяхъ, не должна быть примѣнима въ тюремной жизни, такъ какъ она наноситъ органическій вредъ арестантамъ. Для занятій арестантовъ необходимы школы, мастерскія и участки земли для полевыхъ работъ. Цѣль школы, мастерскихъ и земледѣльческихъ занятій — ознакомленіе несвѣдующихъ арестантовъ съ реальноэлементарными знаніями, развитіе ихъ и обученіе различнымъ ремесламъ и земледѣльческимъ операціямъ, такъ какъ нѣкоторые впадаютъ въ преступленія вслѣдствіе неразвитости и отсутствія знаній, служащихъ источниками жизни; — отвлеченіе арестантовъ посредствомъ труда отъ лѣнности, огрубѣлости и пороковъ, которые неминуемо постигли бы ихъ при праздной жизни въ тюрьмѣ. Кромѣ того трудомъ арестантовъ можно будетъ погашать имущественный вредъ, наносимый преступленіемъ или проступкомъ, а именно: въ настоящее время уголовное правосудіе, подвергнувъ на-

казанію, напримѣръ вора, укравшаго послѣднее достояніе, положимъ, у бѣднаго человѣка, не старается вознаградить послѣдняго за убытокъ; поэтому изъ суммъ вырабатываемыхъ заключенными, нанесшими имущественный вредъ, слѣдуетъ пополнять послѣдній, вычитая изъ заработка хотя бы половину; остальныя же деньги выдавать арестантамъ на руки. Умственный или физическій трудъ для людей образованныхъ не долженъ быть обязателенъ, если на долю ихъ не выпадаетъ денежная отвѣтственность.

Для того, чтобы тюремное заключеніе не было-бы особенно тягостно, слѣдуетъ дозволять арестантамъ свиданіе и переписку съ родными и знакомыми. Также необходимо сформировать въ этой тюрьмѣ изъ частныхъ пожертвованій библіотеку, могущую снабжать арестантовъ книгами. Вообще чтеніе, рисованіе, сочиненіе, пѣніе и игру на разныхъ инструментахъ, въ опредѣленные часы, небезполезно-бы дозволять. Занятія эти поддерживаютъ моральныя и физическія силы. Такъ докторъ Reid разсказываетъ, что однажды по совѣту его человѣкъ, предрасположенный къ самоубійству занялся сочиненіемъ романа, и по окончаніи послѣдняго авторъ болѣе и не размышлялъ о лишеніи себя жизни. На другой случай указываетъ Espuirol въ слѣдующихъ чертахъ: французская революція имѣла на одного священника такое вліяніе, что онъ два раза бросался въ колодецъ съ цѣлью самоубійства, и хотя былъ спасаемъ, однако мысль лишить себя жизни не оставляла его. Вдругъ воспослѣдовалъ конкордатъ, возбудившій въ немъ такое негодованіе, что онъ сталъ писать противъ

этой правительственной мѣры, стараясь доказать ея вредъ. И что же? — возбужденіе вызванное этимъ трудомъ совершенно уничтожило въ немъ наклонность къ самоубійству. Такихъ фактовъ можно было-бы сгруппировать много; но и изложеннаго достаточно для подтвержденія нашей мысли. Музыка также имѣетъ благодѣтельное вліяніе на нѣкоторыя нервныя страданія. Дѣйствія ея на нервную систему двояко: при однообразіи звуковъ, они иногда вызываютъ нѣчто въ родѣ наркотизаціи; напѣвы-же мелодическіе разсѣеваютъ мрачныя мысли или пробуждаютъ пріятныя воспоминанія. Такъ одна дѣвица, вслѣдствіе различныхъ моральныхъ страданій, помѣшалась. Для изцѣленія больной, ея родителями были истощены различныя средства, но ничто не помогало. Вдругъ отцу пришла мысль велѣть съиграть одну изъ любимыхъ ея пьесъ, напоминавшую счастливѣйшее время изъ ея жизни... При игрѣ этой пьесы у больной мало-по-малу начали пробуждаться воспоминанія, которыя потрясли организмъ ея такъ, что она возвратилась къ разумно-сознательной жизни. Не входя въ дальнѣйшее изложеніе такихъ случаевъ, скажемъ, что Gibbon, Falret и другіе изслѣдователи фактически доказываютъ, что механическое дѣйствіе звуковъ, оживляя кровообращеніе и душу, имѣетъ иногда болѣе вліянія на человѣка, чѣмъ краснорѣчіе. — Какъ благотворно вліяетъ музыка на арестантовъ — видно изъ «записокъ слѣдователя» (¹) г. Н. Соколовскаго. Звуки пѣсни, съ акомпаниментомъ балалайки какого-нибудь

(¹) Эпоха, Ноябрь 1864 г. стр. 53—54.

арестанта Ходока, заставляли смолкать гулъ, хохотъ и ругательства, господствовавшіе между арестантами въ камерѣ. «Какимъ-то неуловимо-мягкимъ лучомъ — говоритъ г. Соколовскій — освѣщаются ихъ блѣдныя изнеможонныя лица. Благодаря пѣсни Ходока, хорошія минуты переживаютъ острожные, отверженные люди: свинцовымъ гнетомъ не давятъ ихъ угрюмыя стѣны, забылась разбившаяся жизнь, грознымъ призракомъ не стоитъ предъ ними страшное будущее... и для нихъ остались одни только чувствительные звуки, и всей наболѣвшей грудью упиваются они ими». — Такихъ свидѣтельствъ много.

Но далѣе. Тюрьмы для осужденныхъ должны заключать въ себѣ еще церковь, больницу, родильное и дѣтское помѣщеніе, садъ для прогулокъ, гимнастическія машины и другія необходимыя постройки. Въ особенности необходимо указанное дѣтское и родильное отдѣленіе: 1) для присмотра за грудными дѣтьми арестантокъ во время ихъ занятій и въ случаѣ потери матерью молока или ея серьозной болѣзни, и 2) для оказанія помощи родильницамъ. При этомъ отдѣленіи должна находиться акушерка, дѣйствующая подъ контролемъ медика.

Постройка тюрьмъ должна по возможности удовлетворять всѣмъ требованіямъ матеріальнымъ и гигіеническимъ. Относительно пищи могутъ быть соблюдаемы три условія: свѣжесть, питательность и достаточность. Наблюденіе за арестантами ввѣряется по возможности людямъ развитымъ, образованнымъ и понимающимъ значеніе тюремнаго заключенія. И если быть можетъ

насъ спросятъ: гдѣ же для этого найти дѣятелей? то на это отвѣтимъ: въ нашемъ же обществѣ, которое можетъ быть далеко не такъ червиво, какъ полагаютъ; и если оно безспорно еще только переходное, несложившееся и неустоявшееся, то все-таки нѣтъ сомнѣнія, что есть же въ этомъ обществѣ и зародыши свѣжихъ силъ и можетъ быть — сильной жизни, даже въ близкомъ будущемъ...

ГЛАВА III

ИСПРАВИТЕЛЬНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ ДЛЯ МАЛОЛѢТНИХЪ И НЕСОВЕРШЕННОЛѢТНИХЪ

По «Уложенію о наказаніяхъ» 1857 г., если малолѣтній въ возрастѣ отъ 10 до 14 лѣтъ, совершалъ сознательно преступленіе, то по тяжести и роду онъ подвергался слѣдующимъ карательнымъ мѣрамъ:

1) Ссылкѣ на поселеніе въ Сибирь,

2) Заключенію отъ 2½ до 5⅛ лѣтъ въ монастырѣ или смирительномъ домѣ,

3) Заключенію въ монастырѣ или рабочемъ домѣ отъ 1 до 8 мѣсяцевъ,

4) За преступленіе-же меньшей важности малолѣтніе подвергались исправительному домашнему наказанію родителей или опекуновъ.

Малолѣтніе указаннаго возраста, совершившіе даже тяжолыя преступленія безъ сознанія противозаконности дѣяній, отдавались родителямъ и родственникамъ для исправленія, также какъ и преступныя дѣти отъ 7 до

10 лѣтъ, дѣйствія которыхъ по закону не подлежатъ вмѣняемости. Здѣсь мы остановимся и замѣтимъ, что отдача дѣтей для исправленія родителямъ не всегда достигаетъ цѣли законодателя, такъ какъ самая преступность ребенка иногда бываетъ плодомъ дурнаго воспитанія, даннаго родителями. Жизнь иногда наталкиваетъ на такихъ грязныхъ родителей и родственниковъ, среда которыхъ только развращаетъ ребенка и часто дѣлаетъ послѣдняго орудіемъ своихъ гнусныхъ цѣлей... Сталобыть этой мѣрой слѣдуетъ пользоваться весьма осторожно и не иначе, какъ по предварительномъ удостовѣреніи о благонамѣренности указанныхъ лицъ.

Ссылка малолѣтнихъ въ Сибирь являлась мѣрою не совсѣмъ основательною: ребенокъ между 10 и 14 годами не могъ быть такимъ уже вреднымъ дѣятелемъ, такимъ навсегда отпѣтымъ человѣкомъ, отъ котораго общество необходимо должно было ограждать себя ссылкою. На молодую натуру отрока всегда можно дѣйствовать благотворно и образовать изъ него полезнаго дѣятеля, если только за данный предметъ взяться съ вниманіемъ.

Несовершеннолѣтнимъ отъ 14 до 17 лѣтъ предназначались за тяжкія преступленія такія-же наказанія какъ и взрослымъ, и лишь для нихъ сокращался срокъ работъ — *одною третью*, а безсрочная каторга — замѣнялась 20 годами. За менѣе тяжкія преступленія ихъ отправляли на житье въ Сибирь, предварительно выдержавъ въ тюрьмѣ до 17-лѣтняго возраста тѣхъ изъ нихъ, которые моложе этихъ лѣтъ; кромѣ того преступники изъ мущинъ подвергались еще отдачѣ въ военную службу. Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ ми-

ровыми судьями значительно облегчилъ участь малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ, что мы увидимъ далѣе; но не смотря на это законодательству еще много предстоитъ реформъ на этомъ пути.

Извѣстно на опытѣ, что малолѣтніе и несовершеннолѣтніе дѣлаются преступными вслѣдствіе недостатка воспитанія, непріученія къ труду, голода, нищеты, вліянія развращенной среды ихъ воспитывавшей, болѣзненныхъ явленій организма въ особенности физіологическаго развитія, вызывающаго иногда непреодолимое стремленіе къ совершенію преступленій, какъ напримѣръ *пиромапію* — страсть къ огню. Она, какъ полагаютъ, проявляется у мужчинъ и женщинъ между 14 и 16 годами, именно въ возрастѣ, когда обыкновенно развивается способность оплодотворенія; при чемъ отъ накопленія венозной крови, особенно около глазныхъ нервовъ, является иногда такое раздраженіе органовъ зрѣнія, которое требуетъ сильнаго свѣта; это-то раздраженіе мало-по-малу и переходитъ въ болѣзненную наклонность зажигательства. Наклонность эта въ особенности проявляется у женщинъ, при развитіи грудныхъ желѣзъ, во время перваго проявленія мѣсячнаго очищенія и беременности. И хотя пиромапія и вообще однопредметное помѣшательство отрицается многими учеными, но еще такъ не аргументально, что мы считаемъ слишкомъ смѣлымъ становиться на ихъ точку зрѣнія.

А эти причины заставляютъ желать лучшей участи малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ; и если въ настоящее время дѣятельность ихъ иногда направлена къ преступленіямъ, то преступниками большею ча-

стію бываютъ тѣ лица, о которыхъ общество не выражаетъ никакихъ заботъ, какъ-то: неимѣющіе ни крова, ни знаній, ни занятій — дѣти публичныхъ женщинъ, преступниковъ, незаконнорожденные, найденыши, подкидыши. Всѣ эти живыя существа, брошенныя на произволъ судьбы, безъ знаній и привычки къ труду, прибѣгаютъ для пріобрѣтенія насущныхъ средствъ въ жизни къ нищенству или преступленіямъ. А общество вмѣсто того, чтобы устранить мотивы, порождающіе такую дѣятельность, — предавало ихъ карѣ уголовнаго правосудія, какъ-то: *каторгѣ*, — гдѣ тяжолый трудъ имѣлъ гибельное вліяніе на не совсѣмъ сформировавшійся организмъ преступника, а сообщество каторжныхъ окончательно развращало молодую натуру, можетъ быть вовсе еще не развращенную, не смотря на сдѣланное уголовное преступленіе; — *ссылкѣ на поселеніе или на житье въ Сибирь*, гдѣ недостатокъ знаній къ добытію насущнаго хлѣба иногда дѣлалъ ихъ снова преступными; — *тюрьмѣ*, гдѣ они окончательно гибнутъ въ этихъ школахъ цинизма, порчи и разврата, а не исправленія. Кромѣ того, попадая на свободу послѣ тюремнаго заключенія они сталкивались снова съ холодомъ, голодомъ, нищетою и тою средою, которая быть можетъ многихъ изъ нихъ и привела къ преступленіямъ; а это, разумѣется, не могло не вліять на нихъ гибельно.

При такой системѣ конечно число рецидивовъ не только не уменьшалось; но напротивъ, должно было увеличиться. Такимъ образомъ системы нашихъ наказаній носили всѣ задатки къ порчѣ окончательно тѣхъ, изъ

которыхъ еще можно было бы сдѣлать полезныхъ дѣятелей. Эту истину сознала и наша законодательная власть, вслѣдствіе чего предполагаетъ ввести для малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ особенные исправительные пріюты и въ Москвѣ даже уже устроенъ такой пріютъ. Но какъ намъ неизвѣстно на какихъ началахъ будутъ повсемѣстно построены пріюты, то считаемъ не лишнимъ указать на тѣ основы, изъ которыхъ подобныя учрежденія могли бы сформироваться.

Такіе «пріюты» могли бы составляться: 1) если не вообще изъ несовершеннолѣтнихъ, то хотя изъ преступниковъ до 18-ти-лѣтняго возраста, долженствующихъ подвергнуться какимъ бы то ни было наказаніямъ по опредѣленію судебному; 2) изъ невозвращенныхъ родителямъ, родственникамъ и опекунамъ тѣхъ малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ, которые были оправданы судомъ вслѣдствіе признанія, что преступная дѣятельность ихъ — плодъ неразвитія или невѣденія; 3) изъ дѣтей, которыхъ родители сами отдаютъ для исправленія, и 4) изъ дѣтей — безпріютныхъ и нищихъ.

Устройство такого пріюта могло бы приближаться (хотя разумѣется только приближаться) къ существующей во Франціи земледѣльческой колоніи для малолѣтнихъ преступниковъ, называемой Меттре (Mettray) и находящейся близъ г. Тура (Tours) въ департаментѣ Эндры и Луары. Характеръ ея слѣдующій (¹): вся колонія разбита на отдѣльныя семейства, состоящія изъ

(¹) См. «Тюремное заключеніе во Франціи», П. П. Ламанскаго, «Юридическій Вѣстникъ» № 6, 1862 г.

40 дѣтей, и для каждаго изъ нихъ выстроенъ особый трехъ-этажный домъ. Пространство между домами занимаютъ сараи съ разными инструментами. Кромѣ семейныхъ домовъ, колонія заключаетъ въ себѣ: дома для директора, канцеляріи управленія, священника, школы для подмастерьевъ и очень молодыхъ дѣтей, церковь, больницу, кухню, прачешную, карцеръ, т. е. маленькую тюрьму, сельско-хозяйственныя постройки и проч. Контроль надъ каждымъ семействомъ принадлежитъ главѣ семейства (chef de famille), который имѣетъ для этой цѣли помощника и двухъ такъ называемыхъ братьевъ, назначаемыхъ изъ среды колонистовъ во выбору послѣднихъ. На отцѣ семейства лежитъ обязанность воспитанія дѣтей, наблюденіе за элементарнымъ образованіемъ ихъ наставниками, снабженіе ихъ одеждою и пищею, распознаваніе ихъ наклонностей и исправленіе ихъ недостатковъ. Онъ живетъ вмѣстѣ съ дѣтьми, присутствуетъ при занятіяхъ ихъ, наблюдаетъ за чистотою и порядкомъ семейнаго дома, подвергаетъ наказанію за незначительные проступки, посѣщаетъ больныхъ и содержащихся въ тюрьмѣ, и о всемъ этомъ отдаетъ отчотъ директору колоніи. Каждый «отецъ семейства» ведетъ отчотъ о поведеніи своей семьи. Эти отчоты разсматриваются еженедѣльно въ собраніи всѣхъ отцовъ семействъ и ими составляется списокъ наградъ и наказаній, которыя по воскреснымъ днямъ распредѣляются и обнародываются директоромъ колоніи въ общемъ собраніи всѣхъ служащихъ и колонистовъ. Установленныя въ колоніи наказанія слѣдующія: публичный выговоръ, лишеніе какихъ-нибудь развлеченій, содержаніе

на хлѣбѣ и водѣ, заключеніе въ темный или свѣтлый карцеръ, снятіе имени съ почетной доски, и наконецъ — перемѣщеніе въ центральную тюрьму. За нѣкоторые проступки виновные подлежатъ суду присяжныхъ, избираемыхъ изъ среды колонистовъ. Къ наградамъ принадлежатъ: для всей семьи — *почетное трехцвѣтное знамя колоніи* съ надписью: «Colonie Mettray, honneur à la famille», дающееся тому семейству, у котораго въ теченіи недѣли было менѣе случаевъ наказанія, чѣмъ у другихъ семействъ; — помѣщеніе на почетную доску, денежныя награды и другіе подарки. Цѣль Меттре — восполненіе воспитанія дитяти, упущенное въ свое время вслѣдствіе нищеты или нерадѣнія ихъ родителей, родственниковъ и опекуновъ, и пріуготовленіе изъ воспитанниковъ способныхъ, свѣдущихъ и дѣятельныхъ земледѣльцевъ. Но послѣдняя цѣль имѣла такое одностороннее значеніе только сначала; потомъ, вслѣдствіе сознанія, что не каждый изъ воспитанниковъ по своимъ силамъ, характеру и склонностямъ способенъ къ полевымъ занятіямъ, допущены были и ремесленныя работы и новая система приняла слѣдующій характеръ: по поступленіи въ колонію, вновь прибывшаго мальчика обращаютъ въ земледѣльцы или ремесленники, смотря по его возрасту, силамъ, личнымъ способностямъ и охотѣ. Такъ въ 1858 году дѣти занимались слѣдующими производствами:

Жестянымъ	9	челов.
Фабрикаціею бумажнаго бархата .	6	»
Земледѣліемъ	380	»
Огородничествомъ и садоводствомъ	60	»

Портняжествомъ	43	челов.
Дѣломъ канатнымъ и веревочнымъ	35	»
Башмачнымъ	28	»
Сапожнымъ	22	»
Плотничнымъ	22	»
Кузнечнымъ	6	»
Столярнымъ	10	»

Всѣмъ этимъ производствамъ обучаютъ особые техники, состоящіе при колоніи. Кромѣ того Меттре имѣетъ еще школу, которая снабжаетъ колонію подмастерьями, смотрителями, наставниками и агрономами; она вербуется изъ колонистовъ. Первоначальное образованіе, получаемое колонистами, приближается къ образованію вообще рабочихъ промышленныхъ классовъ. Оно производится по семействамъ, подъ руководствомъ наставника и состоитъ изъ чтенія, письма, счота и началъ религіи; кромѣ того земледѣльцамъ преподаютъ: земледѣліе, садоводство и животную гигіену. Въ видѣ награды нѣкоторые колонисты пользуются уроками вокальной и инструментальной музыки.

Основателя этой колоніи частныя лица — Деметцъ (Demetz) и Бретиньеръ-де-Куртель (Bretignères de Courteilles). Для нея они пожертвовали даже своими состояніями; кромѣ того, когда колонія начала формироваться, частная благотворительность вообще поддержала ее своими приношеніями, такъ что въ короткое время она обогатилась земледѣльческими орудіями, библіотекою, одеждою, утварью и другими хозяйственными принадлежностями. Въ настоящее время содержаніе колоніи не требуетъ большихъ казенныхъ издержекъ: большин-

ство ихъ восполняется изъ суммъ, жертвуемыхъ частною благотворительностью, продажею промышленныхъ и земледѣльческихъ произведеній воспитанниковъ.

Подобныя колоніи, какъ Меттре, могли бы возродиться и на нашей почвѣ, служа пріютомъ и исправительнымъ заведеніемъ для тѣхъ малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ, на которыхъ мы указали выше; разумѣется только безъ этой торжественной офиціальности, на которую такъ падокъ всякій французъ, безъ этой французской приторной сантиментальности, смѣшной и дикой для русскаго здраваго смысла и для русскаго чувства съ его жаждой правды и мѣры; безъ этихъ знаменъ, выставокъ, вѣнковъ, чувствительныхъ наградъ, безъ этихъ смѣшныхъ названій «отцовъ семействъ» и проч. При этомъ желательно бы было, чтобы колонія состояла изъ двухъ группъ: мужчинъ и женщинъ, конечно строго раздѣленныхъ между собою, и чтобы женщинъ обучали также разнымъ рукодѣліямъ и хозяйству; чтобы осужденные преступники отдѣлялись отъ другихъ группъ и разбивались бы на отдѣльныя семейства или артели, смотря по характеру и мотивамъ преступленія; чтобы обученіе наукамъ и ремесламъ было бы обширнѣе, а не такъ сжато, какъ въ Меттре; чтобы обученіе инструментальной и вокальной музыкѣ было распространено на всѣхъ, имѣющихъ къ тому способности; чтобы подлежащихъ выпуску опредѣляло бы начальство колоніи къ мѣстамъ, отыскивало бы обезпечивающія занятія или передавало бы въ переходныя заведенія, о которыхъ мы поговоримъ ниже.

Подобныя колоніи могли бы у насъ образоваться пра-

вительствомъ и частными лицами. Общественная забота о малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ заслуживаетъ не меньшаго вниманія, чѣмъ всякое другое дѣло, на которое общество наше всегда готово жертвовать и дѣйствительно много жертвуетъ, тѣмъ болѣе, что въ самой преступности отчасти виновата общественная совѣсть, не озаботившаяся устраненіемъ мотивовъ къ преступленію и охраненію невинныхъ дѣтскихъ душъ и сердецъ отъ дурныхъ примѣровъ и разврата.

ГЛАВА IV

УБѢЖИЩА ДЛЯ АРЕСТАНТОВЪ, ВЫХОДЯЩИХЪ НА СВОБОДУ

Общество, желая изолировать себя отъ вредныхъ членовъ, посадило ихъ въ тюрьму. Тамъ несвѣдущихъ развивали, обучали, пріучали къ труду и наконецъ выпустили на свободу. Вступивъ снова въ общество, у многихъ неимѣющихъ опредѣленныхъ занятій и не обезпеченныхъ матеріально быть можетъ и есть желаніе стать на честный путь труда и съ помощію его добывать средства къ жизни. Но какъ отыскать его, когда многіе изъ общества недовѣрчиво относятся къ этимъ людямъ, запятнавшимъ себя преступленіями? Правда, эти многіе не составляютъ у насъ большинства: масса простаго народа съ состраданіемъ глядитъ на арестантовъ и не прочь оказать имъ матеріальную помощь вслѣдствіе христіанскаго чувства человѣколюбія и особенно вслѣдствіе нѣкоторыхъ историческихъ причинъ,

заставляющихъ массу нашего народа не вполнѣ довѣрять формальному суду и предполагать, что не всѣ тѣ дѣйствительно преступны, которые осуждены формальнымъ судомъ, какъ объ этомъ мы уже говорили.

Но такъ какъ такой взглядъ раздѣляется не всѣми недѣлимыми нашего общества, то безвыходно положеніе тѣхъ арестантовъ, которые не имѣютъ возможности не обращаться къ противоположной группѣ, состоящей преимущественно изъ лицъ болѣе образованнаго и богатаго класса. И потому случается, что эти несчастные прибѣгаютъ съ просьбою труда въ одно мѣсто, другое, третье, — по большею частію встрѣчаютъ отказъ; въ особенности тяжело бываетъ отыскать трудъ арестанткамъ: образъ занятій многихъ изъ нихъ требуетъ жизни въ какомъ-нибудь семействѣ, въ качествѣ кухарки, горничной, нянькп и т. д., а семейные люди боятся принимать къ себѣ женщинъ этой категоріи. Между тѣмъ холодъ и голодъ напоминаютъ этой группѣ живыхъ существъ, что и они люди, имѣющіе право пользоваться удобствами жизни такъ же, какъ и другіе... И вотъ личности, впавшіе въ первый разъ въ преступленіе вслѣдствіе голода, по непривычкѣ къ труду, по непониманію того, что творятъ, по легкомыслію, сильно развивающемуся у преступника въ нашихъ смирительныхъ домахъ, арестантскихъ ротахъ, каторгахъ и пр., — начинаютъ уже вредить обществу по ожесточенію къ нему за то, что оно отвергло ихъ и лишаетъ благъ общечеловѣческихъ...

Для устраненія этого не безполезно было бы устроить убѣжища для выходящихъ изъ тюрьмъ на свободу. По-

добныя учрежденія могли бы сформироваться изъ денежныхъ пожертвованій и личнаго участія частныхъ лицъ, которымъ для этой цѣли небезполезно было бы образовать особыя *общества для попеченія объ освобожденныхъ арестантахъ*. Въ этихъ учрежденіяхъ вышедшіе изъ пріютовъ и тюрьмъ, необезпеченные матеріально и неимѣющіе опредѣленныхъ занятій, могли бы отыскать себѣ пристанище и работу, такъ какъ дѣятельность ихъ должна заключаться въ дачѣ арестантамъ пріюта и въ посредничествѣ между потребителями и предложеніемъ труда тѣхъ арестантовъ, которымъ это понадобится. При устройствѣ у насъ такихъ учрежденій дѣятельность ихъ могла бы выражаться еще группированіемъ изъ желающихъ вступающихъ лицъ на свойственныя русскому духу артели — ремесленниковъ, земледѣльцевъ, заводчиковъ и фабрикантовъ, — и образованіемъ изъ нихъ общины выселеніемъ ихъ, конечно съ ихъ собственнаго согласія, на пустопорожнія земли, удобныя къ культурѣ, въ отведеніи которыхъ вѣроятно не откажетъ правительство, ибо у насъ много имѣется свободной земли — мертваго капитала, изъ котораго нынѣ не извлекается никакой существенной пользы. А уже давно извѣстна истина, что чѣмъ болѣе обработывается земли и чѣмъ она производительнѣе, тѣмъ и богаче страна. Если Россія избѣгнула развитія пролетаріата и пауперизма, господствующихъ сильно въ западной Европѣ и составляющихъ общественную язву, то этимъ она обязана достаточному количеству находящейся въ ней земли и преобладающимъ въ ней земледѣльческимъ элементамъ, которые съ уничтоженіемъ

крѣпостнаго права вѣроятно разовьются на широкихъ началахъ. Средствами для устройства общинныхъ колоній поселенцевъ могла бы снабжать также наша частная благотворительность. Выше мы видѣли, что она ежегодно жертвуетъ на тюрьмы болѣе 500 тысячъ руб. сер. И если на устройство такихъ колоній удѣлять ежегодно хоть 100 тысячъ, то положеніе поселенцевъ можетъ дойти до цвѣтущаго состоянія; да и преступленій будетъ меньше, потому что они не всегда совершаются *изъ любви къ искусству* — отъ болѣзненно-неизлечимаго разврата, но и вслѣдствіе тѣхъ причинъ, о которыхъ мы уже упоминали выше.

Каждый судебный округъ могъ бы имѣть такую колонію.

Организація общинъ должна строиться на такихъ же началахъ, какъ и бытъ ссыльно-поселенцевъ, на формулированіе котораго мы указали выше.

Быть можетъ противъ этого возразятъ: если улучшить бытъ указанныхъ группъ, по предлагаемой системѣ, то въ такомъ случаѣ живущіе тяжолымъ трудомъ и бывшіе далекими отъ преступленій будутъ нарочно ихъ совершать, такъ какъ экономическій бытъ лицъ, совершившихъ преступленіе, будетъ лучше, чѣмъ ихъ собственный: — многимъ часто грозитъ опасность умереть съ голоду, вслѣдствіе промышленной и торговой эксплуатаціи ихъ труда; а совершившій преступленіе болѣе гарантированъ отъ бѣды, чѣмъ они. Но что же мѣшаетъ непреступнымъ рабочимъ классамъ составлять такія же общины? Наконецъ, если вступленіе въ проэктируемыя общины сдѣлать доступнымъ для всѣхъ же-

лающихъ, то тогда развѣ сумасшедшій рѣшится на преступленіе единственно для того, чтобы попасть въ эту общину, потому что предварительно придется ему посидѣть въ тюрьмѣ, а свобода для каждаго дорога, что̀ доказываетъ слѣдующій фактъ: многіе изъ чиновниковъ, служащихъ въ западно-европейскихъ тюрьмахъ, разсказываютъ, что большая часть уволенныхъ преступниковъ, уходя изъ тюрьмъ, хотя и благодарятъ ихъ за хорошее обращеніе съ ними и за доставленіе имъ средствъ къ дальнѣйшему ихъ честному пропитанію, но что всѣ откровенно сознаются, что они ни за какія жизненныя удобства не хотѣли бы вернуться въ эти заведенія. И неудивительно — свобода величайшее благо для человѣка и жертвовать ею не такъ легко, какъ многіе полагаютъ!..

Въ заключеніе замѣтимъ: желательно, чтобы было обращено вниманіе на слѣдующее: въ настоящее время у насъ тысячи лицъ томятся въ стѣнахъ тюремныхъ, выжидая рѣшенія. Изъ нихъ большая часть преступленій принадлежитъ къ категоріи такихъ, за которыя одни должны быть оправданы, другіе — оставлены въ подозрѣніи, а третьи — подвергнуться кратковременному лишенію свободы и т. д. Между тѣмъ многіе изъ нихъ сидятъ уже нѣсколько лѣтъ. Поэтому слѣдовало бы назначить особыя коммиссіи для разсмотрѣнія и окончанія всѣхъ этихъ дѣлъ, за тѣмъ всѣхъ выпускаемыхъ, неимѣющихъ постоянныхъ занятій и необезпеченныхъ матеріально, допускать, по ихъ желанію, въ указанныя заведенія, а оттуда въ общинныя колоніи. Эта мѣра, очистивъ тюрьмы, нынѣ переполненныя арестан-

тами, избавитъ общество отъ излишнихъ расходовъ на содержаніе ихъ и сверхъ того дастъ ему рабочія руки.

Изложенныя учрежденія по нашему мнѣнію будутъ благотвореѣе, чѣмъ такъ-называемыя переходныя тюрьмы, напримѣръ въ Ирландіи. Тамъ онѣ (1) составляютъ послѣднюю ступень наказанія, которой предшествуютъ другія системы наказаній. Назначеніе ея — постепенное подготовленіе вступающихъ арестантовъ къ свободному сообщенію съ обществомъ. Одна такая тюрьма Смитфильдская, въ Дёблинѣ, предназначена для лицъ слабыхъ и старыхъ, а другія въ Люскъ-Коммонъ — для здоровыхъ и молодыхъ. Каждая изъ этихъ тюрьмъ невелика и состоитъ изъ складнаго желѣзнаго строенія переносимаго съ мѣста на мѣсто. Съ преступниками обращаются въ нихъ вѣжливо, какъ съ вольнонаемными рабочими. Дисциплинарныхъ наказаній нѣтъ никакихъ, кромѣ обратнаго возвращенія въ каторжныя работы. Преступникъ здѣсь полусвободенъ: ему позволяютъ самому ходить въ церковь и посылаютъ его въ городъ съ письмами и за покупками. Такимъ образомъ послѣдняя ступень наказанія отбывается арестантомъ въ виду общества, которое само можетъ судить о его исправимости. Работа арестантовъ въ переходныхъ заведеніяхъ опредѣляется преимущественно съ точки внѣшней, т. е. удобнымъ распредѣленіемъ рабочихъ силъ. Отъ арестантовъ требуютъ какъ сельской и промышленной, такъ и чисто-механической ручной работы. Задѣльная плата за-

---

(1) См. «Ирландская тюремная система», Ф. Гольцендорфа, перев подъ редакціею Ламанскаго 1864 г.

виситъ отъ личнаго поведенія арестанта и отъ количества и качества самой работы. Средній заработокъ арестанта простирается до одного шиллинга въ недѣлю. Половина этихъ денегъ дается ему тотчасъ въ безусловное распоряженіе, а остальная при его освобожденіи. Ученіе въ переходныхъ тюрьмахъ имѣетъ значеніе чисто-практическое и состоитъ изъ чтенія, письма, ариѳметики, географіи и элементарныхъ началъ политической экономіи.

Часть послѣдняго срока наказанія арестанты отбываютъ въ самой переходной тюрьмѣ, а остальную проводятъ въ обществѣ — на свободѣ, на которую даетъ право отпускной билетъ (ticket of leave), соединенный съ полицейскимъ надзоромъ. Такимъ образомъ, находясь на свободѣ, они въ то же время должны ежемѣсячно являтся въ полицію и доносить ей о всякомъ своемъ переселеніи съ мѣста на мѣсто, въ противномъ же случаѣ подвергаются возврату въ переходныя тюрьмы и даже въ каторжныя работы.

Выше мы замѣтили, что ирландскія переходныя тюрьмы составляютъ послѣднюю ступень наказанія. Здѣсь же остается упомянуть, что это учрежденіе предназначается лишь для взрослыхъ мущинъ, малолѣтніе же преступники и женщины туда не вступаютъ, для нихъ существуютъ особыя учрежденія, а именно: для первыхъ земледѣльческая школа въ Люскъ-Коммонъ и отдѣленіе въ тюрьмѣ моунтджоской, о которой скажемъ ниже, и для вторыхъ — дома убѣжища, куда онѣ вступаютъ изъ женской тюрьмы съ слѣдующимъ характеромъ: арестантки сначала подвергаются въ ней ке-

лейному заключенію, а потомъ работамъ въ общихъ мастерскихъ.

Ирландскимъ переходнымъ тюрьмамъ предшествуютъ одиночное заключеніе въ тюрьмѣ моунтджоской близъ Дёблина и каторжныя работы, отбываемыя въ гавани Корской на островѣ Спэйкъ.

Одиночное заключеніе въ Моунтджоѣ представляетъ уклоненіе отъ пенсильванской системы въ томъ отношеніи, что въ ней нѣтъ чрезмѣрной и излишней строгости уединенія, встрѣчаемаго въ другихъ западно-европейскихъ тюрьмахъ. Здѣсь нѣтъ ни особыхъ двориковъ для прогулокъ, ни педантически-усерднаго попеченія о разобщеніи арестантовъ во время отправленія богослуженія и проч., заставляющихъ думать, какъ остроумно замѣчаетъ Гольцендорфъ, «что усердіе къ уединенію, доведенное до крайности, возведетъ быть можетъ деревянныя перегородки и между могилами преступниковъ, чтобы продолжать одиночную систему свою и въ вѣчности!..»

Не смотря на нѣкоторыя хорошія стороны ирландской тюрьмы, не признать ея жестокость довольно трудно, а именно: арестантамъ сидящимъ въ ней келейно предоставляется въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ заниматься лишь самыми скучными механическими работами, какъ-то: щипаніемъ канатовъ и т. д., при соблюденіи еще строгой діеты. Вслѣдствіе чего въ этотъ періодъ арестанту даже не даютъ мясной пищи, — точно исправимость зависитъ отъ голода!

Касаться другихъ сторонъ системы ирландскихъ наказаній мы считаемъ излишнимъ, потому что если-бы

даже они представляли идеалъ совершенства, то и тогда онъ поблекъ-бы отъ изложенныхъ нами немыслимыхъ мѣръ, такъ какъ посредствомъ угнетенія, говоря словами одного криминалиста, нельзя подготовлять къ свободѣ ни отдѣльнаго человѣка, ни цѣлые народы.

Въ заключеніе скажемъ, что мы не безъ цѣли коснулись ирландской системы наказаній. Систему эту нѣкоторые туго-соображающіе юристы возводятъ въ идеалъ уголовнаго правосудія и предлагаютъ всѣмъ государствамъ стремиться къ нему. Поэтому мы и считали нелишнимъ представить очеркъ хотя нѣкоторыхъ ея сторонъ, чтобы читатель съ правильными воззрѣніями на уголовную вмѣняемость могъ-бы и самъ рѣшить: слѣдуетъ-ли эти системы узаконить или нѣтъ?..

ГЛАВА V

ЕЩЕ ВИДЫ НАКАЗАНІЙ

Къ видамъ наказаній еще неразсмотрѣннымъ нами принадлежатъ: заключеніе въ крѣпость, ссылка на житье, денежныя взысканія, конфискація и церковныя наказанія, вмѣняемыя отдѣльно или въ совокупности съ другими наказаніями.

а) Крѣпость и ссылка на житье.

Заключеніе въ крѣпость составляетъ наказаніе новѣйшаго времени. Сначала оно вмѣнялось только административнымъ путемъ: въ уложеніи же 1845 г. оно получило мѣсто въ общей системѣ наказаній, назна-

чаемыхъ по опредѣленію суда. По указу 17 апрѣля 1863 г. срокъ заключенія въ крѣпость значительно сокращенъ, а именно: онъ продолжается, *съ потерею нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ*, отъ 1 года до 2⅔ лѣтъ и отъ 2 до 4 лѣтъ; и *безъ этой потери:* отъ 3 недѣль до 4 мѣсяцевъ и отъ 3 до 8 мѣсяцовъ.

Заключенію въ крѣпость подвергаются по уложенію о наказаніяхъ за слѣдующія преступленія: за вызовъ начальника по службѣ на поединокъ (441 ст.); за поединокъ вообще (2048—2060); за составленіе сочиненій и изображеній оскорбительныхъ для правительства, или воззваній къ бунту, или къ неповиновенію верховной власти (279—285); тайная переписка съ подданными непріязненныхъ Россіи державъ (292); оскорбленіе посланника иностранной державы (234); участіе въ тайныхъ обществахъ и недонесеніе правительству объ ихъ существованіи (361—362); препятствованіе чиновникомъ дѣйствію другого должностнаго лица (386); совращеніе православныхъ въ иное христіанское вѣроисповѣданіе или расколъ, посредствомъ проповѣдей и сочиненій, или препятствованіе неправославному обратиться въ православіе (207—209). — Кромѣ того въ крѣпости содержатся подслѣдственные арестанты по политическимъ преступленіямъ.

Содержаніе въ крѣпости (вмѣняемое какъ наказаніе) хотя и одиночное, но свиданіе съ родными дозволяется. Обязательныхъ работъ нѣтъ для заключенныхъ. Главная цѣль этого наказанія — государственная самозащита. Но какъ цѣль эта вполнѣ достигается лишеніемъ преступника свободы дѣйствій, то и заклю-

ченіе могло бы быть *общимъ* для однохарактерныхъ видовъ преступленій, а не *одиночнымъ*, такъ какъ послѣднее наноситъ органическій вредъ здоровью заключенныхъ, о чомъ уже мы неоднократно говорили; въ особенности оно дурно вліяетъ на политическихъ и противурелигіозныхъ преступниковъ, которые, не развлекаясь ничѣмъ постороннимъ и не подвергаясь никакимъ новымъ впечатлѣніямъ, сосредоточиваются на своихъ idées fixes, и при постоянной работѣ мозга надъ однимъ и тѣмъ-же предметомъ легко могутъ подвергаться умопомѣшательству.

Въ началѣ этой статьи мы сказали о ссылкѣ на житье, что она съ спутниками своими (*лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ*) составляетъ наказаніе болѣе уголовное, чѣмъ исправительное. Здѣсь же замѣтимъ, что если этому наказанію и дать мѣсто въ нашемъ законодательствѣ, то безъ его спутниковъ и лишь въ отношеніи преступленій политическихъ и религіозныхъ, если они не соединены съ общими преступленіями соціальными, какъ то: убійствомъ и пр. Для этой группы людей ссылка на житье могла бы вполнѣ замѣнить содержаніе въ крѣпости. Этою мѣрою государство избавится отъ излишнихъ расходовъ, употребляемыхъ на праздное содержаніе людей, могущихъ быть полезными какъ для себя такъ и для той среды, въ которую они могли бы вступить, потому что говоря объ людяхъ этой группы въ различныхъ государствахъ вообще, нельзя не признать многихъ изъ нихъ людьми способными и впадающими въ дѣятельность, идущую въ разрѣзъ съ доктринами какого нибудь даннаго государ-

ства, не всегда изъ-за личныхъ эгоистичныхъ цѣлей, а вслѣдствіе различныхъ идей, вызванныхъ даже горячею любовью къ человѣчеству. Правда, любовь эта выливалась иногда въ такихъ утопическихъ и вредныхъ формахъ, что осуществленіе ихъ могло бы оказать обществу такую же услугу, какъ Крыловскій *медвѣдь — пустынику*. Но исторія развитія человѣчества обнаруживаетъ и противуположное: были случаи, когда тѣ требованія, которыя въ моментъ заявленія казались несправедливыми, вредными, преступными и пагубными, впослѣдствіи времени, при другихъ обстоятельствахъ, признавались не совершенно безполезными...

По мнѣнію нѣкоторыхъ юристовъ ссылка въ отношеніи политическихъ и религіозныхъ преступниковъ не примѣнима, такъ какъ она можетъ дать ссыльнымъ возможность пропагандировать и составлять религіозныя и политическія общества. Но это мнѣніе не подтверждается практикою, особенно въ Россіи. Извѣстно, что въ ссылкѣ находится у насъ порядочное количество вышеуказанныхъ преступниковъ; между тѣмъ не обнаруживалось еще ни предполагаемыхъ обществъ, ни пропагандъ. Наконецъ если бы послѣднія даже и существовали, то онѣ вовсе не такъ вредны какъ полагаютъ, и въ особенности у насъ. Доказательствомъ этому служитъ слѣдующій фактъ: послѣднія пропаганды польскихъ ажитаторовъ въ нашей Украйнѣ не только не встрѣтили въ ней сочувствія, но получили сильный отпоръ... Поэтому, становясь на общечеловѣческую точку выводовъ, можно принять за правило: что если какія нибудь политическія или религіозныя стремленія не составляютъ органически-выработ-

такаго общественнымъ мнѣніемъ продукта, то всѣ пропаганды, какъ чуждыя общественному мнѣнію, останутся «гласомъ вопіющаго въ пустынѣ». Если же большинство общества заражено такими стремленіями, то будетъ ли у него нѣсколькими адептами больше или меньше — сущность дѣла не измѣнится...

Замѣтимъ наконецъ, что часто самъ ссыльный, сталкиваясь въ ссылкѣ съ дѣйствительностію и получая отвсюду отпоръ своимъ мнѣніямъ, отрезвляется, излечивается и, усматривая свое заблужденіе, наконецъ покидаетъ его, а слѣдовательно не только не вредитъ другимъ, но и самъ излечивается.

б) Денежныя взысканія и конфискаціи.

Ставъ на историческую почву, мы увидимъ, что денежныя взысканія и конфискаціи получили начало еще въ древнія времена. Такъ одинъ изъ ихъ видовъ называемый *разграбленіемъ*, имѣлъ цѣлью не только отнять у преступника все его имущество на удовлетвореніе убытковъ имъ причиненныхъ, но даже уничтоженіе его жилища. Въ какой формѣ оно совершалось — выясняетъ слѣдующій разсказъ: «Новгородцы же, пришьдше Новугороду, створише вѣче на посадника Дмитра и на братью его: яко ти повелѣша на Новгородцахъ сребро имати; а по волости куны брати, по купцемъ виру дикую и по возы возити и все зло. Идоша на дворы ихъ грабежьмъ, а Мирошкинъ дворъ и Дмитровъ зажьгоша, а житіе ихъ поимаша, а села ихъ распродаша и челядь, а скровища ихъ изъискаша и поймаша безъ числа, а избытокъ раздѣляша по зубу по 3 гривнѣ

по всему городу и на щитъ; аще кто потаи похватилъ, а того единъ Богъ вѣдаетъ и отъ того многи разбогатѣша; а что на дѣцькахъ, а то князю остариша (¹).»
По изложенной формѣ, разграбленію подвергался преступникъ только въ вольныхъ общинахъ; въ другихъ же мѣстахъ, гдѣ верховная власть имѣла болѣе вліянія на юрисдикцію, тамъ преступникъ выдавался ему на потокъ. Вслѣдствіе чего все имущество преступника за уплатой пагубы, т. е. убытковъ понесенныхъ частными лицами отъ преступленія, поступало въ пользу князя, а не дѣлилось между членами общины, какъ это видно изъ договора смоленскаго князя Мстислава Давыдовича 1228 г. съ Ригой.

Смотря на денежныя взысканія съ теоретической точки, нельзя не признать ихъ мѣрой весьма раціональной, потому что ущербъ и убытки, нанесенные преступленіемъ, должны-же быть вознаградимы. Но только денежныя взысканія не должны переступать мѣру потерь.

Относительно же конфискаціи движимыхъ и недвижимыхъ имуществъ, принадлежащихъ преступнику, скажемъ слѣдующее: конфискаціи могутъ только подвергаться: 1) предметы, запрещенные закономъ и служащіе орудіемъ преступленія, и 2) имущество, скопленное преступленіями; въ другихъ же случаяхъ конфискацію трудно оправдать. И если даже допустить правило нашего законодательства, что подвергнувшійся уголовному наказанію теряетъ безвозвратно право на свое имущество, то и здѣсь конфискація неосновательна, потому

(¹) Первая новгород. лѣт. подъ 1209 г.

что отъ взятаго въ фискъ имущества виновнаго страдаютъ лица невинныя — его наслѣдники, а не онъ, такъ какъ и безъ этой мѣры онъ по закону не можетъ имъ пользоваться.

Такое ошибочное начало могло имѣть мѣсто лишь въ то время, когда личность не была индивидуализирована, когда наказанію подвергались вмѣстѣ съ виновнымъ жена и дѣти его, какъ неимѣющія по тогдашнимъ воззрѣніямъ личныхъ правъ. Вслѣдствіе чего, раздѣляя судьбу своего семьевладыки, они вмѣстѣ съ нимъ отправлялись въ ссылку или отдавались въ кабалу князя и другимъ лицамъ, при исуплатѣ имъ денежной пени. Эти начала поддерживались характеромъ древняго семейственнаго права почти до XVIII столѣтія; но потомъ гражданское развитіе и наука, выработавъ понятіе о индивидуальности личности, разрушили гнетъ семьи и рода, въ которомъ прежде она терялась. Поэтому-то выработанное правило о томъ, что наказаніе должно быть для преступника личнымъ, могло быть усвоено и нашимъ законодательствомъ. Вотъ дурныя стороны конфискаціи. И если законодательство ее удержитъ и будетъ вмѣнять, то это иногда можетъ принести болѣе вреда, чѣмъ пользы, потому что въ моменты смутъ она дастъ поводъ распространить пропаганды о томъ, что проскрипціи являются не вслѣдствіе дѣйствительно совершонныхъ преступленій, а оттого, что правительство, желая воспользоваться имуществомъ богатыхъ людей, возводитъ на нихъ ложныя обвиненія, и такимъ образомъ, создавъ мнимую преступность, подвергаетъ невинныхъ людей уголовному

наказанію съ послѣдствіями, то есть съ конфискаціею ихъ имуществъ.

в) Церковныя наказанія.

Церковныя наказанія сохранились только въ Россіи; въ другихъ-же государствахъ континента они уже давно утратили жизненную силу. И неудивительно: они могли имѣть значеніе только въ тѣ моменты государственной жизни народовъ, когда отношенія между государствомъ и церковью не были еще выяснены, когда уголовными кодексами были священныя книги; когда двѣ власти, свѣтская и церковная, находились въ совершенномъ сліяніи и когда церковь за грѣхи карала уголовными мѣрами...

Церковныя наказанія получили въ Россіи начало еще въ тотъ періодъ, когда церковь, раздѣляя съ свѣтскою властью юрисдикцію большей части уголовныхъ дѣлъ, налагала на преступниковъ церковныя и свѣтскія наказанія, «*да не умножится сквернос дѣяніе въ людяхъ*, — да умѣрится этимъ оскорбленное божество — высшая правда.» Ея воззрѣніе заключалось въ томъ, что преступленіе — грѣховное, злое дѣло, беззаконос, преступленіе страха и закона Божія, богомерзкое дѣло, а самые преступники — забыватели страха Божія (1).

Церковныя наказанія разбросаны по всему нашему кодексу. Они вмѣняются за множество преступленій противъ церкви, религіи и нравственности. Цѣль ихъ — предо-

(1) А. Э. т. IV, № 159.

стереженіе преступника на будущее время и вмѣстѣ съ этимъ средство для его исправленія. Формы выраженія церковныхъ наказаній заключаются въ лишеніи преступника погребенія и въ различныхъ *духовныхъ покаяніяхъ*.

ГЛАВА VI

УСТАВЪ О НАКАЗАНІЯХЪ, НАЛАГАЕМЫХЪ МИРОВЫМИ СУДЬЯМИ

Сдѣлавъ бѣглый обзоръ системамъ исправительныхъ наказаній и не указавъ maximum и minimum сроковъ лишенія свободы и денежныхъ взысканій, мы считаемъ не лишнимъ восполнить пробѣлъ этотъ изложеніемъ «Устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями», въ которомъ и находятся свѣдѣнія по данному предмету.

I

ПОЛОЖЕНІЯ ОБЩІЯ

1. За проступки, означенные въ уставѣ, мировые судьи опредѣляютъ, на основаніи изложенныхъ ниже правилъ, слѣдующія наказанія:

1) выговоры, замѣчанія и внушенія;

2) денежныя взысканія не свыше *трехсотъ рублей*;

3) арестъ не свыше *трехъ мѣсяцевъ*, и

4) заключеніе въ тюрьмѣ не свыше *одного года*.

Примѣчаніе. Впредь до пересмотра уставовъ казенныхъ управленій, а также о повинностяхъ и о торговлѣ, мировые судьи, при опредѣленіи взысканій за нарушенія сихъ

уставовъ, руководствуются уложеніемъ о наказаніяхъ, не выходя изъ указанныхъ въ сей статьѣ предѣловъ предоставленной имъ власти.

2. Къ наказаніямъ, опредѣляемымъ по сему уставу, присоединяется въ нѣкоторыхъ, именно означенныхъ, случаяхъ, отобраніе орудій, употребленныхъ для совершенія проступка, или иныхъ принадлежащихъ виновному вещей.

3. Присужденные къ заключенію въ тюрьмѣ употребляются на работы, установленныя для робочихъ домовъ (уст. сод. подъ страж., ст. 282—291 и 941—945).

4. Присужденные къ аресту занимаются работами лишь по собственному желанію. Они содержатся отдѣльно отъ прочихъ заключенныхъ.

5. Священнослужители и монашествующіе, осужденные къ аресту или къ заключенію въ тюрьмѣ, отсылаются не въ мѣста заключенія, а къ епархіальному ихъ начальству, для исполненія приговора по его распоряженію.

6. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ будутъ учреждены исправительные пріюты, несовершеннолѣтніе отъ десяти до семнадцати лѣтъ могутъ, въ замѣнъ заключенія въ тюрьмѣ, быть обращаемы въ эти пріюты на срокъ, опредѣляемый мировымъ судьею, но съ тѣмъ, чтобы не оставлять ихъ тамъ по достиженіи восемнадцати-лѣтняго возраста.

7. Присужденные къ денежнымъ взысканіямъ, въ случаѣ несостоятельности къ уплатѣ оныхъ, подлежатъ:

1) вмѣсто денежнаго взысканія не свыше пятнадцати рублей — аресту не свыше трехъ дней;

2) вмѣсто денежнаго взысканія свыше пятнадцати и до трехсотъ рублей — аресту не свыше трехъ мѣсяцевъ.

8. Несостоятельные къ уплатѣ денежныхъ взысканій крестьяне и мѣщане могутъ быть отдаваемы въ общественныя работы, или же заработки на основаніи правилъ, изложенныхъ въ статьѣ 188-й общаго положенія 19-го февраля 1861-го года (Т. IX, Прод. 1863 г.) и въ статьѣ 651-й устава о податяхъ. Несостоятельныя лица другихъ сословій отдаются въ общественныя работы или въ заработки лишь въ случаѣ собственной ихъ о томъ просьбы.

9. За проступки, совершенные безъ намѣренія, мировымъ судьямъ предоставляется дѣлать виновнымъ, смотря по обстоятельствамъ, выговоръ, замѣчаніе или внушеніе. Болѣе строгія наказанія опредѣляются за ненамѣренные проступки только въ слѣдующихъ случаяхъ:

1) когда симъ уставомъ назначено наказаніе именно за неосторожность, и

2) когда проступокъ состоитъ въ неисполненіи, по небрежности, какой-либо особенной обязанности, возложенной закономъ.

10. Проступки не вмѣняются вовсе въ вину, когда они совершены:

1) случайно, не только безъ намѣренія, но и безъ всякой неосторожности или небрежности;

2) въ малолѣтствѣ до десяти лѣтъ;

3) въ безуміи, сумашествіи и припадкахъ болѣзни, приводящихъ въ умопомѣшательство или въ совершенное безпамятство;

4) по принужденію отъ непреодолимой силы, и

5) по необходимой оборонѣ.

11. Несовершеннолѣтнимъ отъ десяти до семнадцати лѣтъ наказанія назначаются въ половинномъ размѣрѣ. Недостигшихъ четырнадцати лѣтъ мировой судья можетъ, не подвергая наказанію, отсылать къ родителямъ, опекунамъ, или родственникамъ, для домашняго исправленія.

12. При опредѣленіи мѣры наказаній за проступки, мировой судья назначаетъ оную по сопровождавшимъ преступное дѣйствіе обстоятельствамъ, уменьшающимъ или увеличивающимъ вину. При семъ соблюдаются слѣдующія правила:

1) при осужденіи виновнаго къ заключенію въ тюрьмѣ, наказаніе это назначается въ предѣлахъ высшей и низшей мѣры, опредѣляемой подлежащими статьями сего устава;

2) при назначеніи ареста, когда высшій предѣлъ этого наказанія положенъ въ размѣрѣ болѣе трехъ дней, оно не можетъ быть опредѣлено въ размѣрѣ трехъ или менѣе дней, и

3) при наложеніи денежнаго взысканія, опредѣленнаго закономъ только въ одномъ высшемъ размѣрѣ, оно можетъ быть смягчаемо по усмотрѣнію судьи.

13. Обстоятельствами, уменьшающими вину подсудимаго, преимущественно признаются:

1) слабоуміе и крайнее невѣжество,

2) сильное раздраженіе, происшедшее не отъ вины самого подсудимаго;

3) крайность и неимѣніе никакихъ средствъ къ пропитанію и работѣ;

4) прежнее безукоризненное поведеніе;

5) добровольное, до постановленія приговора, вознагражденіе понесшаго вредъ или убытокъ, и

6) признаніе и чистосердечное раскаяніе.

14. Обстоятельствами, увеличивающими вину подсудимаго, преимущественно признаются:

1) обдуманность въ дѣйствіяхъ виновнаго;

2) извѣстная степень его образованности и болѣе или менѣе высокое положеніе его въ обществѣ;

3) повтореніе того же, или совершеніе однороднаго проступка до истеченія года послѣ присужденія къ наказанію, и

4) упорное запирательство и въ особенности возбужденіе подозрѣнія противъ невиннаго.

15. При участіи двухъ или болѣе лицъ въ совершеніи проступка, тѣ изъ виновныхъ, которые сами его совершили, или подговорили къ тому другихъ, наказываются строже нежели ихъ соучастники.

16. Въ случаѣ совокупности проступковъ, виновный подвергается тому изъ наказаній, опредѣленныхъ за учиненные проступки, которое мировой судья признаетъ болѣе строгимъ для виновнаго. Тюремное заключеніе признается всегда наказаніемъ болѣе строгимъ, чѣмъ арестъ или денежное взысканіе. Совокупность проступковъ считается во всякомъ случаѣ обстоятельствомъ, увеличивающимъ вину.

17. Покушеніе на проступокъ, остановленное по собственной волѣ подсудимаго, не подлежитъ наказанію.

18. Проступки противъ чести и правъ частныхъ лицъ, означенные въ статьяхъ 84, 103, 130—143 и 145—153-й, подлежатъ наказанію не иначе, какъ по жалобѣ потерпѣвшихъ обиду, вредъ или убытокъ, или же ихъ супруговъ, родителей или опекуновъ и вообще тѣхъ, которые должны имѣть попеченіе о нихъ.

19. Кража, мошенничество и присвоеніе чужаго имущества между супругами, а также между родителями и дѣтьми, подлежатъ наказанію не иначе, какъ по жалобѣ потерпѣвшаго убытокъ лица.

20. Проступки, означенные въ статьяхъ 18 и 19-й, не влекутъ за собой наказанія, въ случаѣ примиренія обиженнаго или потерпѣвшаго убытокъ съ виновнымъ въ проступкѣ лицомъ.

21. Виновные освобождаются отъ наказанія, когда кража, мошенничество и присвоеніе чужаго имущества въ теченіе двухъ лѣтъ, лѣсоистребленіе въ теченіе года, а прочіе проступки въ теченіе шести мѣсяцевъ, со времени ихъ совершенія, не сдѣлались извѣстными мировому судьѣ или полиціи или когда въ теченіе тѣхъ же сроковъ не было никакого по нимъ производства.

22. Опредѣленное приговоромъ наказаніе отмѣняется:

1) за смертью осужденнаго, и

2) вслѣдствіе примиренія съ обиженнымъ въ указанныхъ закономъ случаяхъ (ст. 20).

23. Содержащіеся, въ замѣнъ денежныхъ взысканій, подъ арестомъ, а ровно отданные въ общественныя работы или въ заработки, освобождаются, когда внесутъ часть слѣдующаго съ нихъ денежнаго взысканія, соразмѣрную остающемуся сроку заключенія или работъ.

24. За причиненные преступкомъ вредъ или убытки, виновные обязаны вознаградить на основаніи законовъ гражданскихъ (т. X, ч. 1).

25. Въ случаѣ несостоятельности присужденнаго къ уплатѣ вознагражденія и къ денежному взысканію, изъ имущества его сначала покрывается вознагражденіе за вредъ или убытокъ и исполняются всѣ безспорныя на виновнаго требованія, а денежное взысканіе обращается лишь на остальное за тѣмъ имущество его.

26. Когда проступокъ состоитъ въ неисполненіи закона или предписаній, дѣйствующихъ въ силу закона властей, то виновные, независимо отъ взысканій, приговариваются къ исполненію, по мѣрѣ возможности, того, что ими упущено.

27. Денежныя взысканія и деньги, вырученныя отъ продажи отобранныхъ вещей, поступаютъ, за исключеніемъ лишь случаевъ, въ семъ уставѣ именно означенныхъ, въ земскій по каждой губерніи капиталъ на устройство мѣстъ заключенія для подвергаемыхъ аресту по приговорамъ мировыхъ судей.

28. Въ случаѣ совершенія проступковъ, означенныхъ въ статьяхъ 32—37, 46, 62, 87, 111, 122, 128, 129, 135, 139—142, 144 и 167-й, съ указанною въ нихъ особенно преступною цѣлью или при особо увеличивающихъ вину обстоятельствахъ, предусмотрѣнныхъ уложеніемъ о наказаніяхъ, наказаніе виновныхъ опредѣляется по приговорамъ общихъ судебныхъ мѣстъ.

II

О ПРОСТУПКАХЪ ПРОТИВЪ ПОРЯДКА УПРАВЛЕНІЯ

29. За неисполненіе законныхъ распоряженій, требованій, или постановленій правительственныхъ и полицейскихъ властей, а равно земскихъ и общественныхъ учрежденій, когда симъ уставомъ не опредѣлено за то иного наказанія, виновные подвергаются:

денежному взысканію не свыше пятнадцати рублей.

30. За ослушаніе полицейскимъ или другимъ стражамъ, а также волостнымъ и сельскимъ начальникамъ, при отправленіи ими должности, когда требованія сихъ лицъ были законныя, виновные подвергаются:

денежному взысканію не свыше пятнадцати рублей.

Когда ослушаніе оказано жандармамъ или другимъ полицейскимъ служителямъ, наряженнымъ для соблюденія порядка при многочисленномъ стеченіи народа, то виновные подвергаются:

аресту не свыше семи дней, или денежному взысканію не свыше двадцати пяти рублей.

31. За оскорбленіе полицейскихъ или другихъ стражей, служителей судебныхъ и правительственныхъ мѣстъ, а равно полевыхъ и лѣсныхъ сторожей, во время отправленія ими должности, виновные подвергаются:

1) въ случаѣ словесной обиды, аресту не свыше одного мѣсяца, или денежному взысканію не свыше ста рублей, и

2) въ случаѣ обиды дѣйствіемъ, аресту не свыше трехъ мѣсяцевъ.

Тѣмъ же взысканіямъ подвергаются виновные въ оскорбленіи должностныхъ лицъ волостнаго и сельскаго управленій, во время отправленія ими служебныхъ обязанностей, за исключеніемъ однако волостныхъ старшинъ и лицъ, занимающихъ соотвѣтственныя должности, за оскорбленіе которыхъ наказаніе опредѣляется виновнымъ общими судебными мѣстами, по уложенію о наказаніяхъ.

32. За истребленіе или порчу поставленныхъ по распоряженію правительства предостерегательныхъ и межевыхъ знаковъ, или другихъ служащихъ для означенія границъ, когда при томъ не было корыстной или иной преступной цѣли (ст. 28), виновные подвергаются:

аресту не свыше трехъ мѣсяцевъ, или денежному взысканію не свыше трехсотъ рублей.

33. За порчу и истребленіе выставленныхъ, по распоряженію законныхъ властей, гербовъ, надписей или объявленій, а равно за искаженіе публичныхъ памятниковъ, виновные, если они не имѣли намѣренія оказать неуваженія властямъ (ст. 28), подвергаются:

аресту не свыше одного мѣсяца, или денежному взысканію не свыше ста рублей.

34. За объявленіе чего-либо во всеобщее извѣстіе, безъ надлежащаго разрѣшенія, когда таковое требуется закономъ, виновные, не имѣвшіе при томъ другой противозаконной цѣли (ст. 28), подвергаются:

аресту не свыше одного мѣсяца, или денежному взысканію не свыше ста рублей.

III.

О ПРОСТУПКАХЪ ПРОТИВЪ БЛАГОЧИНІЯ

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ

О нарушеніи благочинія во время священнослуженія

35. За нарушеніе благоговѣнія въ церкви, часовнѣ, или иномъ молитвенномъ домѣ, непристойнымъ крикомъ и шумомъ, или неблаговидными поступками, однако безъ оскорбленія святыни (ст. 28), виновные подвергаются:

аресту не свыше одного мѣсяца, или денежному взысканію не свыше ста рублей.

36. За нарушеніе, внѣ молитвенныхъ зданій, благочинія во время священнослуженія общенародными забавами и увеселеніями, или какими либо безчинствами, препятствующими божественной службѣ, виновные, когда ими не совершено при томъ оскорбленія святыни (ст. 28), подвергаются:

аресту не свыше пятнадцати дней, или денежному взысканію не свыше пятидесяти рублей.

Тому же взысканію подвергаются виновные въ нарушеніи порядка при торжественныхъ шествіяхъ или празднествахъ.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ

О нарушеніи порядка и спокойствія

37. За распространеніе ложныхъ слуховъ, хотя не имѣющихъ политической цѣли (ст. 28), но возбуждаю-

щихъ безпокойство въ умахъ, а равно за напрасное причиненіе общей тревоги ударомъ въ набатъ, или инымъ образомъ, виновные подвергаются:

аресту не свыше пятнадцати дней, или денежному взысканію не свыше пятидесяти рублей.

38. За ссоры, драки, кулачный бой, или другаго рода буйство въ публичныхъ мѣстахъ, и вообще за нарушеніе общественной тишины, виновные подвергаются:

аресту не свыше семи дней, или денежному взысканію не свыше двадцати пяти рублей.

Если же въ этихъ нарушеніяхъ будетъ участвовать цѣлая толпа людей, которая не разойдется по требованію полиціи, то упорствующіе подвергаются:

аресту не свыше одного мѣсяца, или денежному взысканію не свыше ста рублей;

а если необходимо будетъ прекратить безпорядокъ силою, хотя и безъ употребленія оружія, то они подвергаются:

аресту не свыше трехъ мѣсяцевъ, или денежному взысканію не свыше трехсотъ рублей.

39. За нарушеніе порядка въ публичныхъ собраніяхъ, или во время общенародныхъ увеселеній, театральныхъ представленій и т. п., виновные подвергаются:

аресту не свыше семи дней, или денежному взысканію не свыше двадцати пяти рублей.

40. За открытіе, безъ надлежащаго разрѣшенія, когда таковое требуется закономъ, общенародныхъ игръ, забавъ, или театральныхъ представленій, виновные подвергаются:

денежному взысканію не свыше двадцати пяти рублей.

41. За открытіе трактировъ, харчевень, питейныхъ и другихъ сего рода заведеній въ недозволенное время, а равно за допущеніе въ нихъ недозволенныхъ увеселеній, или игръ, или же безчинствъ и безпорядковъ, виновные подвергаются:

денежному взысканію не свыше пятидесяти рублей.

42. За появленіе въ публичномъ мѣстѣ пьянымъ до безпамятства, или въ безобразномъ отъ опьяненія видѣ, виновные подвергаются:

аресту не свыше семи дней, или денежному взысканію не свыше двадцати пяти рублей.

43. За безстыдныя или соединенныя съ соблазномъ для другихъ дѣйствія въ публичномъ мѣстѣ, виновные подвергаются:

аресту не свыше одного мѣсяца, или денежному взысканію не свыше ста рублей.

44. За неисполненіе распоряженій правительства, относящихся къ предупрежденію непотребства и пресѣченію вредныхъ отъ онаго послѣдствій виновные подвергаются:

аресту не свыше одного мѣсяца, или денежному взысканію не свыше ста рублей.

45. За публичное выставленіе или распространеніе явно соблазнительныхъ издѣлій и изображеній, виновные, сверхъ уничтоженія сихъ предметовъ, подвергаются:

аресту не свыше семи дней, или денежному взысканію не свыше двадцати пяти рублей.

46. За устройство запрещенныхъ игръ въ карты, кости и т. п., однако не въ видѣ игорнаго дома (ст. 28), виновные подвергаются:

аресту не свыше одного мѣсяца, или денежному взысканію не свыше ста рублей.

47. За устройство, безъ надлежащаго разрѣшенія, публичной лотереи, а равно за недозволенную закономъ раздачу билетовъ иностранной лотереи или промессовъ, виновные, сверхъ отобранія найденныхъ билетовъ или промессовъ, подвергаются:

денежному взысканію не свыше двадцати процентовъ со всей суммы, вырученной за проданные билеты или промессы, а если сумма эта неизвѣстна, то денежному взысканію не свыше двухсотъ рублей.

48. За хожденіе, безъ надлежащаго дозволенія, съ книгами или образами для сбора на церкви, монастыри и другія богоугодныя заведенія, когда при томъ не было мошенничества (ст. 174, п. 2, 175 и 176), виновные, сверхъ отобранія собранныхъ денегъ, подвергаются:

денежному взысканію не свыше двадцати пяти рублей.

Собранныя деньги отсылаются въ мѣстныя богоугодныя заведенія.

49. За прошеніе милостыни, по лѣни и привычкѣ къ праздности, виновные подвергаются:

заключенію въ тюрьмѣ отъ двухъ недѣль до одного мѣсяца.

50. За прошеніе милостыни съ дерзостью и грубостью, или съ употребленіемъ обмановъ, виновные подвергаются:

заключенію въ тюрьмѣ отъ одного до трехъ мѣсяцевъ.

51. За допущеніе къ прошенію милостыни дѣтей,

виновные въ томъ родители или другія лица, обязанныя имѣть о нихъ попеченіе, подвергаются:

аресту не свыше пятнадцати дней, или денежному взысканію не свыше пятидесяти рублей.

Въ случаѣ обращенія сего поступка въ ремесло, виновные подвергаются:

заключенію въ тюрьмѣ отъ одного до трехъ мѣсяцевъ.

IV

О ПРОСТУПКАХЪ ПРОТИВЪ ОБЩЕСТВЕННАГО БЛАГОУСТРОЙСТВА

52. За засариваніе рѣкъ, каналовъ, источниковъ или колодцевъ бросаніемъ въ нихъ камней, песку и т. п. веществъ, отъ которыхъ не можетъ послѣдовать порчи воды, и равно за неисполненіе обязанности чистить колодцы и содержать ихъ въ исправности, виновные подвергаются:

денежному взысканію не свыше десяти рублей.

53. За проведеніе подземныхъ трубъ отъ помойныхъ ямъ, заводовъ или отхожихъ мѣстъ въ городскія трубы, виновные подвергаются:

денежному взысканію не свыше ста рублей.

Въ случаѣ проведенія такихъ трубъ въ рѣки или каналы, виновные подвергаются тому же взысканію вдвое.

54. За неосвѣщеніе или неисправное освѣщеніе улицъ, обязанныя къ тому лица, независимо отъ уплаты стоимости освѣщенія, подвергаются:

денежному взысканію не свыше одного рубля съ каждаго фонаря.

55. За несоблюденіе правилъ о чистотѣ и опрятности на улицахъ, а равно за допущеніе бродить по нимъ скотъ тамъ, гдѣ это воспрещено, виновные подвергаются:

денежному взысканію не свыше одного рубля.

56. За свозъ мусора, нечистоть, или палаго скота не въ назначенное для того мѣсто, виновные подвергаются:

денежному взысканію не свыше трехъ рублей съ каждаго воза или каждой скотины.

57. За охоту, а также рыбную или иную ловлю въ запрещенное время, въ недозволенныхъ мѣстахъ, запрещенными способами, или безъ соблюденія предписанныхъ правилъ, равно какъ за разореніе птичьихъ гнѣздъ, или продажу дичи, добытой въ недозволенное время, виновные подвергаются:

денежному взысканію не свыше двадцати пяти рублей.

Примѣчаніе. Дѣйствіе сей статьи, относительно лова рыбы, не распространяется на тѣ мѣстности, для которыхъ постановлены особыя по сему предмету правила.

V

О НАРУШЕНІЯХЪ УСТАВА О ПАСПОРТАХЪ

58. За необъявленіе или невѣрное показаніе хозяину или завѣдывающему домомъ о перемѣнѣ жительства, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ таковое объявленіе установлено, жильцы подвергаются:

денежному взысканію не свыше десяти рублей.

59. За необъявленіе полиціи въ срокъ о прибыв-

шихъ въ домъ, или выбывшихъ изъ него, хозяева или завѣдывающіе домомъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ установлено объявлять объ этомъ, подвергаются:

денежному взысканію за каждый просроченный день не свыше пятидесяти копѣекъ, но во всякомъ случаѣ, въ общемъ итогѣ взысканія, не болѣе пятнадцати рублей.

Виновные въ томъ содержатели гостинницъ и тому подобныхъ заведеній подвергаются:

денежному взысканію за каждый просроченный день не свыше одного рубля, но во всякомъ случаѣ не болѣе тридцати рублей.

60. За проживательство въ столицахъ безъ адреснаго билета или съ просроченнымъ билетомъ, а равно безъ внесенія платы на больницу черноработчихъ, лица, обязанныя къ тому закономъ, подвергаются, въ пользу городскихъ доходовъ, независимо отъ внесенія слѣдовавшихъ съ нихъ денегъ:

денежному взысканію не свыше тройнаго адреснаго сбора, или тройной платы на больницу.

61. За отлучку или проживательство безъ установленныхъ видовъ, тамъ, гдѣ они требуются, или же съ видами просроченными или ненадлежащими, виновные, независимо отъ внесенія слѣдовавшей съ нихъ платы, подвергаются: денежному взысканію не свыше пятнадцати копѣекъ за каждый день, но во всякомъ случаѣ, въ общемъ итогѣ взысканія, не болѣе десяти рублей.

Такому же взысканію подвергаются виновные въ дер-

жаніи у себя человѣка безъ вида на жительство, или же съ видомъ просроченнымъ и ненадлежащимъ.

62. За отлучку за границу безъ взятія установленнаго паспорта, виновные, по возвращеніи, подвергаются, независимо отъ внесенія установленнаго сбора:

денежному взысканію не свыше тройной за паспортъ платы.

Это правило не распространяется на тѣ случаи, въ которыхъ виновные могутъ подлежать болѣе строгому наказанію за преступныя дѣйствія, совершенныя ими прежде отлучки за границу или во время оной (ст. 28).

63. За самовольное оставленіе мѣста, назначеннаго для жительства по законному распоряженію надлежащей судебной или правительственной власти, а равно за самовольное возвращеніе въ мѣста, изъ коихъ виновные высланы, они подвергаются:

аресту не свыше трехъ мѣсяцевъ, или денежному взысканію не свыше трехсотъ рублей.

Независимо отъ взысканія, виновные возвращаются въ мѣста, опредѣленныя имъ для жительства.

64. За укрывательство лицъ, обвиняемыхъ предъ мировымъ судьею, а также присужденныхъ къ аресту или къ заключенію въ тюрьмѣ, виновные подвергаются:

аресту не свыше одного мѣсяца, или денежному взысканію не свыше ста рублей.

VI

О НАРУШЕНІЯХЪ УСТАВОВЪ СТРОИТЕЛЬНАГО И ПУТЕЙ СООБЩЕНІЯ

65. За постройку или наружную перестройку зданій безъ надлежащаго дозволенія, когда оно требуется закономъ, виновные подвергаются:

денежному взысканію не свыше пятидесяти рублей.

66. За нарушеніе предписанныхъ уставомъ строительнымъ техническихъ или другихъ о постройкахъ правилъ, виновные въ томъ подвергаются:

когда нарушены правила, установленныя въ ограждение личной безопасности: денежному взысканію не свыше ста рублей,

а въ прочихъ случаяхъ: не свыше двадцати пяти рублей.

67. За отступленіе отъ правилъ, постановленныхъ для устройства въ городахъ улицъ, площадей, мостовыхъ, мостовъ на поперечныхъ каналахъ, тротуаровъ и канавокъ, виновные подвергаются:

денежному взысканію не свыше пятнадцати рублей.

68. Сверхъ означенныхъ въ статьяхъ 65—67-й взысканій, виновные обязаны исправить или подвергнуть сломкѣ, въ опредѣленный судьею срокъ, все неправильно или построенное, если допущенная неисправность будетъ признана вредною для общественной безопасности, или для народнаго здравія.

69. За неисправное содержаніе тротуаровъ, мостковъ,

мостовыхъ и дорогъ, виновные, не приступившіе къ исправленію и послѣ напоминанія, подвергаются:

денежному взысканію не свыше двадцати пяти рублей.

70. За порчу тротуаровъ, мостковъ, мостовыхъ, дорогъ и шоссе, или находящихся на нихъ перилъ, канавъ, столбовъ, деревъ и т. п., виновные подвергаются:

денежному взысканію не свыше пятнадцати рублей.

71. За прогонъ скота по шоссе, тамъ, гдѣ это запрещено, или же безъ соблюденія установленныхъ для того правилъ, виновные подвергаются:

денежному взысканію не свыше пяти рублей.

72. За поврежденіе на дорогахъ мостовъ, переправъ, плотинъ, гатей и т. п., виновные подвергаются:

аресту не свыше пятнадцати дней, или денежному взысканію не свыше пятидесяти рублей.

73. За препятствованіе проходу по мосткамъ и тротуарамъ, или проѣзду по дорогамъ и улицамъ, оставленіемъ на нихъ громоздкихъ предметовъ или инымъ образомъ, виновные подвергаются:

денежному взысканію не свыше пяти рублей.

74. За несоблюденіе правилъ, установленныхъ для ѣзды обозами по шоссе и другимъ дорогамъ, виновные въ томъ извозчики подвергаются:

денежному взысканію не свыше тридцати копѣекъ за каждую повозку.

Находящіеся при обозахъ коммиссіонеры и приказчики, виновные въ допущеніи этихъ нарушеній подвергаются:

денежному взысканію не свыше десяти рублей.

75. За проѣздъ мимо шоссейныхъ заставъ, а равно за уклоненіе инымъ способомъ отъ платежа дорожнаго сбора, виновные, независимо отъ внесенія установленной платы, подвергаются:

денежному взысканію не свыше тройнаго количества противъ слѣдовавшаго или недобраннаго съ нихъ сбора.

76. За переѣздъ, переходъ, или перетаскиваніе чего либо чрезъ желѣзную дорогу въ то время, когда это не дозволено, виновные подвергаются:

денежному взысканію не свыше пятидесяти рублей.

77. За нарушеніе правилъ, предписанныхъ для судоплаванія и сплава лѣса по рѣкамъ и каналамъ, виновные подвергаются:

денежному взысканію не свыше пятидесяти рублей.

78. За выбрасываніе баласта на рейдѣ, фарватерѣ или въ гавани, въ рѣкахъ или каналахъ, виновные подвергаются:

денежному взысканію не свыше ста рублей.

Въ случаѣ повторенія сего проступка, виновные подвергаются:

аресту не свыше трехъ мѣсяцевъ, или денежному взысканію не свыше трехсотъ рублей.

79. За неисправное исполненіе обязанностей по проводу судовъ, виновные въ томъ проводники или лоцманы подвергаются:

аресту не свыше пятнадцати дней, или денежному взысканію не свыше пятидесяти рублей.

80. За принятіе на себя провожать судно, безъ явной необходимости или безъ надлежащаго разрѣшенія,

лица, не имѣющія званія проводника или лоцмана, подвергаются:

аресту не свыше пятнадцати дней, или денежному взысканію не свыше пятидесяти рублей.

81. За нарушеніе правилъ объ исправности бечевниковъ, а также за поврежденіемъ ихъ, виновные подвергаются:

денежному взысканію не свыше двадцати пяти рублей.

82. За препятствованіе ходу судовъ перекладываніемъ канатовъ съ одного берега на другой или инымъ образомъ, виновные подвергаются:

денежному взысканію не свыше пяти рублей.

83. За неисполненіе обязанности по спуску воды, или разведенію мостовъ, а равно за причиненіе остановки судоходству при проходѣ судовъ мимо паромныхъ перевозовъ, виновные подвергаются:

аресту не свыше семи дней, или денежному взысканію не свыше двадцати пяти рублей.

84. За притѣсненіе судовщиковъ: при снятіи груза съ судна, подвергшагося крушенію, при съемкѣ судна занесеннаго на берегъ, при добываніи судна изъ неудобнаго мѣста, при ставкѣ зимовокъ для караула, а равно за вырываніе столбовъ, поставленныхъ для чалки судовъ, прибрежные жители подвергаются:

денежному взысканію не свыше пятнадцати рублей.

85. За препятствованіе судоходству устройствомъ рыболовныхъ заведеній тамъ, гдѣ это воспрещено, или безъ соблюденія установленныхъ для того правилъ, а также за засореніе рыболовами рѣкъ и каналовъ, или

за порчу ихъ береговъ, виновные, сверхъ отобранія употребленныхъ матеріаловъ, подвергаются:

денежному взысканію не свыше двадцати пяти рублей.

86. За самовольное измѣненіе направленія судоходной рѣки, или за остановку ея теченія плотинами, а равно за ослабленіе онаго каналами или другимъ образомъ, виновные подвергаются:

денежному взысканію не свыше трехсотъ рублей.

87. За нарушеніе правилъ, установленныхъ для плаванія рѣчныхъ пароходовъ, управляющіе сими послѣдними, когда неисправность ихъ не имѣла послѣдствіемъ смертнаго случая (ст. 28), подвергаются:

аресту не свыше одного мѣсяца, или денежному взысканію не свыше ста рублей.

VII

О НАРУШЕНІЯХЪ УСТАВА ПОЖАРНАГО

88. За устройство печей, каминовъ, дымовыхъ трубъ и т. п., безъ соблюденія правилъ, установленныхъ для предохраненія отъ пожаровъ, печники или распоряжавшіе работами подвергаются:

денежному взысканію не свыше пятидесяти рублей.

89. За несоблюденіе предписанныхъ уставомъ пожарнымъ правилъ о чисткѣ дымовыхъ трубъ, виновные подвергаются:

денежному взысканію не свыше десяти рублей.

90. За выдѣлываніе или складываніе удобовоспламеняющихся веществъ въ опасныхъ отъ огня мѣстахъ

или безъ надлежащей осторожности, а равно за продажу фейерверковъ безъ надлежащаго разрѣшенія, и за сожиганіе ихъ или иллюминацій безъ соблюденія установленныхъ правилъ, виновные подвергаются:

денежному взысканію не свыше двадцати пяти рублей.

91. За несоблюденіе установленныхъ правилъ осторожности при обращеніи съ огнемъ въ жилыхъ мѣстахъ, за куреніе табаку на сѣновалахъ, чердакахъ и т. п., а равно за неимѣніе сосудовъ съ водою или огнегасительныхъ снарядовъ въ тѣхъ случаяхъ, когда это предписано, виновные подвергаются:

денежному взысканію не свыше десяти рублей.

92. За куреніе табаку на улицахъ и площадяхъ, тамъ, гдѣ это воспрещено, виновные подвергаются:

денежному взысканію не свыше одного рубля.

93. За вводъ судна въ гавань прежде выгрузки находящихся въ немъ удобовоспламеняющихся веществъ, а также за остановку или выгрузку судна, нагруженнаго такими веществами, въ ненадлежащемъ разстояніи отъ другихъ судовъ, виновные, если они не были принуждены къ тому бурею или другими особенными обстоятельствами, подвергаются:

денежному взысканію не свыше трехсотъ рублей.

94. За несоблюденіе правилъ, установленныхъ для осторожности отъ огня на судахъ и плотахъ, за исключеніемъ означенныхъ въ 93-й статьѣ, виновные подвергаются:

денежному взысканію не свыше двадцати пяти рублей.

95. За нарушеніе правилъ предосторожности отъ огня внѣ жилыхъ мѣстъ, а именно:

а) за раскладываніе огня или неосторожное обращеніе съ огнемъ въ близкомъ разстояніи отъ лѣсовъ, кустарниковъ, стоящаго на корнѣ или сжатаго хлѣба, соломы, сѣна, огородовъ, мостовъ или строеній;

б) за оставленіе огня непотушеннымъ при отбытіи съ того мѣста, гдѣ онъ былъ разложенъ;

в) за выжиганіе кустарниковъ, травы, корчьевъ, сучьевъ и т. п., безъ соблюденія предписанныхъ правилъ, или въ недозволенное время;

г) за сидку смолы или дегтя, жженіе угольевъ и приготовленіе потапа, безъ соблюденія предписанныхъ предосторожностей, или въ недозволенное время;

д) за куреніе въ хвойныхъ лѣсахъ табаку или сигаръ и т. п. въ жаркую или сухую погоду;

е) за употребленіе, при стрѣляніи въ лѣсу, для зарядовъ пакли или льна, и

ж) за оставленіе овина, во время топки, безъ всякаго надзора,

виновные подвергаются:

денежному взысканію не свыше десяти рублей.

96. За неявку на пожаръ съ надлежащими огнегасительными снарядами въ тѣхъ городахъ или селеніяхъ, гдѣ это установлено, а равно за неявку, безъ уважительныхъ причинъ, по призыву начальства, на пожаръ въ лѣсахъ, или за самовольное оставленіе мѣста пожара, виновные подвергаются:

денежному взысканію не свыше десяти рублей.

97. За необъявленіе полиціи въ надлежащее время о

случившемся пожарѣ, обязанныя къ тому лица подвергаются:

денежному взысканію не свыше десяти рублей.

98. За совершеніе проступковъ, означенныхъ въ статьѣ 88—95-й, когда отъ сего произошелъ пожаръ, виновные подвергаются:

аресту не свыше одного мѣсяца, или денежному взысканію не свыше ста рублей.

VIII

О НАРУШЕНІЯХЪ УСТАВОВЪ ПОЧТОВАГО И ТЕЛЕГРАФИЧЕСКАГО

99. За недозволенный провозъ на сдаточныхъ лошадяхъ проѣзжающихъ по трактамъ вольныхъ почтъ, виновные подвергаются:

денежному взысканію не свыше тройныхъ прогоновъ по числу лошадей за все разстояніе, которое проѣзжающіе прослѣдовали по линіи вольныхъ почтъ мимо учрежденныхъ на ней станцій.

100. За грубое обхожденіе съ проѣзжающими, а равно за несоблюденіе установленныхъ о почтовой ѣздѣ правилъ, виновные въ томъ почтосодержатели, ихъ довѣренные, писари, приказчики, почтари и ямщики или извощики подвергаются:

аресту не свыше семи дней, или денежному взысканію не свыше двадцати пяти рублей.

101. За поврежденіе, по неосторожности, принадлежностей телеграфовъ, отъ котораго можетъ произойти остановка въ телеграфическихъ сообщеніяхъ, виновные

если о сдѣланномъ поврежденіи не извѣстятъ немедленно телеграфное начальство, подвергаются :

денежному взысканію не свыше пятнадцати рублей.

IX

О ПРОСТУПКАХЪ ПРОТИВЪ НАРОДНАГО ЗДРАВІЯ

102. За несоблюденіе предписанныхъ закономъ общихъ мѣръ предосторожности противъ распространенія прилипчивыхъ и повальныхъ болѣзней, виновные подвергаются :

аресту не свыше одного мѣсяца, или денежному взысканію не свыше ста рублей.

103. За сообщеніе другимъ происходящей отъ непотребства заразительной болѣзни, виновные подвергаются:

аресту не свыше двухъ мѣсяцевъ, или денежному взысканію не свыше двухсотъ рублей.

104. За врачеваніе изъ корыстныхъ видовъ, въ случаѣ послѣдовавшаго отъ того вреда, виновные, не имѣющіе права заниматься врачебною практикою, подвергаются :

аресту не свыше трехъ мѣсяцевъ, или денежному взысканію не свыше трехсотъ рублей.

105. За производство оспопрививанія безъ надлежащаго дозволенія, виновные, въ случаѣ вредныхъ отъ того послѣдствій, подвергаются :

денежному взысканію не свыше трехъ рублей.

106. За приготовленіе для продажи, а также за продажу, безъ надлежащаго разрѣшенія, лекарственныхъ

веществъ и составовъ, въ случаѣ послѣдовавшаго отъ того вреда, виновные, сверхъ отобранія найденныхъ у нихъ матеріаловъ и посуды въ пользу мѣстныхъ богоугодныхъ заведеній, подвергаются:

денежному взысканію не свыше ста рублей.

107. За погребеніе мертвыхъ не въ назначенныхъ для того мѣстахъ, или безъ соблюденія установленныхъ правилъ, виновные подвергаются:

аресту не свыше пятнадцати дней, или денежному взысканію не свыше пятидесяти рублей.

108. За вырытіе, безъ надлежащаго разрѣшенія, гробовъ или мертвыхъ тѣлъ, для перенесенія ихъ въ другія мѣста, виновные подвергаются:

денежному взысканію не свыше ста рублей.

109. За привозъ мертваго тѣла изъ-за границы или за провозъ онаго изъ одной губерніи въ другую, или же изъ одного уѣзда въ другой, безъ надлежащаго разрѣшенія, виновные подвергаются:

денежному взысканію не свыше двадцати пяти рублей.

110. За устройство боенъ безъ соблюденія установленныхъ правилъ, а равно за оставленіе при бойняхъ нечистотъ неубранными, виновные подвергаются:

денежному взысканію не свыше ста рублей.

111. За порчу воды въ мѣстахъ, гдѣ ее берутъ для внутренняго употребленія, мочепемъ льна или конопли, сваливаніемъ или выливаніемъ нечистотъ, или же бросаніемъ вредныхъ веществъ, когда при томъ не было умысла нанести вредъ общественному здравію (ст. 28), виновные подвергаются:

аресту не свыше семи дней, или денежному взысканію не свыше двадцати пяти рублей.

112. За недонесеніе о появленіи заразы на скотѣ, а также за непринятіе установленныхъ мѣръ предосторожности противъ заразы скота и скотскихъ падежей, виновные подвергаются:

аресту не свыше одного мѣсяца, или денежному взысканію не свыше ста рублей.

113. За прогонъ скота безъ установленнаго осмотра, гуртовщики подвергаются:

аресту не свыше одного мѣсяца, или денежному взысканію не свыше ста рублей.

114. За нарушеніе правила бить скотъ не иначе, какъ въ скотобойняхъ (тамъ, гдѣ онѣ устроены), виновные подвергаются:

аресту не свыше трехъ дней, или денежному взысканію не свыше пятнадцати рублей.

115. За приготовленіе для продажи, или за продажу съѣстныхъ припасовъ или напитковъ, вредныхъ для здоровья или испортившихся, а равно за выдѣлку посуды изъ вредныхъ для здоровья матеріаловъ, виновные, сверхъ уничтоженія припасовъ, напитковъ или посуды, подвергаются:

аресту не свыше одного мѣсяца, или денежному взысканію не свыше ста рублей.

116. За несоблюденіе надлежащей опрятности и чистоты при продажѣ съѣстныхъ припасовъ, виновные подвергаются:

денежному взысканію не свыше пятнадцати рублей.

X

О ПРОСТУПКАХЪ ПРОТИВЪ ЛИЧНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

117. За храненіе или ношеніе запрещеннаго оружія, за стрѣльбу изъ огнестрѣльнаго или другаго опаснаго оружія, въ мѣстахъ, гдѣ это запрещено, а равно за храненіе пороха болѣе дозволеннаго количества, виновные подвергаются:

денежному взысканію не свыше двадцати пяти рублей.

Запрещенное оружіе и порохъ, хранимый сверхъ дозволеннаго количества, отбираются.

118. За храненіе заряженнаго или другаго опаснаго оружія, или же пороха, безъ надлежащей осторожности, и за ношеніе оружія тамъ, гдѣ это запрещено, виновные подвергаются:

денежному взысканію не свыше десяти рублей.

119. За несоблюденіе надлежащей осторожности при бросаніи камней или иныхъ твердыхъ предметовъ, при выкидываніи или выливаніи чего либо, а также при складываніи или возкѣ тяжестей, виновные подвергаются:

денежному взысканію не свыше десяти рублей.

120. За держаніе дикихъ звѣрей безъ соблюденія мѣръ, необходимыхъ для огражденія общественной безопасности, а равно за выпускъ ихъ, по неосторожности, изъ мѣстъ содержанія, виновные подвергаются:

аресту не свыше трехъ мѣсяцевъ, или денежному взысканію не свыше трехсотъ рублей.

121. За непринятіе установленныхъ мѣръ къ отвращенію опасности, могущей произойти отъ домашнихъ животныхъ, виновные подвергаются:

денежному взысканію не свыше десяти рублей.

122. За травленіе человѣка, безъ преступнаго впрочемъ умысла (ст. 28), собакою или другими животными, виновные подвергаются:

аресту не свыше пятнадцати дней, или денежному взысканію не свыше пятидесяти рублей.

123. За неосмотрительную или непомѣрно скорую ѣзду въ городахъ и селеніяхъ, а также за порученіе управленія лошадьми лицу неспособному или пьяному, виновные подвергаются:

аресту не свыше семи дней, или денежному взысканію не свыше двадцати пяти рублей.

124. За неприставленіе подпоръ къ ветхимъ заборамъ, а равно за неимѣніе предостерегательныхъ знаковъ или заборовъ при производствѣ построекъ и другихъ работъ, или же около колодцевъ, помойныхъ ямъ, творилъ и вообще въ тѣхъ случаяхъ, когда заборы или предостерегательные знаки необходимы для огражденія личной безопасности, виновные подвергаются:

денежному взысканію не свыше пятнадцати рублей.

125. За выставленіе, безъ надлежащей осторожности, клѣтокъ, горшковъ съ цвѣтами и тому подобныхъ вещей на окна, а равно за недостаточное прикрѣпленіе вывѣсокъ или ставней, виновные подвергаются:

денежному взысканію не свыше десяти рублей.

126. За перевозъ людей въ ветхихъ или худыхъ лодкахъ, и вообще за нарушеніе правилъ предосторож-

ности, предписанныхъ для рѣчныхъ перевозовъ, виновные подвергаются:

денежному взысканію не свыше двадцати пяти рублей.

127. За неохраненіе пьянаго, который не могъ, безъ очевидной опасности, быть предоставленъ самому себѣ, продавцы въ питейныхъ заведеніяхъ подвергаются:

денежному взысканію не свыше пяти рублей.

128. За совершеніе проступковъ, означенныхъ въ статьяхъ 66, 72, 76, 106, 111, 117—119 и 121—127-й въ случаѣ причиненія тѣмъ кому либо ранъ или поврежденій въ здоровье, когда однако отъ сего не послѣдовало смерти (ст. 28), виновные подвергаются:

аресту не свыше одного мѣсяца, или денежному взысканію не свыше ста рублей.

129. За совершеніе дѣянія, хотя и непредусмотрѣннаго въ семъ уставѣ, но явно не осторожнаго, въ случаѣ причиненія тѣмъ кому либо ранъ или поврежденій въ здоровьѣ, когда отъ сего не послѣдовало смерти (ст. 28), виновные подвергаются:

аресту не свыше семи дней, или денежному взысканію не свыше двадцати пяти рублей.

XI

ОБЪ ОСКОРБЛЕНІЯХЪ ЧЕСТИ, УГРОЗАХЪ И НАСИЛІИ

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ

Объ оскорбленіяхъ чести

130. За нанесеніе обиды, на словахъ или на письмѣ, виновные подвергаются:

аресту не свыше пятнадцати дней, или денежному взысканію не свыше пятидесяти рублей.

131. За нанесеніе обиды на словахъ или на письмѣ, съ обдуманныхъ заранѣе намѣреніемъ, или въ публичномъ мѣстѣ или многолюдномъ собраніи, а равно лицу, хотя и не состоящему съ обидчикомъ въ родствѣ по восходящей линіи, но имѣющему, по особымъ къ нему отношеніямъ, право и на особое уваженіе, или же лицу женскаго пола, виновные подвергаются:

аресту не свыше одного мѣсяца, или денежному взысканію не свыше ста рублей.

132. За нанесеніе обиды, на словахъ или на письмѣ, родственнику въ восходящей линіи, виновные подвергаются:

аресту не свыше трехъ мѣсяцевъ.

133. За нанесеніе обиды дѣйствіемъ лицу, не состоящему съ обидчикомъ въ родствѣ по восходящей линіи, если къ тому былъ данъ поводъ самимъ обиженнымъ, виновные подвергаются:

аресту не свыше пятнадцати дней, или денежному взысканію не свыше пятидесяти рублей.

134. За нанесеніе обиды дѣйствіемъ безъ всякаго повода со стороны обиженнаго, виновные подвергаются:

аресту не свыше одного мѣсяца.

135. За нанесеніе обиды дѣйствіемъ съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ, или же въ публичномъ мѣстѣ или многолюдномъ собраніи, а равно лицу, хотя и не состоящему съ обидчикомъ въ родствѣ по восходящей линіи (ст. 28), но имѣющему, по особымъ къ нему

отношеніямъ, право и на особое уваженіе, или же лицу женскаго пола, виновные подвергаются:

аресту не свыше трехъ мѣсяцевъ.

136. За клевету, на словахъ или на письмѣ, виновные подвергаются:

аресту не свыше двухъ мѣсяцевъ.

Если же клеветою оскорблена честь женщины, или лица, хотя и не состоящаго съ виновнымъ въ родствѣ по восходящей линіи (ст. 28), но которое, по особымъ къ виновному отношеніямъ, имѣло право и на особое уваженіе, то онъ подвергается:

аресту не свыше трехъ мѣсяцевъ.

137. За разглашеніе, съ намѣреніемъ оскорбить чью либо честь, свѣдѣній, сообщенныхъ втайнѣ, или же узнанныхъ вскрытіемъ чужаго письма или другимъ противозаконнымъ образомъ, виновные подвергаются:

аресту не свыше пятнадцати дней, или денежному взысканію не свыше пятидесяти рублей.

138. Означеннымъ въ статьяхъ 130—137-й наказаніямъ виновные не подвергаются: 1) когда самъ обиженный нанесъ обидчику равную или болѣе тяжкую обиду, и 2) если обиженный будетъ требовать опредѣленнаго въ законахъ гражданскихъ безчестія.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ

Объ угрозахъ и насиліи

139. За угрозу причинить кому либо насильственныя дѣйствія, виновные, не имѣвшіе при томъ корыстной или другой преступной цѣли (ст. 28), подвергаются:

аресту не свыше пятнадцати дней, или денежному взысканію не свыше пятидесяти рублей.

140. За угрозу на словахъ лишить кого либо жизни, или произвести поджогъ, виновные, не имѣвшіе при томъ корыстной или иной преступной цѣли (ст. 28), подвергаются:

аресту не свыше одного мѣсяца, или денежному взысканію не свыше ста рублей.

141. За означенную въ статьѣ 140-й угрозу, когда она сдѣлана на письмѣ, виновные, не имѣвшіе при этомъ корыстной или другой преступной цѣли (ст. 28), подвергаются:

аресту не свыше двухъ мѣсяцевъ, или денежному взысканію не свыше двухсотъ рублей.

142. За самоуправство, а равно за употребленіе насилія, однако безъ нанесенія тяжкихъ побоевъ, ранъ, или увѣчья (ст. 28), виновные подвергаются:

аресту не свыше трехъ мѣсяцевъ.

XII

О ПРОСТУПКАХЪ ПРОТИВЪ ПРАВЪ СЕМЕЙСТВЕННЫХЪ

143. За отказъ въ доставленіи нуждающимся родителямъ необходимыхъ для жизни пособій, дѣти ихъ, имѣющія достаточныя къ тому средства, подвергаются:

аресту не свыше трехъ мѣсяцевъ.

Сверхъ того, они обязываются къ производству родителямъ соразмѣрнаго съ ихъ средствами пособія.

144. За покинутіе или оставленіе ребенка, однако

не въ такихъ мѣстахъ, гдѣ нельзя ожидать, что онъ будетъ найденъ другими (ст. 28), виновные въ томъ родители и вообще лица, обязанныя имѣть попеченіе о ребенкѣ, подвергаются:

аресту не свыше трехъ мѣсяцевъ.

XIII

О ПРОСТУПКАХЪ ПРОТИВЪ ЧУЖОЙ СОБСТВЕННОСТИ

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ

О самовольномъ пользованіи чужимъ имуществомъ и поврежденіи онаго

145. За самовольное на чужихъ земляхъ, но не въ видѣ кражи, срываніе плодовъ или овощей, за собираніе ягодъ, или грибовъ, за поврежденіе деревьевъ въ садахъ или срываніе садовыхъ цвѣтовъ за вырѣзываніе дерна, а равно за добываніе песку, глины и т. п., виновные подвергаются:

денежному взысканію не свыше десяти рублей.

146. За самовольную охоту, рыбную или иную ловлю на чужихъ земляхъ или въ чужихъ лѣсахъ и водахъ, виновные подвергаются:

денежному взысканію не свыше двадцати пяти рублей.

147. За проходъ или проѣздъ чрезъ чужія луга или поля, до уборки съ нихъ посѣвовъ или травъ, виновные подвергаются:

денежному взысканію не свыше десяти рублей.

148. За прогонъ скота чрезъ чужіе луга или поля, а также за пастьбу скота на чужихъ земляхъ или въ чужомъ лѣсѣ, виновные подвергаются:

денежному взысканію не свыше десяти рублей.

149. За проѣздъ, или прогонъ скота чрезъ сады или огороды, а равно чрезъ луга, поля, рощи и пастбища, обнесенные оградами или канавками, или же когда о запрещеніи проѣзда черезъ нихъ поставлены предостерегательные знаки, виновные подвергаются:

денежному взысканію не свыше двадцати пяти рублей.

150. За свозъ на чужія земли камней, мусору, палыхъ животныхъ и другихъ нечистотъ, виновные подвергаются:

денежному взысканію не свыше десяти рублей.

151. За сопротивленіе при задержаніи животныхъ (скота или птицы) въ случаѣ потравы, а равно за самовольный уводъ задержанныхъ животныхъ, виновные подвергаются:

денежному взысканію не свыше десяти рублей.

152. За поврежденіе чужихъ канавъ, изгородей или чужаго движимаго имущества, виновные подвергаются:

денежному взысканію не свыше двадцати пяти рублей.

Примѣчаніе. Независимо отъ взысканій по статьямъ 145—152-й, виновные обязаны уплатить владѣльцу поврежденнаго имущества вознагражденіе, опредѣленное въ положеніи 18-го Іюля 1862 г. (Т. IX, прил. къ ст. 31 пол. о губ. и уѣздн. по крест. дѣламъ учрежденіяхъ, Прод. 1863 г.).

153. За убой или изувѣченіе чужихъ животныхъ, виновные подвергаются:

аресту не свыше одного мѣсяца, или денежному взысканію не свыше ста рублей.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ

О похищеніи и поврежденіи чужаго лѣса

154. За похищеніе лѣса или лѣсныхъ произведеній, уже заготовленныхъ и сложенныхъ, а также изъ мѣстъ складовъ, устроенныхъ для ихъ храненія, виновные подвергаются:

наказаніямъ, опредѣленнымъ за кражу (169—172).

155. За похищеніе изъ лѣса деревъ, какъ стоящихъ на корню, такъ буреломныхъ и валежныхъ или частей ихъ, а равно за самовольную порубку въ лѣсахъ, хотя и безъ вывоза срубленныхъ деревъ, виновные подвергаются, сверхъ отобранія похищеннаго или самовольно срубленнаго лѣса, или уплаты его стоимости:

въ первый и во второй разъ, денежному взысканію, равному двойной цѣнѣ похищеннаго или самовольно срубленнаго лѣса; а въ третій или болѣе разъ, тому же взысканію и заключенію въ тюрьмѣ отъ одного до шести мѣсяцевъ.

Примѣчаніе. Не считается повтореніемъ похищенія или самовольной порубки лѣса, когда они совершены хотя и не въ первый разъ, но по истеченіи двухъ лѣтъ со времени состоявшагося за прежній лѣсной проступокъ приговора.

156. Означенныя въ предшедшей 155 й статьѣ денежныя взысканія могутъ быть увеличены одною половиною: а) когда похищеніе, или порубка произведены въ корабельныхъ или заказныхъ рощахъ и участкахъ;

б) когда эти проступки совершены ночью; в) когда похититель или самовольный порубщикъ употребилъ какія либо средства, чтобы не быть опознану лѣсною стражею, или на спросъ ея отказался объявить свое имя, или выдалъ себя ложно за другаго; г) когда порублены или вырваны съ корнемъ сѣмянныя или посаженныя деревья; д) когда деревья спилены, или когда похищеніе или порубка учинены нѣсколькими лицами, и е) когда порубка или похищеніе сдѣланы не по нуждѣ, а изъ корысти.

157. Не вмѣняются въ вину:

1) мелочныя порубки, сдѣланныя проѣзжающими въ лѣсу для необходимой въ пути починки, за исключеніемъ лишь деревъ, посѣянныхъ и посаженныхъ, и

2) порубка или собираніе валежника и хвороста въ казенныхъ лѣсахъ, когда, на основаніи устава лѣснаго, дѣйствія эти не считаются противозаконными.

158. Опредѣленнымъ за самовольную порубку (ст. 155 и 156) взысканіямъ и наказаніямъ подлежатъ и тѣ:

1) кто будетъ, безъ надлежащаго разрѣшенія, расчищать чужія лѣсныя угодья, разсадники, или засѣянныя лѣсомъ мѣста;

2) кто будетъ дѣлать въ чужомъ лѣсѣ насѣчки для добыванія смолы, или соку, или же обнажать деревья для полученія коры, лыкъ и т. п., или другимъ образомъ портить растущія деревья;

3) кто, при дозволенной рубкѣ казеннаго лѣса, сдѣлаетъ перерубку противъ назначеннаго количества деревъ или размѣровъ ихъ по длинѣ или толщинѣ, и не объявитъ о томъ добровольно, или хотя и объявитъ,

но перерубка окажется болѣе десяти на сто по количеству деревъ;

4) кто, при дозволенной рубкѣ казеннаго лѣса, вырубитъ лѣсъ не той породы, какъ было условлено, или же вырубитъ мачтовыя или другія запрещенныя деревья;

5) кто, получивъ дозволеніе на добываніе въ казенныхъ лѣсахъ смолы, дегтя, поташа, угольевъ, лыкъ, мочалы, лубьевъ, или на приготовленіе ободьевъ, дугъ, оглобель и т. п. лѣсныхъ издѣлій, заготовитъ ихъ болѣе дозволеннаго и не объявитъ о томъ добровольно, или, хотя и объявитъ, но излишекъ будетъ превышать десять на сто противъ дозволеннаго количества, и

6) кто, при сплавѣ лѣса или лѣсныхъ издѣлій безъ билета, окажется виновнымъ въ незаконномъ ихъ пріобрѣтеніи.

159. За укрывательство или покупку завѣдомо похищеннаго или самовольно срубленнаго другими лѣса и лѣсныхъ произведеній, виновные подвергаются, сверхъ отобранія лѣса и лѣсныхъ произведеній, или уплаты ихъ стоимости:

въ первый и во второй разъ, денежному взысканію, равному цѣнѣ принятаго или купленнаго лѣса; а въ третій или болѣе разъ, тому же взысканію и заключенію въ тюрьмѣ отъ одного до трехъ мѣсяцевъ.

Примѣчаніе. Въ случаѣ совершенія означенныхъ въ сей статьѣ проступковъ лѣсопромышленниками, наказаніе имъ опредѣляется по приговорамъ общихъ судебныхъ мѣстъ.

160. За устройство въ чужихъ лѣсныхъ дачахъ, безъ надлежащаго разрѣшенія, смолоугольныхъ печей,

кирпичныхъ или иныхъ огнедѣйствующихъ заводовъ, а равно за сидку смолы, или дегтя, за жженіе поташа, угольевъ или извѣсти, также безъ разрѣшенія, виновные, сверхъ отобранія всѣхъ самовольныхъ построекъ, орудій, матеріаловъ и изготовленныхъ уже издѣлій, подвергаются:

денежному взысканію не свыше ста рублей.

161. За порубку казеннаго лѣса или заготовку лѣсныхъ издѣлій не въ отведенныхъ для того участкахъ, виновные, сверхъ отобранія всего неправильно порубленнаго или заготовленнаго и лишенія права на рубку или заготовку въ отведенномъ участкѣ, подвергаются:

денежному взысканію, равному цѣнѣ неправильно вырубленнаго или заготовленнаго.

Это взысканіе удвоивается въ случаѣ порубки или заготовки въ корабельныхъ или заказныхъ рощахъ или участкахъ.

162. За сидку смолы или дегтя, а также за жженіе поташа, угольевъ или извѣсти не въ отведенныхъ лѣснымъ управленіемъ мѣстахъ, виновные, независимо отъ обязанности разобрать возведенныя ими постройки, подвергаются:

денежному взысканію не свыше пятидесяти рублей.

163. За оставленіе въ казенныхъ лѣсахъ незаравненныхъ ямъ по окончаніи сидки смолы или дегтя, или же приготовленія поташа, угольевъ, кирпича или другихъ издѣлій, виновные подвергаются:

денежному взысканію не свыше тройной стоимости работъ на заравненіе сихъ ямъ.

164. За производство, при учетной продажѣ казеннаго лѣса, распиловки, продажи или недозволенной обдѣлки его въ самыхъ лѣсныхъ дачахъ, виновные подвергаются:

отобранію неправильно проданнаго, распиленнаго или обдѣланнаго лѣса.

165. За неимѣніе, при сплавѣ законно пріобрѣтеннаго лѣса, надлежащихъ билетовъ, виновные въ томъ лѣсопромышленники подвергаются:

денежному взысканію, равному десяти процентамъ со стоимости лѣсныхъ товаровъ.

Если же билетъ не представленъ за утратою онаго, или представленъ несвоевременно, или безъ надлежащей надписи, то виновные подвергаются:

денежному взысканію, равному пяти процентамъ со стоимости лѣсныхъ товаровъ.

166. За непредъявленіе, при сплавѣ судовъ, судовыхъ билетовъ, за предъявленіе билетовъ, не соотвѣтствующихъ клеймамъ на судахъ, а равно за неимѣніемъ на судахъ клейма, виновные подвергаются:

денежному взысканію вдвое противъ посаженной или пофутной съ судовъ пошлины (уст. лѣсн. ст. 684, 685, 713).

Сему же взысканію подвергаются судохозяева: а) если они не будутъ имѣть особыхъ билетовъ на лодки и челны, хотя выстроенные имъ для судовъ, но отправленные отъ нихъ отдѣльно; б) если размѣры судна, показанные въ билетѣ, не согласны съ дѣйствительностью; и в) если суда были перестроены съ перемѣною размѣра, но о семъ не было предъявлено надлежащему на-

чальству для отмѣтки на билетахъ. При обмѣрѣ судна не принимается во вниманіе источность: по длинѣ судна до полувершка, а по ширинѣ до одного вершка на каждую сажень, по высотѣ же одного вершка на каждый аршинъ.

167. За ослушаніе или неповиновеніе, однако безъ насилія (ст. 28), оказанное лѣснымъ чинамъ при стражѣ, виновные въ похищеніи или самовольной порубкѣ подвергаются, независимо отъ слѣдующаго съ нихъ денежнаго взысканія:

аресту не свыше одного мѣсяца.

168. Денежныя взысканія, опредѣляемыя на основаніи статей 155—166-й, равно какъ отобранные отъ виновныхъ лѣсъ и лѣсныя произведенія, а когда они скрыты или употреблены уже въ дѣло, то уплата ихъ стоимости, обращаются въ пользу казны или частнаго владѣльца, по принадлежности.

ОТДѢЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ

О кражѣ

169. За кражу предмета цѣною не свыше *трехсотъ рублей*, виновные подвергаются:

заключенію въ тюрьмѣ на время отъ трехъ до шести мѣсяцевъ.

170. Опредѣленное въ статьѣ 169-й тюремное заключеніе можетъ быть увеличено до одного года.

1) когда кража совершена въ церкви, часовнѣ, или иномъ молитвенномъ домѣ (однако не церковнаго имущества и безъ оскорбленія святыни), или же на кладбищѣ, или съ мертваго, но безъ разрытія могилъ;

2) когда кража учинена ночью;

3) когда для совершенія кражи виновные влѣзли въ окно, перелѣзли чрезъ стѣну, заборъ или иную ограду, или же вошли въ домъ подъ вымышленнымъ предлогомъ;

4) когда украдено необходимое для пропитанія того, кому оно принадлежало, и виновному это было извѣстно;

5) когда кража учинена по уговору нѣсколькихъ лицъ, однако безъ составленія особой шайки;

6) когда кража совершена въ присутственныхъ мѣстахъ, или въ многолюдныхъ собраніяхъ;

7) когда кража учинена слугами, работниками, подмастерьями, или другими лицами, проживающими у того, чье имущество украдено, (однако безъ уговора и сообщества съ другими наведенными для того людьми), и

8) когда кража совершена лицомъ уже однажды осужденнымъ за кражу или мошенничество.

171. Слѣдующее виновному по статьямъ 169—170-й наказаніе можетъ быть уменьшено до половины:

1) если виновный въ кражѣ добровольно возвратилъ украденное хозяину;

2) если кража совершена по крайности и неимѣнію никакихъ средствъ къ пропитанію и работѣ, и

3) если цѣна похищеннаго не превышаетъ *пятидесяти копѣекъ*.

172. За покушеніе на кражу, остановленное по независѣвшимъ отъ подсудимаго обстоятельствамъ, а равно за участіе въ кражѣ и за укрывательство похищеннаго, виновные подвергаются наказаніямъ, опредѣленнымъ за кражу: но мировому судьѣ предоставляется уменьшать

это наказаніе до половины, соображаясь съ важностью покушенія, или участія виновныхъ.

ОТДѢЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ

О мошенничествѣ, обманахъ и присвоеніи чужаго имущества

173. За обмѣръ и обвѣсъ при продажѣ, куплѣ или мѣнѣ товаровъ или иныхъ вещей, а равно за другіе обманы въ количествѣ или качествѣ товара, или въ разсчетѣ платежа, или же при размѣнѣ денегъ, виновные, когда цѣна похищеннаго не превышаетъ *трехсотъ рублей*, подвергаются:

заключенію въ тюрьмѣ на время отъ одного до трехъ мѣсяцевъ.

174. Опредѣленному въ статьѣ 173-й наказанію подлежатъ и тѣ:

1) кто подмѣнитъ вещи, ввѣренныя ему для храненія, переноски, перевозки, или инаго доставленія;

2) кто выманитъ у кого либо деньги или вещи чрезъ сообщеніе ложныхъ извѣстій, или подъ видомъ выгодныхъ предпріятій, мнимыхъ расходовъ по какому либо дѣлу, благотворительныхъ приношеній, или инымъ мошенническимъ образомъ;

3) кто, получивъ уплату долга, не возвратитъ заемное письмо, вексель, росписку, или подписанный покупателемъ счетъ, или не означитъ на нихъ о полученіи слѣдовавшихъ денегъ, съ намѣреніемъ вновь потребовать уплаченное;

4) кто, при полной уплатѣ долга, не возвратитъ данный въ обезпеченіе займа закладъ, и

5) кто, не имѣя на то уполномочія, отдастъ въ наемъ или безмездное пользованіе чужое движимое имущество, съ намѣреніемъ присвоить себѣ слѣдующія за наемъ деньги, или извлечь изъ сего другую противозаконную выгоду.

175. За означенные въ статьяхъ 173 и 174-й проступки наказаніе можетъ быть увеличено до шести мѣсяцевъ:

1) когда они учинены лицомъ, уже однажды осужденнымъ за кражу или мошенничество;

2) когда они совершены по уговору нѣсколькихъ лицъ;

3) когда для совершенія обмана сдѣланы были какія либо особыя приготовленія;

4) когда виновный, по званію своему или мѣсту, или же по особымъ къ обманутому отношеніямъ, внушалъ особое къ себѣ довѣріе;

5) когда обманутъ малолѣтній, престарѣлый, слѣпой или глухонѣмой;

6) когда для совершенія обмана употреблены суевѣрные обряды, и

7) когда виновный выдавалъ себя за чьего либо повѣреннаго или служителя, или присвоилъ себѣ ложное имя.

176. Слѣдующее виновному, по статьямъ 173—175-й, наказаніе можетъ быть уменьшено до половины, если означенные въ этихъ статьяхъ проступки сопровождались обстоятельствами, указанными въ статьѣ 171-й. Въ случаѣ покушенія на мошенничество, или участія

въ немъ, соблюдается правило, изложенное въ статьѣ 172-й.

177. За присвоеніе или растрату чужаго движимаго имущества, ввѣреннаго для сохраненія, переноски или перевозки, или же опредѣленнаго употребленія, виновные, когда цѣна присвоеннаго или растраченнаго не превышаетъ *трехсотъ рублей*, подвергаются:

заключенію въ тюрьмѣ на время отъ трехъ мѣсяцевъ до одного года.

Если же растрата совершена только по легкомыслію и виновные добровольно обязываются вознаградить потерпѣвшаго убытокъ, то они подвергаются:

аресту не свыше трехъ мѣсяцевъ.

178. За присвоеніе найденныхъ денегъ или вещей, или же найденнаго въ чужой землѣ клада, виновные, когда имъ извѣстенъ хозяинъ найденнаго, подвергаются:

денежному взысканію не свыше тройной суммы или цѣны денегъ или вещей.

За повтореніе сего проступка, а равно въ случаѣ, когда виновнымъ не только былъ извѣстенъ хозяинъ найденнаго, но притомъ найденное было отъ нихъ требовано, или имъ было извѣстно, что о сей потерѣ объявлено установленнымъ порядкомъ, они могутъ быть подвергнуты:

заключенію въ тюрьмѣ отъ двухъ недѣль до шести мѣсяцевъ.

179. За необъявленіе установленнымъ порядкомъ, въ теченіе трехъ недѣль, о найденныхъ, неизвѣстно кому принадлежащихъ деньгахъ или вещахъ, виновные подвергаются:

денежному взысканію не свыше суммы или цѣны утаенныхъ денегъ или вещей.

180. За покупку или принятіе въ закладъ завѣдомо краденаго или полученнаго чрезъ обманъ имущества, виновные подвергаются:

аресту не свыше трехъ мѣсяцевъ, или денежному взысканію не свыше трехсотъ рублей.

Но если означенные въ сей статьѣ проступки совершаются въ видѣ ремесла, то виновные подвергаются наказанію: какъ за кражу.

181. Наказаніе за кражу, мошенничество и присвоеніе или растрату чужаго имущества опредѣляется виновнымъ по приговорамъ общихъ судебныхъ мѣстъ:

1) когда эти преступныя дѣйствія совершены дворянами, священнослужителями, монашествующими или почетными гражданами, во всѣхъ безъ изъятія случаяхъ, и

2) когда они совершены лицами другихъ сословій въ третій разъ, или хотя и въ первый или второй, но на сумму свыше *трехсотъ рублей*, или при обстоятельствахъ, предусмотрѣнныхъ въ статьяхъ 254—262, 263 (ч. 2)—266, 268, 2226—2234, 2240, 2244, 2253 (ч. 2), 2254, 2259, 2262 и 2263 уложенія о наказаніяхъ.

ГЛАВА VII

СУДЕБНЫЯ ОШИБКИ

При бѣгломъ обзорѣ различныхъ системъ наказаній мы старались провести мысль, что если современное уголовное правосудіе не можетъ уже избѣгнуть кара-

тельныхъ мѣръ, то послѣднія должны хотя имѣть форму не суровую, а мягкую. Подобное смягченіе необходимо не только вслѣдствіе того, что въ преступленіяхъ иногда виновато само общество, но и потому, что пробѣгая судебно-уголовную практику всѣхъ временъ и государствъ, мы наталкиваемся на такіе случаи, гдѣ суды въ приговорахъ о виновности или невинности даннаго лица впадали въ грубыя ошибки, подвергая наказаніямъ такихъ субъектовъ, которые были преступны только de jure, а не de facto, т. е. ими не совершалось никакихъ преступленій, а были они заподозрѣны и обвинены въ нихъ по ошибкѣ, возникшей вслѣдствіе того, что улики и уголовныя доказательства, свидѣтельствующія о совершеніи даннаго преступленія, совершенно случайно сгруппировались вокругъ нихъ. Такъ въ 1797 году, на судебной сессіи въ Ольдъ-бэлей, въ убійствѣ Сайдера Фрайера были обвинены два человѣка по случайно сгруппировавшимся около нихъ уликамъ. Между тѣмъ спустя нѣсколько лѣтъ послѣ казни ихъ, два другія лица, судившіяся за другія преступленія, сознались, что ими былъ убитъ и Сайдеръ-Фрайеръ и что лица, которыхъ за это казнили, даже не были прикосновенны къ убійству этому.

Въ Шотландіи обвинялся въ воровствѣ со взломомъ человѣкъ, у котораго было найдено бѣлое платье, признаваемое обвинительницею за похищенное у ней изъ сундука, ей принадлежащее и носимое ею. Обвиняемый отрицалъ взводимое на него преступленіе, а обвинительница подъ присягою доказывала, что платье это украдено у ней. Присяжные уже хотѣли произнести обви-

нительный приговоръ, такъ какъ по ихъ мнѣнію фактъ преступленія исключалъ возможность сомнѣнія въ немъ. Вдругъ одному изъ нихъ пришла мысль попросить обвинительницу, чтобы она примѣрила платье. И что-же? Платье, которое признавалось собственностью обвинительницы, оказалось узкимъ и она не могла даже надѣть его. Разсмотрѣвъ это платье снова, она созналась, что оно не принадлежитъ ей и лишь имѣетъ съ украденнымъ чрезвычайное сходство.

Въ Парижѣ былъ ограбленъ и убитъ одинъ баронъ въ собственномъ своемъ домѣ, а ключница его была отравлена. Въ этомъ преступленіи былъ заподозрѣнъ одинъ молодой механикъ, жившій по сосѣдству. Уликами противъ него были слѣды шаговъ отъ крыльца барона, черезъ дворъ, къ его квартирѣ, и такъ какъ онъ жилъ во второмъ этажѣ и на дворъ баронскій выходили только изъ его квартиры окна и балконъ, то у послѣдняго найдена была прицѣпленная веревочная лѣстница; при обыскѣ у механика отысканы окровавленные кредитные билеты и драгоцѣнный камень, принадлежащій барону. Механикъ отрицалъ совершеніе этого преступленія имъ; появленіе-же денегъ и камня объяснилъ тѣмъ, что какой-то незнакомый ему человѣкъ въ ночь, когда было совершено преступленіе, о которомъ онъ и незналъ до объявленія ему объ этомъ въ судѣ, явился къ нему въ тотъ моментъ, когда онъ заснулъ надъ срочной работой, разбудилъ его и вручилъ ему кредитные билеты, присовокупивъ, что онъ, узнавъ о томъ, что механикъ находится съ семействомъ въ бѣдственномъ положеніи и что за долги грозитъ ему тюрьма, пришолъ къ нему

тайкомъ, чтобы спасти его отъ угрожающей опасности; при этомъ онъ просилъ механика, чтобы тотъ не старался узнать кто онъ, такъ какъ онъ, дѣлая благодѣянія, любитъ, чтобы это оставалось тайной, и съ этими словами скрылся; что крови на кредитныхъ бумагахъ онъ въ то время не замѣтилъ, о драгоцѣнномъ-же камнѣ, найденномъ у него въ квартирѣ, онъ узналъ только во время обыска, и что этотъ камень вѣроятно былъ оставленъ у него въ квартирѣ мнимымъ благодѣтелемъ для усиленія противъ него уликъ. Этому показанію судъ не придалъ никакого значенія и опредѣлилъ подвергнуть его смертной казни, но механикъ бѣжалъ изъ тюрьмы и приговоръ остался безъ исполненія. Между тѣмъ спустя 12 лѣтъ, одинъ господинъ, судившійся за убійство, сознался, что и преступленіе навязанное механику — совершено имъ, и что всѣ улики противъ механика были созданы имъ-же для того, чтобы скрыть слѣды своего преступленія.

Въ верхнемъ судѣ штата Мэнъ, во время сентябрской судебной сессіи 1819 года, производилось дѣло объ убійствѣ Росселя Кольвина. Характеръ этого процесса былъ слѣдующій (1):

Кольвинъ, зять двухъ подсудимыхъ Бурнсовъ, былъ слабаго и не совсѣмъ здраваго разсудка; содержало его семейство подсудимыхъ, которому онъ былъ въ тягость. Въ день изчезновенія Кольвина онъ находился въ полѣ, гдѣ работали подсудимые; тамъ онъ съ ними поссорился

---

(1) Опытъ теоріи косвенныхъ уликъ, Ульяма Уильза. Переводъ Унковскаго, 1864 года.

и одинъ изъ подсудимыхъ нанесъ ему ударъ въ затылокъ, отъ котораго онъ упалъ на землю. Послѣ чего Кольвинъ неизвѣстно куда скрылся. Исчезновеніе его объяснили убійствомъ, и какъ въ полѣ, гдѣ была ссора между нимъ и его родными, найдена его шляпа, то въ преступленіи заподозрили послѣднихъ. Сначала этому подозрѣнію не придавали особеннаго значенія, но потомъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ, когда одинъ изъ сосѣдей разсказалъ, что онъ неоднократно видалъ во снѣ Кольвина, котораго будто убили и схоронили его трупъ, то былъ сдѣланъ осмотръ поля и мѣстности, гдѣ произошла извѣстная сцена, и найдены были: въ старомъ пустомъ погребѣ карманный ножикъ Кольвина и пуговица отъ его платья, а въ пустомъ дуплѣ — два ногтя и нѣсколько костей, признанныхъ за человѣческія. Заподозрѣнные лица были арестованы и, въ силу ихъ собственнаго сознанія въ совершеніи убійства и скрытія трупа въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были найдены кости, ихъ приговорили къ смертной казни. Но подсудимые обратились къ законодательной власти и просили смягченія наказанія. На просьбу ихъ отчасти обратили вниманіе и для одного изъ нихъ казнь — была замѣнена пожизненнымъ заключеніемъ. Но до приведенія въ исполненіе приговора подсудимые отвергнули всѣ свои прежнія показанія и назначили награду за отысканіе пропавшаго Кольвина. Этому разумѣется не придали никакого значенія и приговоръ уже висѣлъ надъ головой ихъ, какъ вдругъ Кольвинъ былъ найденъ въ Нью-Джерси и возвратился обратно. Вся эта путаница объяснилась такъ: Кольвину, какъ человѣку съ болѣзненнымъ состояніемъ

мозга, вообразилось, что родные хотятъ убить его; найденныя кости принадлежали животнымъ, отнесли ихъ къ человѣческимъ вслѣдствіе признанія подсудимыхъ, что онѣ принадлежатъ убитому; принятіе на себя подсудимыми преступленія явилось по совѣту друзей, которые завѣряли ихъ, что для спасенія жизни имъ необходимо не отрицать этого преступленія, такъ какъ это послужитъ средствомъ къ смягченію наказанія, а иначе они будутъ непремѣнно осуждены на смерть, потому что улики исключаютъ возможность сомнѣваться въ ихъ непреступности.

Недавно въ Лондонѣ судъ присяжныхъ приговорилъ къ смертной казни итальянца Серафини Полиціоне по подозрѣнію въ убійствѣ нѣкоего Гаррингтона. Казнь назначена была 22-го февраля 1865 года. Между тѣмъ существующій въ Лондонѣ комитетъ итальянцевъ ходатайствовалъ у правительства о помилованіи, доказывая необходимость этого: во-первыхъ потому, что происшествіе случилось въ жару трактирной ссоры; а во-вторыхъ нѣкоторые свидѣтели утверждаютъ, что убійцею былъ не Полиціоне, а другой итальянецъ. Дѣйствительно, нѣкто Грегоріо, родственникъ Полиціоне, вскорѣ послѣ этого ходатайства, явившись самъ въ судъ полиціи, сознался въ этомъ преступленіи и призналъ въ данномъ дѣлѣ полную невинность Полиціоне.

Такихъ фактовъ можно было-бы сгруппировать цѣлые томы, но и изложеннаго достаточно, чтобы укрѣпить значеніе той истины, что человѣческій судъ, какъ бы хорошо онъ ни былъ организованъ, никогда не можетъ довѣсти всѣ приговоры свои до безусловной справедливости и можетъ впадать въ ошибки ничѣмъ неоправ-

вимыя. Конечно чѣмъ лучше организація суда, тѣмъ менѣе вѣроятности къ совершенію несправедливыхъ приговоровъ, и — обратно. Поэтому-то несостоятельность нашего отживающаго судопроизводства и судоустройства даетъ поводъ предполагать, что судебныя ошибки бывали и у насъ. Вотъ одинъ изъ вѣроятно немалочисленныхъ фактовъ нашихъ судейскихъ ошибокъ (¹). Въ ночь на 1 сентября 1856 г. въ г. Уфѣ совершилось убійство четырехъ служителей и покража денежнаго сундука изъ квартиры, занимаемой акцизно-откупнымъ коммиссіонерствомъ. На мѣстѣ преступленія никто не былъ пойманъ. Полицейскій осмотръ обнаружилъ на переднемъ крыльцѣ у входа въ домъ на ступеняхъ слѣды крови — брызгами и отдѣльными каплями и лежащую шапку и рукавицы, также обагренныя кровью. Двери въ сѣни и переднюю были открыты безъ поврежденія ихъ. Въ залѣ на письменномъ столѣ помѣщался убитый сторожъ — отставной рядовой Ермолай Яковлевъ.

Тѣло его лежало на правомъ боку; разбитая тупымъ орудіемъ голова находилась на подушкѣ облитой кровью; лѣвая половина лица была залита кровью, мѣстами запекшеюся. Стѣна подлѣ трупа была покрыта брызгами крови, между которыми находилось пятно густой крови съ пристававшими волосами. Двойныя двери въ кассирскую комнату найдены отворенными съ слѣдами взлома и поврежденія; на полу этой комнаты валялись разрѣзанныя мѣшки съ мѣдными деньгами; сундука вѣсомъ въ 4 пуда, въ которомъ хранилось 8855 р. 4 к. с. и

(¹) Замѣчательное слѣдствіе, «Юридическій Вѣстникъ» выпускъ 20 й.

12 серебряныхъ ложекъ, не отыскалось въ этой комнатѣ: онъ былъ найденъ въ полуверстѣ отъ дома конторы. Изъ зала отъ двери кассирской комнаты шолъ узкій корридоръ, на который выходили другія комнаты. Въ одной изъ нихъ лежали убитые: дежурные служители конторы — мѣщанинъ Іоновъ и вольноотпущенный Евгеневъ, головы ихъ были разбиты, а у перваго еще были разрублены щека и челюсть. Одѣяло и подушки ихъ были облиты кровью; подлѣ нихъ стояла кровавая лужа, а въ углу топоръ, на которомъ, кромѣ крови, еще былъ кусокъ застывшаго мозга. Въ слѣдующей комнатѣ, гдѣ ночевалъ оставшійся въ живыхъ семидесятилѣтній старикъ, унтеръ-офицеръ Агѣевъ, найдены: висѣвшее на крючкѣ полотенце, замаранное кровью, слѣды крови на порогѣ комнаты, косякѣ и ставнѣ; на табуретѣ-же подлѣ стола, на которомъ спалъ Агѣевъ, полуштофъ съ остаткомъ вина, а подъ столомъ три топора, но безъ всякихъ признаковъ крови. Трупъ четвертаго убитаго, ночнаго караульщика Степанова, лежалъ въ саду, въ двухъ саженяхъ отъ калитки, въ согнутомъ положеніи съ раздробленною головою. Подлѣ калитки и трупа было значительное количество крови.

Особая коммисія, назначенная для изслѣдованія дѣла, заподозрила въ этомъ кровавомъ преступленіи участіе и старика Агѣева. Его арестовали и взяли къ допросу.

На первомъ допросѣ Агѣевъ показалъ, что о совершенномъ преступленіи онъ узналъ только утромъ, когда отправился мести въ комнатахъ полъ, гдѣ, увидѣвъ убитаго въ залѣ Яковлева, испугался, возвратился въ свою комнату и пролежалъ въ ней до того времени, пока не постучались къ нему жена убитаго караульщика Сте-

попова и тесть экономa — Медвѣдевъ. Но черезъ полтора часа Агѣевъ измѣнилъ свое показаніе, утверждая, что объ убійствѣ онъ ничего не зналъ до того времени, пока его не разбудили и не сообщили объ этомъ вышеуказанныя лица. Это показаніе подтвердила жена Степанова, пояснивъ, что когда она разбудила Агѣева и сказала ему: «что ты заперся, въ конторѣ всѣхъ перерѣзали», онъ отвѣчалъ: «что вы врете пустое дѣло, ребята спятъ».

Не станемъ слѣдить за всѣми деталями слѣдствія, какъ-то: за допросами и обысками у разныхъ заподозрѣваемыхъ лицъ, а обратимъ вниманіе на дальнѣйшія показанія старика Агѣева. Агѣевъ ежедневно допрашивался и постоянно мѣнялъ свои показанія, то признаваясь въ соучастіи, то оправдываясь полнымъ незнаніемъ какъ совершилось это преступленіе. Но слѣдователи отъ него не отставали и постоянно преслѣдовали его новыми допросами. Такое положеніе Агѣева заставило его дать совершенно иныя показанія чѣмъ прежде, а именно: 7 сентября онъ показалъ, что 31 августа встрѣтилъ у крыльца конторы знакомыхъ ему: государственнаго крестьянина Василія Туртыгина и служителя архіерейскаго дома Артемія Миронова и между разговорами они сказали ему: «ну Сидоръ Ивановичъ, и такъ сегодня вечеромъ мы придемъ въ контору къ тебѣ въ гости, дожидайся; но смотри, если ты насъ не пустишь когда мы придемъ, то ни тебя, ни дѣтей, ни жены не оставимъ живыми, да и домъ твой сожжемъ.» На эти слова онъ не обратилъ особеннаго вниманія, принявъ ихъ за шутку. Ночью онъ услышалъ стукъ въ двери. На вопросъ его: «кто стучитъ?» отвѣчали: «повѣре-

ный за бумагой.» Когда онъ отворилъ двери, то въ переднюю вошли Туртыгинъ, Мироновъ и еще четыре человѣка, впереди которыхъ былъ кучеръ, жившій въ конторѣ, — Николай Филатовъ. Войдя въ переднюю, они сказали Агѣеву: «хочешь жить или умереть?» и потребовали огня. Агѣевъ взялъ подсвѣчникъ съ огаркомъ, а Туртыгинъ, зажегши спичкой огонь, велѣлъ нести его передъ ними въ залу. Впереди шолъ кучеръ Николай Филатовъ съ топоромъ въ рукахъ. Подойдя къ спящему на столѣ Яковлеву, Филатовъ со всего размаха ударилъ его по головѣ топоромъ и убилъ его такъ мгновенно, что тотъ даже не вскрикнулъ, только кровь брызнула во всѣ стороны; потомъ всѣ отправились въ комнату, гдѣ спали Іоновъ и Евгеневъ. Филатовъ сперва нанесъ первому ударъ остріемъ въ щеку и челюсть, и когда тотъ вскрикнулъ «охъ», то вторичный ударъ обухомъ по головѣ лишилъ его жизни. Евгеневъ также былъ убитъ топоромъ и такъ мѣтко, что отъ одного удара онъ оказался мертвымъ. За тѣмъ они всѣ пошли въ комнату Агѣева, обшарили ее вездѣ и возвратились въ залу, гдѣ Туртыгинъ отломалъ желѣзную накладку у дверей кассирской комнаты, ударилъ плечемъ во вторую дверь, и какъ она слабо запиралась внутреннимъ замкомъ, то онъ безъ особаго труда оторвалъ не только замокъ, но и личинку отъ дверей. Потомъ преступники вошли въ кассирскую комнату и Филатовъ началъ разрѣзывать лежащіе тамъ мѣшки; но когда увидѣлъ, что они съ мѣдными деньгами, то бросилъ ихъ. Далѣе преступники, замѣтивъ желѣзный сундукъ, бросились къ нему всѣ съ крикомъ: «вонъ онъ!» Сундукъ этотъ и нѣсколько мѣшковъ съ мѣдью они вытащили на дворъ и удалились,

погрозивъ Агѣеву: «смотри старикъ, никому не сказывай, а то завтра-же будешь убитъ!»

По этому оговору были арестованы всѣ указанныя лица; обыскомъ у нихъ найдены слѣдующія вещи, наведшія слѣдователей на мысль о ихъ преступленіи: у Филатова — два ножичка; у Туртыгина — вымытая рубаха съ слѣдами крови, желѣзная пѣшня и сюртукъ, который съ внутренней стороны, по мнѣнію слѣдователей, былъ замаранъ кровью; у Миропова — красная рубаха съ отрѣзанными по локоть рукавами, замаранная кровью. Эти вещи и показанія Агѣева только и служили обвинительными аргументами противъ арестованныхъ; такъ какъ заподозрѣнныя лица отвергали совершеніе этого преступленія, утверждая, что въ ночь покражи и убійства они спали и никуда не выходили. Въ доказательство словъ своихъ они ссылались на свидѣтельство постороннихъ лицъ, которыя дѣйствительно подъ присягою подтвердили ихъ показанія. Агѣевъ также въ продолженіе десяти дней упорно отрицалъ свои обвиненія, называя ихъ своею выдумкою, вслѣдствіе разсказовъ и предположеній о томъ, какъ могло совершиться это дѣло; на лицъ же указалъ потому, что они его знакомые и первые пришли ему на умъ. Но 18 сентября онъ снова подтвердилъ свои прежнія обвиненія съ добавленіемъ, что Туртыгинъ и Мироновъ говорили ему о своемъ приходѣ еще 30 августа; избавленіе же свое отъ смерти объяснялъ тѣмъ, что въ молчаніи поклялся преступникамъ небомъ, землею, женою и дѣтьми. На очной же ставкѣ съ Филатовымъ, Туртыгинымъ и Мироновымъ — Агѣевъ снова отвергнулъ свои обвинительныя показанія, объявивъ, что онъ ничего не знаетъ,

такъ какъ въ ночь преступленія спалъ безъ пробудки и что если и указываетъ на лицъ преступленія, то потому что слышалъ, что ихъ обвиняютъ въ убійствѣ и нашли у нихъ замаранныя кровью вещи.

Но на этомъ слѣдователи не остановились: къ Агѣеву были подсажены подъ арестъ Кривцовъ и переодѣтый унтеръ офицеръ жандармской команды Соенко, въ бесѣдѣ съ которыми онъ оговорилъ еще шуриновъ своихъ Тихона, Захара и Степана Артемьевыхъ. Первые два были заарестованы, а послѣдній оставленъ на свободѣ, такъ какъ доказалъ нелѣпость обвиненій Агѣева свидѣтельскими показаніями о томъ, что въ ночь убійства онъ былъ въ 70 верстахъ отъ города.

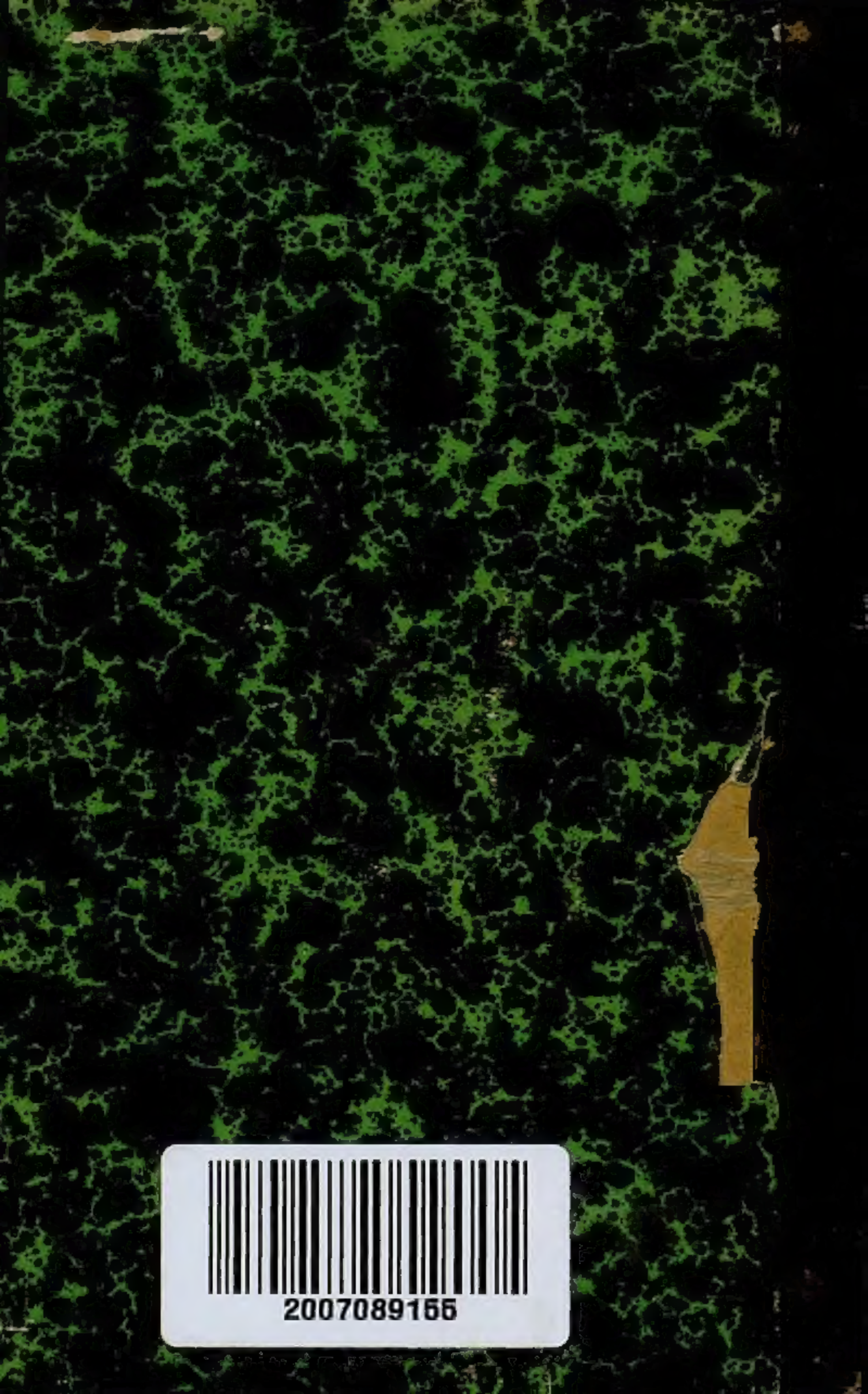
Дѣло долго тянулось по разнымъ учрежденіямъ. Обвиняемые сидѣли и сидѣли въ острогѣ. Наконецъ по рѣшенію правительствующаго сената Агѣевъ сосланъ въ Сибирь, а остальные оставлены въ подозрѣніи.

«И подѣломъ», вѣроятно скажетъ неопытный читатель. Но онъ ошибется также какъ и судъ. Спустя четыре года послѣ совершенія преступленія открыты истинные убійцы, а заподозрѣнныя лица оказались невинными, хотя и очень поздно: Агѣевъ и Туртыгинъ съ печали умерли, а чиновники Артемьевы совершенно разорились и вдоволь нравственно настрадались...

И если насъ спросятъ: какъ-же было поступить иначе съ заподозрѣваемыми лицами, когда противъ нихъ были такія сильныя улики, то на это отвѣтимъ: нужно было побольше обратить вниманія на 70 лѣтній возрастъ Агѣева, на испугъ его при узнаніи объ убійствѣ, на послѣдовавшее отъ того душевное разстройство и на ту обстановку, подъ вліяніемъ которой да-

вались имъ показанія. Такъ Агѣевъ въ судѣ указалъ, что во время слѣдствія, при каждомъ допросѣ его, старшій членъ коммисіи наносилъ ему побои кулаками въ грудь. А при такой системѣ допроса чего не скажетъ человѣкъ! Ктому же Агѣевъ въ судѣ отрекся отъ прежнихъ своихъ показаній, утверждая настойчиво, что о совершонномъ преступленіи онъ ничего не знаетъ, потому что въ ночь эту онъ напился пьянъ такъ, что не помнитъ какъ и гдѣ онъ легъ спать.

Всѣ изложенныя явленія судейскихъ ошибокъ обнаруживаютъ полную несостоятельность различныхъ теорій судебно-уголовныхъ доказательствъ и уликъ, на основаніи которыхъ часто составляютъ приговоры о виновности или невинности данныхъ лицъ. И неудивительно: дѣятельность людей выражается въ такихъ безконечно разнообразныхъ явленіяхъ и видахъ, что невозможно опредѣлить ихъ теоретически и возвести въ формулы, посредствомъ которыхъ можно бы было безошибочно разрѣшать, опредѣлять и разъяснять каждый представляющійся фактъ. Поэтому всѣ создаваемыя теоріи судебно-уголовныхъ доказательствъ и уликъ, въ родѣ хоть напримѣръ «теоріи косвенныхъ уликъ» Ульза, которыми такъ восторгаются иные, можно считать не болѣе какъ попытками, а не руководствами, такъ какъ онѣ даже и при такомъ строгомъ регуляторѣ, какъ внутреннее убѣжденіе присяжныхъ, представляютъ непрочное подспорье при опредѣленіи виновности заподозрѣннаго въ преступленіи.



2007089166